КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

Ф. СТАРОВОЙТОВ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ РАБОТЫ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В С.С.С.Р.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ Г. И. ВОЛКОВА

ИЗД-ВО ВУЦИК „СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПРАВО"

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

Ф. СТАРОВОЙТОВ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ РАБОТЫ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СССР

Под редакцией и с предисловием Г И. Волкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВУЦИК „СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПРАВО“
КИЕВ 1935

Типография Изд-ва
ЦК КП(б)У
„К О М У Н І С Т"
Киев
Нероновича, 24

Уполномоч. Главлита 7281
Зак. № 153 Тир. 5.000

Редактор Г. И. Волков
Литредактор Л. Васильковская
Техредактор Н. Шайдурова
Издание № 4

1/16 4—почт. (62x94), вес 1 м. ст. 38 кгр. в 1 бум. лист. 102 т. знак. 3 3/8 бум. листа
Сдано в производство 10/I подписано к печати 17/I. Тираж 5.000

Адрес Изд-ва: ул. Кирова, № 8.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга т. Ф. И. Старовойтова — это диссертация, которую он защитил — защитил весьма успешно — по окончании Института красной профессуры весной 1933 года. Но, кроме этого, книга т. Старовойтова есть результат его участия в работе коллектива — Секции уголовной политики ИССП Ком. Академии.

Осуществляя указания, не раз дававшиеся т. Л. М. Кагановичем, о необходимости в научно-исследовательской работе, при изучении вопросов советского строительства и права, повернуться лицом к живой конкретике, к практике классовой борьбы, к проблематике текущей действительности, Секция уголовной политики предприняла ряд работ, ставящих себе целью изучение именно этой конкретики, изучение меняющихся форм классовой борьбы.

В результате разработки этого ряда проблем, Секция издает несколько сборников и монографий. Книга т. Старовойтова является одной из работ этой серии.

Первое, что нужно сказать о книге Старовойтова, это то, что она является первым опытом научно-исследовательской разработки вопроса об исправительно-трудовых работах без лишения свободы: до сих пор этого вопроса касались в отдельных статьях, выступлениях, но лишь впервые этот вопрос охватывается в целом. Отсюда вытекает и ряд трудностей, с которыми пришлось встретиться автору. Тем не менее, автор с этими трудностями в основном справился. Тов. Старовойтов сумел под свое исследование подвести надежную базу марксо-ленинской теории. Это касается прежде всего правильности основной методологической установки книги: автор исходит из марксо-ленинского учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, ибо, только исходя из этих основных положений, можно правильно поставить и попытаться разрешить вопрос о советской уголовной и исправительно-трудовой политике, и, в частности,—вопрос о таком специфически советском, новом институте, как исправительно-трудовые работы без лишения свободы.

Работа т. Старовойтова политически заострена и направлена на борьбу за генеральную линию партии, на борьбу с оппортунистическими извращениями в уголовной политике, на борьбу с внешним уголовно-правовым фронтом. Последнее получило в книге т. Старовойтова свое выражение в обоснованной, достаточно полной и заостренной критике буржуазной пенитенциарии, в критике постановки вопроса о принудительных работах, как

мере наказания в капиталистических странах. В этом отношении т. Старовойтовым использован большой материал законодательства капиталистических стран и почти исчерпывающе — буржуазная пенитенциарная литература по вопросу о принудительных работах.

Работа т. Старовойтова ценна в том отношении, что поднимает исследуемый вопрос на достаточную теоретическую высоту и освещает его по данным, касающимся не одной какой-либо союзной республики, а всего Союза. Автор использовал материал по советской исправительно-трудовой политике как по линии законодательных актов, так и по линии большого запаса фактических данных о положении исправительно-трудовых работ без лишения свободы в большинстве союзных республик. Автор критически осветил и те взгляды на исправительно-трудовые работы, которые высказывались в нашей советской литературе. Книга т. Старовойтова, таким образом, является обобщением практического опыта и теоретической разработки в области исправительно-трудовых работ без лишения свободы и представляет собою серьезный вклад в советскую литературу по вопросам исправительно-трудовой политики.

Необходимо отметить актуальность темы, избранной автором. Эта актуальность вытекает из того, что исправительно-трудовые работы на данном этапе классовой борьбы и социалистического строительства приобретают особенное значение в связи с теми возможностями, которые дает для исправительно-трудовой политики нынешний размах новых социалистических форм труда, в связи с теми задачами, которые в порядке осуществления принудительного воспитания к дисциплине ставит перед собой в свете решений XVII партконференции, январского пленума ЦК и ЦКК и доклада т. Сталина на этом пленуме, советская исправительно-трудовая политика — задачами переделки человеческого сознания. Это актуальность темы вытекает из той количественной роли, которую играют исправительно-трудовые работы без лишения свободы в нашей практике, занимая по количеству приговоров и административных постановлений одно из первых мест среди других видов уголовной репрессии. Но не только в количественной стороне дела заключается важность и актуальность этой темы: исправительно-трудовые работы без лишения свободы важны для нас по своей специфической качественности, будучи и по содержанию и по форме новым институтом, свойственным только советской системе уголовной репресии, неведомым уголовному праву капиталистических стран.

Это особое, новое качество исправительных работ без лишения свободы, как формы уголовной репрессии, подчеркивается т. Старовойтовым в его работе со всей определенностью и четкостью.

Действительно, решающую роль в исправительно-трудовых работах без лишения свободы, как формы уголовной репрессии,

играет новое качество труда, труда социалистического. Это делает невозможным наличие подобного института в арсенале мер уголовной репрессии капиталистических стран. Включая в себя новые социалистические формы труда, исправтрудработы без лишения свободы своей задачей ставят в основном воспитание к новой социалистической дисциплине, вне этого немыслимы никакие „исправительные свойства" труда. Труд „вообще" не мо применяться в капиталистической тюрьме. Если за стенами тюрьмы наемный труд существует лишь, как необходимость, то в условиях тюремного режима или в условиях применения труда, как наказания, внетюремного только усугубляются черты принудительности, репрессивности этого труда, обнаруживается полная невозможность использовать его в каких бы то ни было „исправительных" целях; труд в капиталистической тюрьме может служить только целям физического и психического подавления заключенного, в каких бы формах этот труд не применялся,— в форме ли нарочитой, издевательськой, бессмысленной, заведомо не дающей никакого даже хозяйственного эффекта, или в форме внесения попыток капиталистической рационализации. В этом— основное противоречие труда, как „исправительной" меры в условиях капиталистического строя и это основное противоречие только усиливается тем обстоятельством, что труд осужденных не может найти себе широкого применения в силу органически присущей капиталистическому строю безработицы.

Иное классовое содержание труда в СССР, иные новые социалистические формы его применения в стране социалистической стройки,—все это дает возможность построить в системе нашей исправительно-трудовой политики — исправительно-трудовые работы без лишения свободы, как меру реальную и эффективную не только в хозяйственном отношении, но и в отношении исправительно-трудового эффекта, в отношении дисциплинирования сознания присужденных к этой форме уголовной репрессии.

Быть может, именно в значении для исправительно-трудовых работ новых социалистических форм труда и следует искать основную причину того обстоятельства, что только в реконструктивном периоде исправительно-трудовые работы без лишения свободы получили широкое распространение в нашей судебно-уголовной и исправительно-трудовой практике, получили для себя прочную основу. Именно такое об'яснение недостаточного применения исправительно-трудовых работ без лишения свободы в восстановительный период, недопонимания их важности, связывает разрешение этого вопроса со всем ходом классовой борьбы в нашей стране, со всем процессом развития социалистического строительства. В свете такого об'яснения подчиненное, хотя и важное, конечно, место занимают и те обстоятельства, что развитию исправительно-трудовых работ в восстановительный период мешало наличие в СССР безработицы, мешало

недостаточное внимание и воля к организации, упрочению и развитию этой области нашей исправительно трудовой политики со стороны органов, эту политику осуществлявших.

Для правильного понимания значения исправительно-трудовых работ без лишения свободы необходимо проследить, как на разных этапах развития нашей уголовной политики менялось, в области применения исправительно-трудовых работ, соотношение подавления классово-враждебных элементов и элементов разложения, с одной стороны, и принудительного воспитания дисциплины — с другой. Такое изменение соотношения этих двух сторон нашей уголовной репрессии совершенно неизбежно. Если даже взять применение труда в стенах мест лишения свободы на разных этапах, то и тогда бесспорным является то, что методы применения труда по отношению к той или иной социальной группе заключенных зависят от хода классовой борьбы и развития ее форм во всей стране. Тем более это обстоятельство является бесспорным, когда речь идет о применении труда в качестве репрессивной меры за пределами мест лишения свободы, когда осужденного к исправительно-трудовым работам без лишения свободы не отделяют от классовой борьбы, от социалистической стройки в стране ни стены лишения свободы, ни сотня километров пространства.

Если мы вспомним высказывания Ленина еще в 1917 г., то мы увидим, что Владимир Ильич принудительным работам без лишения свободы тогда придавал преимущественно характер меры подавления, ставя их наряду с заключением в тюрьму, конфискацией всего имущества и отправкой на фронт и причисляя их к тем „необходимым, чрезвычайным, революционным мерам", которые тогда были нужны для борьбы с разрухой, с саботажем капиталистов и чиновников. (Ленин, соч. т. XX с. 141).

Точно также в статье „Как организовать соревнование" Ленин говорит о „принудительных работах тягчайшего вида", которые должны применяться по отношению к богатым и к жуликам, участь которых „по справедливости должна стать участью богатых". И здесь, как мы видим, принудительные работы Лениным рассматриваются в основном как мера подавления классово-враждебных элементов и элементов разложения. Если мы вспомним, что тогда, в 1917 г., новые, социалистические формы труда в нашей стране еще не находили массового, постоянного и систематического применения, то такой характер принудительных работ в то время, как меры, в основном, подавления, станет для нас совершенно понятным.

Теперь, на данном этапе, мы знаем, что исправительно-трудовые работы без лишения свободы в основном относятся не к мерам подавления классово-враждебных элементов и элементов разложения, а к мерам принудительного воспитания к дисциплине неустойчивых элементов из среды трудящихся. В связи с исторически меняющимся значением исправительно-трудовых

работ без лишения свободы, находится, несомненно, и изменение терминологии. Исследователю необходимо сопоставить такие термины, как приведенные выше: „принудительные работы тягчайшего вида", „принудительные работы", и наконец, современный термин — „исправительно - трудовые работы".

Говоря о громадном значении соцсоревнования и ударничества в деле осуществления исправительно-трудовых работ без лишения свободы, необходимо разграничивать разные методы применения социалистических форм труда по отношению к осужденным — классовым врагам. Соцсоревнование и ударничество, внедренные в систему воспитания к дисциплине осужденных из числа трудящихся, могут применяться и применяются в самом же начале отбывания исправработ без лишения свободы. Что касается классовых врагов, то задача их переделки, как в местах лишения свободы, так и без лишения свободы, должна осуществляться лишь в переходе к социалистическим формам труда, при этом вначале делается ставка на социалистические побуждения, которых нельзя предполагать у осужденного представителя классово-враждебных элементов в моменты, непосредственно следующие за осуждением; вначале ставка делается на стремление добиться путем хорошей работы льготного режима, зачета рабочих дней и т. п., а затем, в процессе применения работ и политико-воспитательного воздействия, работа переносится на новую, высшую ступень — ступень внедрения социалистических форм труда.

В нашей литературе еще не разработан вопрос об эффективности исправительно-трудовых работ без лишения свободы, как уголовной репрессии, о степени осуществления на практике цели воспитания к новой дисциплине. Правда, разрешению этого вопроса мешает отсутствие в этой области статистических данных, но все же этот пробел необходимо восполнить исследованием отдельных дел, обследованием предприятий, где отбывают исправтрудработы осужденные, изучением отдельных живых людей и их судьбы после отбытия исправтрудработ. Эта задача — задача первейшей важности, и она, очевидно, еще стоит перед исследователем советской исправительно-трудовой политики.

Несмотря на отдельные дефекты, имеющиеся в книге т. Старовойтова и подлежащие суду критики, публикуемая работа — политически актуальная, дающая правильный марксо-ленинский анализ вопроса, политически заостренная, теоретически достаточно углубленная — заслуживает в общем вполне положительной оценки. Она ценна для развития теории советской исправительно-трудовой политики, на конкретном материале и по конкретному вопросу применяя и развивая основные политические положения, данные нам в решениях XVII партконференции, в работах т. Сталина и, применительно к специальным вопросам исправительно-трудовой политики, — в известном выступлении т. Постышева на VI совещании работников юстиции. Однако, связь

теории с практикой, проведенная т. Старовойтовым, выступает не только в тематике работы, не только в том материале, которым автор оперирует в своей книге,—эта связь выступает в работе т. Старовойтова еще в том отношении, что дает для практического работника нашей исправительно-трудовой системы ряд ценных указаний, знакомит его с опытом территориально-соседних участков работы, заостряет его внимание на недостатках в деле осуществления исправтрудработ и намечает по ряду вопросов пути к исправлению этих недостатков. Наконец, хотя книга т. Старовойтова не преследует учебных целей, являясь работой научно-исследовательского характера, тем не менее ее можно с полным основанием рекомендовать в качестве учебного пособия для студентов вузов и для слушателей курсов в системе ИТУ.

Работа т. Старовойтова — шаг вперед в области, мало разработанной в нашей литературе. Нужно пожелать автору и дальнейших успешных шагов.

Г. Волков.

Глава I

Основные принципы советской уголовной политики и исправительно-трудовые работы без лишения свободы, как мера уголовной репрессии

Пролетариат, как господствующий класс в нашей стране руководствуясь основными указаниями ленинизма, в своей классовой борьбе в переходной период, в период диктатуры пролетариата осуществляет три основные ее стороны — а) беспощадно подавляет побежденный класс эксплоататоров и окончательно закрепляет свое господство; б) укрепляет свой союз с трудящимися массами и вовлекает их в непосредственное строительство социализма, и через него посредством этого союза перевоспитывает эти массы трудящихся в новых работников социалистического общества, и, наконец, в) использует свою диктатуру для окончательного построения социализма, для уничтожения классов и классовых различий, для создания бесклассового коммунистического общества.

Исходя из этих основных задач, стоящих перед пролетариатом нашей страны, советское государство строит свою уголовную политику, как часть общей политики пролетарского государства, отвечающую требованиям классовой борьбы переходного периода, периода диктатуры пролетариата.

В отличие от буржуазного уголовного права и в частности русского дореволюционного, советское уголовное право строится на новых, совершенно неизвестных буржуазной уголовной политике принципах.

В эпоху пролетарской диктатуры уголовная политика осуществляется под углом зрения революционной классовой борьбы пролетариата, под углом зрения своеобразных явлений, соответствующих данной эпохе. Ожесточенная классовая борьба внутри страны между господствующим пролетариатом и свергнутым, разгромленным, но еще окончательно не уничтоженным капиталистическим классом в нашей стране, а также внешнее капиталистическое окружение диктуют методы борьбы с классовым врагом и деклассированными элементами, оставленными нам в наследство буржуазным обществом, соответствующие эпохе диктатуры пролетариата. Классовое подавление, направленное на укрепление нового социалистического общества, применяется ко

всем социально-опасным элементам, посягающим на основы диктатуры пролетариата, ее экономическую и хозяйственную мощь, а также на самую диктатуру пролетариата — политическую власть рабочего класса нашей страны.

Основной задачей уголовной политики пролетариата на переходной от капитализма к коммунизму период является укрепление диктатуры рабочего класса и организуемого им социалистического хозяйства и новых форм общежития от посягательств классовых врагов с одной стороны, и с другой стороны — борьба с теми нарушениями со стороны неустойчивых элементов из среды самих трудящихся, у которых еще не изжиты мелко-буржуазные пережитки. В соответствии с этими задачами пролетарское государство посредством уголовной политики осуществляет эту борьбу путем непосредственного применения мер прямого подавления в отношении классовых врагов и мер принудительно-воспитательного воздействия в отношении трудящихся.

Ленин в своих многочисленных высказываниях и в непосредственных указаниях, в своей практической революционной работе учил пролетариат тому, что закрепить завоеванную власть, укрепить свою диктатуру и создать базу для социалистического общества пролетариат сможет только тогда, когда он правильно разрешит стоящую перед ним в переходной период от капитализма к коммунизму двуединную задачу: во первых, подавить сопротивление эксплоататоров, и во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплоатируемых, вовлечь ее без остатка в социалистическое строительство нового общества, в создание новой социалистической трудовой дисциплины, в организацию нового социалистического труда, где этот труд является делом чести, славы, доблести и геройства.

Ставя такие задачи перед пролетариатом, ленинизм не разрывает моментов принуждения и убеждения в нашей уголовной политике и в уголовной репрессии. Без репрессии, как вспомогательной меры в политике диктатуры пролетариата, поставленных задач пролетариат решить не сможет, ибо остались еще в среде части пролетариата мелкобуржуазные пережитки, а в среде широких колхозных масс также еще довлеют мелкособственнические пережитки, тянущие их назад к старому, к прошлому. Эти пережитки прошлого противоречат принципам подлинной пролетарской социалистической дисциплины; поэтому пролетариат применяет для более успешной борьбы с ними такой метод классовой борьбы, как уголовная репрессия.

В переходной период, в период диктатуры пролетариата, уголовная репрессия является активным моментом воздействия в деле социалистического строительства, активно помогает переделке общественных условий на базе социалистической экономики. Ибо в деле перевоспитания трудящихся масс колхозников „в наших условиях, — говорит т. Постышев, — репрессия пресле-

дует цель не только подавления, наказания, изоляции, но и перевоспитания, переделки".[1]

Конечно это, как мы уже указывали выше, ни в коей мере не исключает активной борьбы путем прямого подавления классового врага и его сообщников, и особенно разгромленного, но еще не добитого кулачества. Вести борьбу с классовым врагом, прощупывать его в различных проявлениях — задача советской уголовной политики.

В практике борьбы пролетариата за воспитание к новой социалистической дисциплине диалектически сочетается „принуждение" и „убеждение" Без этого сочетания невозможно широкое и глубокое внедрение воспитания к новой социалистической дисциплине.

Методы воспитания и общественного воздействия должны быть максимально использованы для исправления и перевоспитания трудящихся, привлекаемых к уголовной ответственности „для скорейшего возвращения их в общество классово-сознательных тружеников социалистического хозяйства".[2]

Победоносно осуществляя строительство социализма, пролетариат нашей страны, под руководством своей партии и вождя тов. Сталина, уже конкретно осуществляет построение бесклассового социалистического общетва, в связи с чем встает вопрос об усилении элементов воспистания и воздействия репрессивных органов на деклассированные элементы, на выходцев из чуждых нам классов. Ни в коей мере не снимая и не смягчая политики подавления их сопротивления, вместе с тем мы должны на современном этапе диктатуры пролетариата „начать работу по переварке, перевоспитанию этих деклассированных элементов с тем, чтобы, проведя их через горнило раскулачивания, изоляции, трудового воздействия и воспитания, выпустить их со временем в общество тружеников социалистического хозяйства".[3]

Наша партия и рабочий класс нашей страны смогли эту задачу поставить и осуществлять теперь лишь потому, что в своей классовой борьбе разгромили экономическую базу кулачества, создав новое сельское хозяйство на основе коллективизации и крупной машинной техники, лишив кулачество, как эксплоататорский класс, его экономической, а следовательно, и политической основы. Такое решение вопроса, понятное дело, ничего общего не имеет с правооппортунистической теорией врастания кулачества в социализм, ибо речь идет о воздействии на деклассированные элементы, уже лишенные своей экономической базы.

Пришедший к власти в Октябрьскую революцию пролетариат не мог просто приспособить для своих целей старую госу-

---

[1] Постышев П. П. „Основные задачи советской юстиции на современном этапе". 1932, стр. 21.

[2] Постышев П. П., там — же стр. 22.

[3] Постышев, П. П., там же — стр. 25.

дарственную машину, а следовательно и всю старую помещичье-буржуазную карательную систему, служившую для подавления эксплоатируемых масс трудящихся. Он разрушил всю эту систему уголовной репрессии, как и старую государственную машину, которая ее осуществляла. Господствующий класс по-новому, по-своему стал строить систему уголовной политики.

Пока не прекратилась классовая борьба, пока пережитки старого экономического строя и старого быта порождают еще дезорганизующие действия неустойчивых элементов из среды трудящихся, пока еще будет продолжаться сопротивление остатков ликвидируемых капиталистических классов, получающих поддержку из окружающего нас капиталистического мира, до тех пор рабочий класс вынужден сохранить не только „принудительные учреждения всякого рода", но и „особую силу для подавления" (армию, милицию, суды).

Коммунистическая партия в своей программе дала основное директивное указание уголовной политике пролетарского государства в переходной период. Партия указала, что ее путем и целью являются „замена лишения свободы обязательным трудом без лишения свободы" и „замена тюрем воспитательными учреждениями".[1]

Упразднив старый метод борьбы с преступностью и с преступником, уничтожив царские казематы одиночного и пожизненного заключения, пролетариат превратил тюрьмы в исправительно-трудовые учреждения, где основным методом воздействия на совершивших классово-опасные действия стал труд, трудовое перевоспитание и приспособление к социалистическому общежитию.

Исходя из общих задач уголовной политики в период диктатуры пролетариата, для подавления классового врага пролетариат оставил в арсенале своей уголовной репрессии расстрел, как временную меру, и изоляцию для наиболее опасных классовых врагов, элементов разложения — профессиональных преступников. Для выходцев из своего класса и вообще трудящихся, совершивших менее классово-опасные действия, органы диктатуры пролетариата применяют меры дисциплинирующего воздействия, представляющие собой различные мероприятия, начиная от общественного порицания, условного осуждения и т. п., и кончая исправительно-трудовыми работами в отдельных местностях. Однако эта принципиально выдержанная классовая дифференциация репрессии не означает ни в коей мере механического применения: в отношении тех представителей трудящихся, которые серьезно дезорганизуют социалистическую стройку, являются агентурой классового врага и представляют серьезную классовую опасность, должны применяться — и применяются — жесткие меры подавления. С другой стороны, в самое подавление,

---

[1] „Программа ВКП(б)", § 11.

применяемое к классовым врагам и к профессиональным преступникам, внедряются, как указано было выше, элементы принудительно - воспитательного характера. Исторический опыт Белморстроя показал, что на нынешнем этапе строительства социализма эта труднейшая диалектическая задача может разрешаться на практике с блестящим успехом.

На различных этапах развития и укрепления диктатуры пролетариата классовая борьба меняет свои формы, а в соответствии с этим меняется и характер мер уголовной репрессии. Так, в период гражданской войны в нашей стране меры уголовной репрессии, применяемые органами пролетарской диктатуры в виде изъятия из общества классового врага и изоляции его в концлагере до окончания гражданской войны или на более продолжительные сроки, или физическое уничтожение его — были необходимы, а к выходцам из трудящихся, совершавшим менее опасные действия, применялись меры исправительно - трудового воздействия.[1] В применении этих мер уголовной репрессии, в первые дни своего существования, советские суды руководствовались революционным правосознанием, и только в 1919 г. в „Руководящих началах по уголовному праву РСФСР" были сформулированы на классовой основе принципы нашей уголовной политики, в которых указывалось, что „советское уголовное право имеет задачей посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующих интересам масс, организовавшихся в господствующий класс в переходной от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата".

С окончанием гражданской войны Страна советов стала быстро экономически восстанавливаться, приобретать соответствующую экономическую и хозяйственную мощь, наряду с этим росла и укреплялась революционная законность, основа которой была положена Октябрьской революцией в виде диктатуры пролетариата. В 1924 г. в своих „Основных началах уголовного законодательства Союза ССР" пролетарское государство так формулирует задачи своей уголовной политики: „уголовное законодательство СССР имеет своей задачей судебно - правовую защиту государства трудящихся от общественно - опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею порядок".

Дальнейшее развитие и укрепление пролетарского государства, на основе неуклонно идущего к победе социализма в нашей стране и ожесточенного сопротивления этой победе разгромленного, но не добитого классового врага, поставили задачу перед советскими органами революционной законности еще зорче блюсти законность, ибо „революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного

---

[1] Смотри об этом у Эстрина: „Развитие советской уголовной политики" 1933 г.

коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности". „Основная забота революционной законности говорит т. Сталин — состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом. Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами советской власти,—является одной из основных задач партии".[1]

Революционный пролетариат, ведущий за собой всю массу трудящихся, захватив власть в свои руки, об'являет свою диктатуру, диктатуру в интересах большинства членов общества. Пролетариат нашей страны уничтожил частную собственность и создал собственность общественную с целью уничтожения экономического неравенства и классового господства в обществе и перестройки общества на новых коммунистических началах.

Революционный пролетариат нашей страны осуществил эти принципы, создал свое государство, принципиально отличное от буржуазного государства, служащего в руках буржуазии—меньшинства — для подавления эксплоатируемого большинства, для его угнетения. Поэтому советская уголовная политика, исходя из сущности своего государства, совершенно отказалась от принципа „наказания за вину", присущего буржуазному уголовному праву. Этот принцип советское уголовное право отвергает, как принцип классово-чуждый, основанный на базе частной собственности товарно-капиталистического общества. Советская уголовная политика, ставящая своей основной задачей укрепление пролетарской диктатуры, в основном преследует цели прямого подавления классово-враждебных элементов и элементов разложения, посягающих на диктатуру пролетариата и строящегося социалистического общества, и принудительное воспитание к дисциплине трудящихся, дезорганизующих социалистическое строительство. Эти задачи, тесно одна с другой переплетающие единство нашей уголовной политики, являются в то же самое время и задачами нашей исправительно-трудовой политики, ибо исправительно-трудовая политика образует единство с судебно-уголовной политикой советской власти. Важнейшие меры, находящиеся в арсенале советской уголовной репресси — это об'явление врагом трудящихся с лишением прав гражданства СССР; лишение свободы не свыше 10 лет, сопровождаемое обязательным трудовым и политико-воспитательным воздействием, применяемым к осужденным в местах заключения; высылка и ссылка социально-опасных элементов в отдаленные местности нашего Союза; условное осуждение, штраф и, наконец, исправтрудработы без лишения свободы.

В примечании к ст. 13 „Основ. Начал. Угол. Зак-ва Союза"

---

[1] Сталин, „Итоги первой пятилетки". Партиздат, 1933 г., стр. 71-72.

1924 г. пролетарское государство указывает, что замена высшей меры социальной защиты, т. е. 10 лет лишения свободы расстрелом, допускается впредь до отмены. Рабочий класс нашей страны на опыте обостреннейшей классовой борьбы со своими классовыми врагами и его агентурой, находящейся в рядах самих трудящихся, направляющей свое враждебное острие на подрыв диктатуры пролетариата, на уничтожение пролетарского государства, на срыв социалистического строительства, вынужден в этой борьбе применять чрезвычайную меру классового подавления — расстрел. Советское уголовное законодательство на эту меру уголовной репрессии смотрит, как на меру временную, исключительную, диктуемую классовой борьбой в период пролетарской революции.

В эпоху пролетарской диктатуры, когда ожесточенная классовая борьба происходит во всех порах общественной и хозяйственной жизни нашей страны, когда классовые враги неустанно посягают на устои диктатуры пролетариата — на ее общественную социалистическую собственность, необходима мера уголовной репрессии в виде расстрела.

Наша судебно-уголовная политика принципиально против и физического, и морального истязания осужденного, против унижения личности и человеческого достоинства. Уголовно-репрессивная система советского государства не ставит себе, как буржуазное уголовное право, задачи мести.

В системе советской уголовной репрессии особо важную роль играют исправительно-трудовые работы без лишения свободы, которые у нас являются одной из основных мер уголовной репрессии, применяемой главным образом к осужденным из трудящихся и осуществляющей задачу принудительного воспитания к дисциплине. С первых дней борьбы за новую дисциплину в своих рядах пролетариат нашей страны и его суд практически поставили вопрос об исправительно-трудовых работах без лишения свободы, как о самостоятельной мере уголовной репрессии, стоящей принципиально на иной основе, нежели в капиталистических странах.

В системе нашей уголовной и исправительно-трудовой политики труд является одним из главнейших моментов. Это вытекает из того, что отношение к труду у нас принципиально иное, чем в капиталистических странах, где общественным одобрением пользуется нетрудовая жизнь, состоящая в том, чтобы „иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием“[1].

Только Октябрьская революция, экспроприировав у капиталистов средства производства и превратив рабочих из рабов у промышленников и фабрикантов в господ и хозяев производительных сил страны, коренным образом перевернула взгляд людей

[1] Сталин, „Вопросы ленинизма“, стр. 661, 1930 г.

на труд, который превратился „из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, доблести и геройства"[1].

Это новое качество социалистического труда положено в основу организации исправительно-трудовых работ без лишения свободы, как меры уголовной репрессии в отношении тех трудящихся, которые дезорганизуют классовую дисциплину. Только благодаря этому новому качеству труд обнаруживает свои действительно исправительные свойства и получает смысл, как исправительная мера, ибо простое приучение к труду того, кто по своему классовому положению и так трудится всю жизнь, бессмысленно, как мера воспитывающая. Иное дело — поднять трудовые навыки и трудовую дисциплину на новую, повышенную основу. Только таким путем можно достигнуть результатов в деле переделки сознания отстающих от уровня классового сознания своих сотоварищей по классу. Социалистическое соревнование и ударничество, бригадные методы работы и т. д., — все эти новые формы труда, труда социалистического, могут приобщить — и, как показала практика работы наших исправтрудучреждений, действительно приобщают дезорганизаторов классовой дисциплины из трудящихся к социалистическому строительству на том уровне и в тех формах, которые существуют в нашей социалистической стране.

Как раз этим и объясняется то положение, что руководящие нашей судебной и исправительно-трудовой политикой органы сочли возможным даже совершенно не осуществлять приговора суда с исправтрудработами в отношении трудящегося, если в определенный судом срок, он доказал, своей ударной работой, удостоверенной местной заводской общественностью, что он исправился и не нуждается больше в применении к нему этого вида пролетарского принуждения, направленного на его воспитание к социалистической дисциплине. Этим, в частности, об'ясняется и то обстоятельство, что, помимо всех других причин, исправительно-трудовые работы без лишения свободы не могли привиться на капиталистической почве — там немыслимо новое качество труда; труд там остается для осужденных объектом эксплоатации, как и труд „свободных" рабочих, и потому он не может иметь исправительной силы даже в том случае, если бы буржуазная пенитенциария ставила перед собой задачу действительного исправления осужденных.

Вся буржуазная пенитенциария преследует цели не исправления и воспитания к трудовой дисциплине, а классового подавления трудящихся.

Буржуазное, так называемое „правовое", государство противоположно по своей классовой сущности пролетарскому государству, ибо оно служит буржуазии, как господствующему классу,

[1] Сталин. „Вопросы ленинизма", стр. 661, 1930 г.

а отсюда и вся его уголовная политика, которая также принципиально отличается от советской уголовной политики, строится на тех принципах, которые присущи капиталистическому способу производства в буржуазном обществе. Уголовная политика буржуазии, вследствие изменения форм классовой борьбы, на протяжении развития всего буржуазного общества также менялась, но несмотря на то, что в начале развития промышленного капитализма были сильно обострены противоречия внутри господствующих классов, т. е. между идущей к власти революционной буржуазией и свергаемым и уходящим с исторической сцены классом феодалов, эти два класса были единодушны в порабощении трудящегося крестьянства и нарождающегося пролетариата, а в соответствии с этим строилась и вся их уголовная репрессия. „Уголовная репрессия очень робко пытается осуществить,—говорит тов. Волков о периоде первоначального накопления, — задачу внутриклассовой дисциплины среди эксплоататоров и неограниченно жестоко, террористически, всем острием направляется против эксплоатируемых. Она, наряду с другими мерами подавления, представляет собой внеэкономическое принуждение эксплоатируемых, приучая экспроприированное сельское население „к дисциплине наемного труда плетями, клеймами пытки" (Маркс), подавляя сопротивление экспроприируемых и охраняя интересы имущих классов, интересы собственника" [1].

Дальнейшее развитие буржуазного товарно-капиталистического общества на основе капиталистической частной собственности, с широким развитием рыночных товарно-капиталистических отношений и „свободной" и „равной", и, вместе с тем, жестокой эксплоатацией трудящихся масс, привело буржуазию к отказу от той уголовной репрессии, которая при феодализме и при переходе к капитализму состояла в широчайшем применении методов физического уничтожения и увечья осужденных посредством смертной казни и пыток. Буржуазии стало невыгодно массовое уничтожение рабочей силы.

Принцип „наказания" и „справедливого возмездия за вину" преступника, выдвинутый классической школой буржуазного уголовного права, является основным в буржуазном обществе.

При частнособственническом, эксплоататорском содержании буржуазного права вообще и уголовного в частности, характерной чертой правовой формы развернутого буржуазного общества является ее эквивалентность, вытекающая из товарно-капиталистических, рыночных отношений буржуазного общества. Поэтому та же эквивалентная форма присуща и буржуазному уголовному праву. Отсюда вытекает принцип эквивалентного „воздаяния" за „содеянное" правонарушение; „вина выступает не только как основание наказания, но и как критерий для установления его

---

[1] Волков, Г. И. „Уголовная политика эпохи промышленного капитализма", 1932, стр. 10.

размеров — вина тем больше, чем тяжелее вред, причиненный преступлением, тяжесть преступления выражается в вине и наказание в меру вины должно быть пропорционально преступлению“ [1].

Буржуазия свою уголовную репрессию — „наказание“, „кару“, направленную на подавление эксплоатируемого большинства, применяет в основном в виде ссылки, лишения свободы с длительными сроками или пожизненным заключением в тюрьму, в крепости, каторжных работ, заключения в одиночную камеру, не отказываясь, однако, от телесного истязания (Англия применяет телесные наказания в виде кошки, до настоящего времени; в 1905 г. в Дании также была введена порка особой плетью за отдельные виды преступлений, хотя уже в 1911 г. правительство вынуждено было ее отменить), от применения смертной казни. В период империализма, особенно в послевоенные годы и теперь, при жесточайшем кризисе, буржуазия возвращается к феодальным методам утонченных пыток и широкого применения смертной казни в разнообразных и жестоких формах.

Каждый правонарушитель получает соответствующую дозу „наказания“, отвешенную „правосудием“ буржуазного государства.

Причинение физического или психического страдания осужденному есть характерная черта карательной политики буржуазного государства, ставящей своей основной целью физическое и моральное подавление трудящихся масс.

Эпоха империализма — это прежде всего эпоха умирающего капитализма, в которой еще больше обостряются классовые противоречия, еще сильней разгоряется непримиримая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией. Так как в эпоху империализма остаются те же основы капиталистического общества, что были и в первой стадии развития капитализма, в эпоху промышленного капитализма, то и принципы системы уголовной политики, уголовного права и уголовной репрессии остаются в основном те же. Действуют и старые уголовные кодексы, построенные на началах наказания-возмездия, которые империалистическая реакция широко использует в целях охраны своей частной собственности и жестокого подавления рабочего класса и трудящихся колониальных и полуколониальных масс.

В эпоху империализма, в эпоху загнивания капитализма создается кризис в теории и практике буржуазного уголовного права. Разгорается борьба всех видов теоретических школ буржуазного уголовного права — классиков, антропологов, социологов, неоклассиков и т. п.; в результате этой борьбы появляются разнообразные проекты изменения уголовных законов того или другого государства.

---

[1] Волков Г. И. „Уголовная политика в эпоху промышленного капитализма“, 1932, стр. 13.

Появляется ряд проектов УК: проект Штосса в 1889 г. в Швейцарии, в Германии проекты УК 1909, 1913, 1919, 1925, 1927 гг. и последний фашистский проект прусского министра юстиции Керрля; в послевоенный период в Италии был предложен проект УК Энрико Ферри в 1921 г. и проект, а ныне УК, фашиста Рокка в 1927-1930 гг. То же наблюдается в других странах.

Все эти проекты, вносившие новый момент в уголовное законодательство в виде мер „социальной защиты", в дополнение к „наказанию", до войны так и не превратились в действующий закон ни одной страны, хотя буржуазные криминалисты потрудились над ними порядочно. Например, германский проект УК 1909 г. привлек внимание и сотрудничество по его составлению почти всех криминалистов Германии, которые выпустили 16 громадных томов „Сравнительного изложения уголовного права", но после этой работы составленный проект УК был провален правительством Германии. Но ряд отдельных законодательных новелл в этом отношении был осуществлен: законы о мерах социальной защиты были изданы в ряде стран (например, Бельгия, Норвегия и др.).

В послевоенный период империализма работа буржуазных криминалистов по составлению новых проектов уголовных кодексов возобновилась и реформа уголовного законодательства некоторых буржуазных стран нашла действительное осуществление. Эта реформа пошла в сторону усиления фашистской диктатуры и усиления репрессии, применяющейся к классу рабочих и трудящимся массам крестьянства, борющимся с капитализмом. Так осуществлена была реформа уголовного законодательства в Италии 1931 г., Польше, Турции и др.

Особо следует остановиться на уголовном законодательстве послевоенного периода латинской Америки, где проект Э. Ферри оказал свое влияние на проекты УК Аргентины, Кубы и республики Перу. В 1926 г. появился проект УК в Чехо-Словакии и др. странах.[1]

Большая часть перечисленных проектов УК была выработана на началах компромисса всех школ уголовного права буржуазного общества. Здесь приняли участие криминалисты-классики, антропологи и социологи. Произошло эклектическое нагромождение принципов вины, социальной опасности и опасного состояния, меры уголовной репрессии стали делиться на наказание в собственном смысле и на меры социальной защиты, выявляя этим все глубже идущий процесс разложения буржуазной уголовно-правовой формы. Попытки буржуазных криминалистов в эпоху империализма об'единенными усилиями дать новые теоретические основы защиты буржуазного общества — частной собственности и всего буржуазного общества от преступления — не увенчались успехом ни до империалистической войны 1914 г.,

---

[1] Все эти проекты УК стали действующими уголовными законами.

ни после нее, до наших дней. Возобновленная криминалистами работа в области реформы уголовного законодательства после империалистической войны (кодексы, перечисленные выше) дала очень много новых проектов УК в разных странах, в том числе, в последние годы — проектов, соответствующих фашистской реакции, но какой-нибудь стройной новой системы мер борьбы с преступностью буржуазными криминалистами предложено не было и быть не могло.

Были только введены специальные законы об обеспечении „общественной безопасности", по существу имеющие прямую цель — борьбу с революционным движением и коммунистическими партиями.

„Наказание" и „кара" за вину и преступление остается в проектах УК основным и руководящим началом. Метод мер социальной защиты, предложенный Э. Ферри в своем проекте УК 1921 г. не был реализован именно потому, что его последовательное проведение подрывало принцип возмездия. Итальянская буржуазия эпохи фашистской диктатуры отвергла проект Ферри как систему, хотя в новом проекте УК Рокка все же были приняты некоторые положения, ранее выставленные Ферри.

Развернувшийся всеобщий мировой экономический кризис нам воочию показывает гнилостность современного капиталистического общества, которое идет к гибели. Но буржуазия ведет ожесточенную классовую борьбу со своим могильщиком — пролетариатом, привлекая и ставя на службу этой борьбы все, что только возможно, начиная от ренегатов оппортунистов-предателей, и кончая мерами уголовной репрессии, по своей жестокости восстанавливающими, как было отмечено выше, правовые методы феодализма и периода первоначального накопления, но на новой, „повышенной" основе, усугубляя все эти формы карательной политики и проводя их в более утонченной форме, а порой отбрасывая вуаль совсем и, под видом борьбы с преступностью, переходя к открытому террору в отношении трудящихся.

Конечно, все попытки буржуазных ученых криминалистов выработать рациональные методы борьбы с преступностью в капиталистическом обществе будут безуспешны до тех пор, пока капиталистическое общество будет своим укладом и классовым неравенством порождать преступность, пока оно не будет революционным пролетариатом разбито и уничтожено.

Глава II

Этапы развития исправтрудработ без лишения свободы в советской системе уголовной репрессии

1. Исправтрудработы в первые годы Октябрьской революции и в период военного коммунизма

Диктатура пролетариата с первых дней Октябрьской революции ведет жестокую классовую борьбу, подавляя врагов, и одновременно ставит практически и разрешает через свой суд воспитание к новой дисциплине трудящихся. Пролетарское государство, преследующее цели воспитания к дисциплине нарушивших классовую дисциплину из среды трудящихся, еще не успело оформить и закрепить в своих законах исправтрудработы без содержания под стражей, в качестве уголовной репрессии, как ее суды, состоящие в своей массе из рабочих и беднейшего крестьянства, стали широко их применять на практике, наряду с другими видами уголовной репрессии.

В советскую репрессивную систему исправтрудработы без лишения свободы, как самостоятельный вид уголовной репрессии, ввела сама судебная практика, но уже некоторые документы по уголовной политике 1917 1918 гг. говорят об исправтрудработах без лишения свободы. Ленин в проекте декрета о социализации народного хозяйства еще в декабре 1917 г. в числе „необходимых чрезвычайных революционных мер для борьбы" с „критическим положением продовольствия, угрозой голодовки, созданной спекуляцией, саботажем капиталистов и чиновников, а равно общей разрухой" прямо, наряду с заключением в тюрьму, конфискацией всего имущества и отправкой на фронт упоминает отправку на принудительные работы.[1]

Эта мера принудительного воспитания к дисциплине упоминается в Инструкции революционным трибуналам от 4/19-XII-1917 г., т. е. спустя почти лишь месяц после Октябрьского переворота. В этой инструкции, перечисляющей конкретные виды уголовной репрессии, которые вправе применять трибуналы, имеются указания на исправительно-трудовые работы или, выражаясь языком этой инструкции, — обязательные общественные работы. Ни о сроках этих обязательных общественных работ, ни о формах их отбывания инструкция не упоминает, предоставляя все это на усмотрение самих судов.

[1] Ленин, т. XXII, стр. 141.

Следующее упоминание об этой уголовной репрессии мы находим в декрете о суде № 3/20.VII - 1918 г. Это упоминание для нас имеет особенно важное значение, так как здесь уже проводится мысль замены лишения свободы принудительными общественными работами. Декрет предписывает: „Лишение свободы на срок до 3 месяцев всюду, где организованы принудительные общественные работы, применять в виде назначения на таковые без содержания под стражей“ (разрядка наша).

Эта мысль о замене лишения свободы принудительными работами, несомненно, выдвинута в декрете в результате ленинского высказывания в статье „Как организовать соревнование“, где Ленин, говоря о методах и формах внедрения социалистического учета и контроля, в числе принудительных методов упоминает, наряду с тюрьмой, принудительные работы тягчайшего вида: „... чтобы ни один жулик (в том числе и отлынивающий от работы) не гулял бы на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах тягчайшего вида, чтобы ни один богатый, отступающий от правил и законов социализма, не мог уклониться от участи жулика, по справедливости долженствующей стать участью богатого. „Кто не работает, тот пусть не ест“ — вот практическая заповедь социализма“[1]. Здесь, как мы видим, Ленин имеет в виду, главным образом, репрессивную сторону принудительных работ, ставя их в число мер классового подавления.

Дальнейшее развитие этой меры уголовной репрессии мы находим во временной „Инструкции о лишении свободы“ 1918 г., в примечании ст. 2, где говорится, что „под лишение свободы подходят и присужденные судом к краткосрочным (до 3-х м-цев) принудительным работам без заключения под стражу на время, свободное от работы“; а в 1919 г. Московский Совет вырабатывает специальное „Положение о бюро принудительных работ“, которое утверждается 7 мая 1919 г. Центральным карательным отделом НКЮ и рекомендуется всем губернским карательным отделам в качестве основы при организации бюро принудработ. В том же 1919 г. в „Руководящих началах по уголовному законодательству РСФСР“ в пункте „м“ ст. 25 устанавливается место исправительно-трудовых работ в системе уголовной репрессии „Руководящие начала“ 1919 г. их оформляют в законодательном порядке и придают им законную силу. Дальнейшее применение исправтрудработ судами идет уже под углом зрения „Руководящих начал“ 1919 г.

Вся история развития советской уголовной репрессии, и в частности этот вид ее, идет под углом зрения указаний, сделанных Лениным и программой коммунистической партии. Ленин, учитывая всю необходимость жестокого подавления классового врага

---

[1] Ленин, т. XXII, стр. 167.

и деклассированных элементов, неустанно указывал на работу громадной важности по принудительному перевоспитанию к новой дисциплине трудящихся. В соответствии с этим он в своих подготовительных работах к программе нашей партии по пункту судебной политики уделяет внимание и видам репрессии, где специально выделяет исправтрудработы без лишения свободы. Так, в Ленинском XIII сборнике (стр. 85) мы находим конспект пункта программы нашей партии, который лег в основу выработки его в программной комиссии VIII съезда ВКП(б). Ленин здесь отмечал:

„1) больший процент условного осуждения,

2) больше общественного порицания,

3) замена лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому,

4) замена тюрьмы воспитательными учреждениями,

5) введение товарищеских судов (для известных категорий и в армии и среди рабочих)".

Исходя из этого ленинского указания, был построен 11 пункт нашей партийной программы и вся судебная и карательная практика пролетарского государства. Поэтому мы в дальнейшем развитии советского уголовного законодательства встречаем во всех главнейших законодательных актах указания на то, что в советской системе уголовной репрессии исправтрудработы без лишения свободы являются одной из основных мер (наряду с лишением свободы).

В судебной практике первого года Октябрьской революции и в годы военного коммунизма исправтрудработы без лишения свободы применялись как народными судами, имевшими ограниченную подсудность, так и ревтрибуналами, подсудность которых была гораздо шире и по репрессивным санкциям выше народного суда (ревтрибунал применял репрессии вплоть до расстрела, а нарсуд этой репрессии применять не мог).

Характеристику размеров применения исправтрудработ в период военного коммунизма мы сможем дать только на основании данных Московской области.

Не имея полных данных для характеристики применения исправтрудработ судами за первое время пролетарской революции, мы, однако, можем проследить их применение со второй половины 1918 г., хотя и по недостаточно полным данным. Так, московские суды во 2-ой половине 1918 года осудили к лишению свободы 35,6%, к имущественным взысканиям 56,9%, к исправтрудработам 2,2% и к другим видам 5,3%. Окружными же судами за 1918 г. осуждено к лишению свободы на разные сроки 85,3%, к исправтрудработам 3,6, а к прочим мерам 11,1%.

Если же взять данные по московскому ревтрибуналу за первую половину 1919 года, то по сравнению с народными судами значительно изменяются меры репрессии по лишению свободы в сторону увеличения, а по имущественным взысканиям в сторону

уменьшения, но зато здесь занимает довольно видное место расстрел, который нарсудами не применялся вовсе.

Так, по данным за указанное время ревтрибуналами было приговорено:

к расстрелу 14%, к лишению свободы (условно и безусловно) 50%; к исправтрудработам 8,0%; и к другим видам 28,0%.

Если же взять за этот год применение исправтрудработ народными судами, то окажется, что ими было осуждено: к лишению свободы (условному и безусловному) — 36%; к исправтрудработам 8,0%, к имущественным взысканиям 46%; к общественному порицанию 6,0%; и к другим видам — 4,0% взысканий.

Как видно из вышеприведенных данных, исправтрудработы применялись в первый год пролетарской революции и нарсудами и ревтрибуналами в одинаковой степени.

Нижеприведенная таблица за годы с 1919 по 1920 показывает, что на каждых 100 осужденных по РСФСР нарсудами и ревтрибуналом приходилось:

Репрессивная политика нар. судов и рев. трибуналов в 1919 и 1920 гг. [1]

На каждых 100 осужденных приговорено	Нарсудами (по данным Тарновского)		Ревтрибуналами (по тем же данным)			Ревтрибуналами (по данным Гернета)	Нарсудами (по данным Гернета)
	1919 г.	1920 г.	1 пол. 1919 г.	1 пол. 1920 г.	2 пол. 1920 г.	За весь 1920 г.	За 1920 г.
К расстрелу	—	—	14	11	7	3,4	—
К безусловному лишению свободы	25,2	20,4	39,7	37,2	38,5	39,3	—
К условному лишению свободы	10,8	13,6	10,3	24,8	35,5	31,4	34,2
К принудработам	8,0	23,0	8	8	7	6,2	22,8
К имущественному взысканию	46,0	30,0	8	6	2	2,8	29,6
К общему порицан.	6,0	6,0	8	3	2	2,7	6,5
К иным мерам	4,0	7,0	12	10	8	14,2	6,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Приведенные данные показывают характер применения мер уголовной репрессии, где исправтрудработы применялись гораздо чаще в практике народных судов, а не ревтрибуналов, что вполне понятно, так как эта мера была призвана воздействовать главным образом, на незначительные преступления и в отношении, по преимуществу, правонарушителей из среды трудящихся.

---

[1] Эстрин. „Развитие советской угол. политики", 1933 г.

С гораздо большей убедительностью нам это показывают сравнительные данные, взятые за 1919 22 гг., применения исправтрудработ нарсудами и губревтрибуналами РСФСР.

Репрессии губревтрибуналов и народных судов

	Губревтрибуналы				Народные суды			
	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Расстрел	14	9	4	1	—	—	—	
Лишение свободы без-усл.	40	38	36	21	25	20	22	21
Лишение свободы усл.	10	30	32	19	11	14	17	12
Принудработы	8	8	6	3	8	23	28	21
Имущ. взыскан.	8	4	4	38	46	30	16	28
Общ. порицание	8	3	2	1	6	6	6	4
Прочие	12	8	16	17	4	7	11	14
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Из приведенной выше таблицы мы видим, что исправтрудработы постепенно завоевывают себе место в системе мер уголовной репрессии. Так, с 2,2% в 1918 г. по народным судам, с 8% осужденных в 1919 г по нарсудам и ревтрибуналам они возросли во второй половине 1921 г. до 28 на каждую сотню осужденных народным судом, т. е. заняли первое место среди других мер уголовной репрессии. Параллельно идет снижение имущественных взысканий по народным судам (главным образом, штрафа) и рост его в 1922 г. по ревтрибуналам, а количество осужденных за эти годы к лишению свободы почти равно количеству осужденных к исправтрудработам по нарсудам и гораздо больше по ревтрибуналам. По приведенным данным мы можем сказать, что исправтрудработы, применяемые нарсудами, сразу-же становятся действительными вытеснителяли краткосрочного лишения свободы. По линии трибунальской практики этого и не требовалось, т. к. там применялось, главным образом, долгосрочное лишение свободы.

У нас совершенно нет по народным судам данных, показывающих, по каким видам преступлений применялись нарсудами исправтрудработы без лишения свободы, нет также полных данных и по ревтрибуналам. Но имеющиеся данные ревтрибуналов по РСФСР за 1919-1920 г.г. показывают, что за это время ревтрибуналы применили исправтрудработы без лишения свободы за контрреволюцию, заговоры, восстания и т. п. — 3,2%; контрреволюционную агитацию — 6,0%; подделку дензнаков — 3,1%; спекуляцию — 2,4%; злоупотребления и превышение власти 5,5%; взяточничество — 2,5%; присвоение и растрату — 2,8%; хищение — 3,1%;

саботаж — 5,9%, преступления против личности — 2,7%; бандитизм — 1,2%; грабеж и разбой — 1,5%; кражу — 2,2%, а всего из всех видов уголовной репрессии ревтрибуналы в среднем применили исправтрудработы без лишения свободы за этот год 3,4%.[1]

Революционные трибуналы в своей практике в довольно больших размерах применяли исправтрудработы к таким преступлениям, совершение которых главным образом падало на явных классовых врагов и на деклассированные элементы. Так, исправтрудработы по контрреволюционным преступлениям занимают первое место, на втором месте — саботаж, на третьем — злоупотребления и превышение власти (должностные преступления) и чуть ли не на последнем месте стоят преступления против личности и кража. Отсутствие данных по нарсудам не дает нам возможности сделать такой же анализ применения исправтрудработ по видам преступлений, но вполне понятно, что у нарсудов соотношение применения этой меры уголовной репрессии пошло бы в другую сторону. Сделать такой вывод мы можем на основании той подсудности, которая была в народных судах.

Если же взять по видам ревтрибуналов, то окажется, что в том же 1922 году каждый вид ревтрибуналов применил следующий %% исправтрудработ:

Военные трибуналы	. 2,5%
Транспортные	. . 5,2%
Губернские .	. 3,4%

На первом месте по применению этой уголовной репрессии стоят транспортные, на втором губернские и на последнем военные трибуналы. Такое соотношение в применении этой уголовной репрессии в трибуналах об'ясняется тем, что об'ем их борьбы с контрреволюцией, как политической так и экономической, измерялся той их специальной задачей, которая на них возлагалась — военные трибуналы, действуя непосредственно в обстановке гражданской войны, не могли, да и не должны были применять этот вид уголовной репрессии, используя в своей борьбе более острые меры.

Небезинтересно проследить годовое применение нарсудами и ревтрибуналами исправтрудработ без лишения свободы. По нарсудам за годы 1920-1922 применение исправработ составляло в среднем 24%, а по ревтрибуналам в среднем 6%. В применении исправтрудработ по отдельным губерниям РСФСР наблюдается пестрота и нет никакой стабильности. Если взять за эти годы отдельные губернии РСФСР, то мы увидим, что каждый год жил по своему. Есть очень высокий % применения исправтрудработ и есть абсолютно неудовлетворительный. Так, по нарсудам в Екатеринбургской губернии в 1920 г. было вынесено приговоров с исправтрудработами 40%, в 1921 — 45%,

[1] По данным, разработанным т. А. Герцензоном.

а в 1922 — 28%; по Псковской губ. за те же годы — 41%, 43% и 21%; если взять Владимирскую губернию, то там было в 1920 г. — 9%, в 1921 — 19%, а в 1922 — 14%; Вологодской губ., соответственно было 27%, 42%, а потом процент применения упал до 22. Имелись и такие губернии, где применение этой репрессии происходило более или менее равномерно, повышаясь с каждым годом. Так, Самарская губ. за 1920 год имела на каждые 100 приговоров 15 приговоров с исправтрудработами, в 1921 — 16 и в 1922 — 20 приговоров.

Не менее интересную картину представляют и губернские ревтрибуналы, которые еще ярче показывают неравномерность применений этой уголовной репрессии. Северо-Двинский губревтрибунал применил исправтрудработ в 1920 г — 0,6%, в 1921 — 20,8%, а в 1922 — съехал к 2,1%; Царицынский губревтрибунал в 1921 г. имел 24,5%, а в 1922 — 1,7%. Хотя среди ревтрибуналов есть такие, которые также равномерно применяли исправтрудработы, только не в сторону увеличения, а в сторону снижения, так, Новгородский губревтрибунал в 1920 г. применил 3,0%, в 1921 — 2,7, а в 1922 г. уже 2%.

Объяснить такую „качку“ в применении этой уголовной репрессии можно той ожесточенной классовой борьбой, которая, особенно в этот период проявлялась в разнообразных формах, а соответственно этим формам сопротивления классового врага для подавления его действовала и менялась в своих формах классовая репрессия пролетарского государства.

Анализ применения исправтрудработ за 1920-22 гг. народными судами 32 губерний и 38 губтрибуналами показывает определеное снижение применения судами и ревтрибуналами исправтрудработ, чем ближе мы подходим к восстановительному периоду.[1]

2. Исправтрудработы в восстановительный период

Переход пролетарского государства к новой экономической политике был необходим для того, чтобы закрепить власть, завоеванную пролетариатом нашей страны, восстановить разрушенное империалистической и гражданской войнами народное хозяйство и закрепить союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Рабочий класс и партия могли все это осуществить в упорной и жестокой классовой борьбе, которая на данном этапе пролетарской революции изменила свои формы. Классовый враг из открытого сопротивления, как это было в годы военного комунизма (гражданская война), перешел к замаскированным формам сопротивления пролетарскому государству и социали-

[1] Подробное об'яснение этого явления нами будет дано в разделе восстановительного периода, при анализе развития уголовного законодательства.

стическому строительству. Несмотря на то, что пролетариат нашей страны победил в открытом бою гражданской войны, однако, подавлять классового врага он продолжал в этот период, как и в последующий период пролетарской революции. В процессе дальнейшего укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством перед пролетарским государством встал в еще больших размерах вопрос борьбы с мелкобуржуазными пережитками и применения мер воспитательного значения, ведущих к укреплению дисциплины как среди рабочих, так и среди бедняцкого и середняцкого крестьянства.

В соответствии с той обстановкой, которая складывается в восстановительный период, усиливается и укрепляется революционная законность, более четко систематизируется уголовное законодательство — в виде создания УК 1922 г., „Основных начал уголовн. з-ва СССР" 1924 г., ИТК 1924 г. и т. п.

Советское уголовное законодательство, оставляя для подавления классового врага расстрел, как временную меру уголовной репрессии, одновременно устанавливает, что основными видами уголовной репрессии на данный период пролетарской революции являются объявление врагом трудящихся, лишение свободы и исправтрудработы без лишения свободы.

Правительство пролетарского государства считает, что одной из основных мер уголовной репрессии должны являться „принудительные работы без помещения в места лишения свободы".

Диктатура пролетариата, с первых дней своего существования неуклонно идущая по указанным Лениным линиям прямого подавления враждебных нам элементов и элементов разложения, с одной стороны, и принудительного воспитания к дисциплине ее нарушителей из среды трудящихся — с другой, уже в первом своем Уголовном Кодексе 1922 г. закрепляет эту меру уголовной репрессии, как одну из основных.

Пролетариат, выдвинувший этот вид уголовной репрессии в начале революции, в процессе революционного правотворчества, указал, что он должен применяться к таким преступникам и за такие преступления, социальная опасность которых не требует обязательной изоляции. Этот вид уголовной репрессии расчитан, главным образом, на преступников из трудящихся, совершивших менее опасные действия. Изданный в 1922 г. УК устанавливает исправительно-трудовые работы без содержания под стражей в качестве меры уголовной репрессии за следующие правонарушения: самоуправство, нарушение специальных запретов в отношении некоторых видов профессиональной деятельности, за неосторожные действия, легчайшие посягательства на личность и ее достоинство, за некоторые посягательства на имущество, за нарушение правил охраны народного здоровья, общественной безопасности и за нарушение публичного порядка, а также за несоблюдение установленных формальностей при выполнении невоспрещенных действий.

Из 185 статей особенной части УК в 69 статьях имелась санкция в виде исправительно-трудовых работ. Кроме того, ст. 39 общей части УК давала суду право заменять штраф исправительно-трудовыми работами в случае уклонения осужденного от его уплаты.

Посвященная исправительно-трудовым работам ст. 35 УК 1922 года устанавливала срок отбывания таковых от 7 дней до 1 года, причем она делила их на два вида: а) на работы по специальности и б) на работы неквалифицированного физического труда.

Теоретическая и практическая ценность этой меры уголовной репрессии советского уголовного права в борьбе с краткосрочным лишением свободы является несомненной. Пролетариат в революции 1917 г., навсегда уничтожив буржуазный подход к физическому труду, тем самым дал широкие возможности развития исправительно-трудовых работ, как одной из основных мер уголовной репрессии в нашей карательной политике.

В стране диктатуры пролетариата исправительно-трудовые работы носят характер самостоятельной меры уголовной репрессии, они призваны сыграть роль в уничтожении недостигающего цели краткосрочного лишения свободы. Исправительно-трудовые работы достигают больше результатов в борьбе с менее опасными преступлениями.

Идя по ранее намеченному пути советской уголовной политики, „Основные начала уголовного законодательства СССР" принятые II-й сессией ЦИК СССР второго созыва в 1924 г., в ст. 13, определяя ряд мер уголовной репрессии, в пункте „г" этой статьи конкретно указывают на „принудительные работы без лишения свободы". Те же „Основы" целиком посвящают ст. 19 исправительно-трудовым работам, указывая, что „принудительные работы без лишения свободы назначаются на срок не свыше одного года. Характер и организация принудительных работ, а равно и порядок замены их лишением свободы, определяется законодательством союзных республик". „Осно-ы" совершенно не указывают минимального срока для исправтрудработ, ограничиваясь только максимумом до 1 года. В примечании к ст. 19 „Основ" устанавливается, что военнослужащие отбывают исправительно-трудовые работы в штрафных воинских частях.

Приняв эти „Основные начала уголовного законодательства Союза ССР", Союзное правительство предложило всем союзным республикам, на базе их. переработать свои уголовные кодексы.

Правительство РСФСР, приступив к переработке своего кодекса через полгода после утверждения „Основ" на II-й сессии ВЦИК XII созыва, приняло новый Уголовный Кодекс в редакции 1926 г., где упразднило деление исправтрудработ на „неквалифицированный физический труд" и труд по „специальности", как это было в УК 1922 г., и установило в ст. 30 УК сроки их применения от 1 дня и до 1 года. При этом ст. 23 УК, так же,

как и УК 1922 г., устанавливала, что „принудительные работы без лишения свободы являются основной мерой социальной защиты судебно-исправительного характера". Совершенно непоследовательно с этой точки зрения „Основные начала" допускают возможную замену исправтрудработ лишением свободы и наоборот, гораздо последовательнее решает этот вопрос УК 1926 г., который, по разъяснению Верхсуда РСФСР, такой замены не допускает. Верхсуд РСФСР в данном случае более правильно решает этот вопрос, чем „Основы".

Введенный в действие УК РСФСР 1926 г. увеличил число статей с исправтрудработами в 32 случаях, т. е. с 69 статей до 91 статьи, а после некоторой реформы 1928 г., в которой было покончено с краткосрочным лишением свободы, количество статей с исправтрудработами еще более увеличилось.

В отличие от уголовного законодательства буржуазных государств, советское государство, по мере продвижения к социализму, все больше и дальше идет к расширению в своей судебной политике исправительно-трудовых работ без лишения свободы, как меры уголовной репрессии, и расширяет их не как средство, заменяющее штраф или другие виды уголовной репрессии, а как самостоятельное мероприятие.

Для большей наглядности роста санкций уголовной репрессии в виде исправтрудработ в восстановительный период мы приведем таблицу, характеризующую процесс изменения соотношения мер уголовной репрессии в УК 1922 г., в проекте УК 1926 г. и в действующем УК 1926 г.

Характер санкции	В УК 1922 г. в том виде, как он действовал к 1925 г.	В проекте УК 1926 г.	В УК 1926 г.
Расстрел или лишение свободы	7,6	3,4	3,4
Лишение свободы на срок не ниже 6 мес., не ниже 1 года и т. д.	33,1	6,9	6,8
Лишение свободы „до" определенного срока	15,2	51,0	38,4
Лишение свободы „не ниже" определенного срока, могущее быть замененным принудработами и т.п.	6,2	—	—
Лишение свободы „до" определенного срока, могущее быть замененным принудработами и т. д. .	11,4	19,1	16,5
Принудработы, принудработы или штраф, или только имущественные взыскания	19,4	13,2	28 6
Администр. или дисципл. взыск. . .	7,1	6 4	6,3
	100	100	100

Эта таблица показывает, что если УК 1922 г. имел 30,4% санкций с исправтрудработами, как в виде основной, так и дополнительной меры уголовной репрессии, проект имел эту группу в 32,3% и действующий УК 1926 г. — 45,1%, и если отбросить отсюда 15-16% имущественных взысканий (так же и в УК 1922 и в проекте), то мы будем иметь около 30% исправтрудработ по отношению ко всем видам уголовной репрессии.

Подтверждением того, что советское законодательство расширяло исправтрудработы, еще с большей силой может служить изданный в 1924 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, где глава IV целиком посвящается вопросу о „Бюро принудработ без содержания под стражей".

Исходя из Основных начал уголовного законодательства Союза, все союзные республики, издавшие исправительно-трудовые кодексы, предусматривают специально выделенными отделами и статьями регулирование исправительно-трудовых работ и их организацию.

Так, изданный в 1925 г. ИТК УССР регулирует принудработы в ст.ст. 174-186; специальную главу отводит этому вопросу изданный в 1925 г. ИТК Белорусской ССР и ИТК др. союзных республик.

Как видно, советское уголовное законодательство уделяло большое место и внимание исправтрудработам без лишения свободы.

Значит-ли это, что и судебная практика в восстановительный период достаточно правильно понимала значение этой уголовной репрессии? Ответом на этот вопрос послужит дальнейший анализ судебной практики применения и реализации исправтрудработ без лишения свободы.

В годы военного коммунизма при экономической разрухе исправтрудработы в виде уголовной репрессии были едва-ли реальными. С введением нэпа, перестроившего всю систему хозяйственной жизни и деятельности нашей страны, осуществление исправтрудработ без лишения свободы стало еще труднее, что дало руководителям советской юстиции повод назвать их „на три четверти голой идеей" (Крыленко).

П. И. Стучка, объясняя, почему не привилась эта новая мера уголовной репрессии в этот период, говорит, что „это происходило по целому ряду причин. Прежде всего, очевидно, потому, что общественная среда, общественность не придавала значения принудительным работам, как наказанию. Раз эти работы почти нигде не были организованы, то приговор просто сводился к безнаказанности. Присудить к принудработам без заключения казалось тем же, что и оставлять без наказания. Фактически так и было. Второй причиной безуспешности была тогдашняя наша неспособность организовать эти работы" [1].

[1] Стучка П. И, „С. Г. и Р. П.", стр. 125, № 7, 1931 г.

И только еще боле усугубляющей причиной нереальности исправтрудработ в этот период являлась безработица. Было бы совершенно неправильным сводить нереальность исправтрудработ в этом периоде только лишь к безработице, как это делает тов Сольц и некоторые советские пенитенциаристы (Кесслер, Утевский). П. И. Стучка довольно ясно указывает, что сами органы юстиции и НКВД не придавали большого значения этой мере репрессии, не создавали, наряду с другими, организационных предпосылок к их осуществлению. Надо в значительной доле вину за нереальность исправтрудработ отнести за счет НКВД и его местных органов, которые не сумели организовать имевшихся тогда возможностей отбывания исправтрудработ. Так например, в условиях деревни в этот период возможно было использовать труд лиц, приговариваемых к исправтрудработам, на работах коммунального характера (починка дорог, мостов, гатей, ремонт школ, больниц и т. п.), и все же и там мы находим подавляющее количество приговоров нереализованными. Со стороны НКВД не было (нужно прямо сказать) проявлено необходимого внимания к организации отбывания исправтрудработ. Никакого инструктирования, руководства со стороны центра работой низовых органов исправтрудработ не было. В свою очередь, органы, непосредственно исполняющие приговоры к исправтрудработам, т. е. бюро и отделения исправтрудработ, не вовлекли в дело организации исправительно-трудовых работ советскую общественность. Не мобилизовали внимания последней и не пытались этого делать.

Скверно поставленная организационная работа по выполнению приговора с исправтрудработами в соединении с безработицей вызвала сомнение в дальнейшем существовании этой меры уголовной репрессии как у некоторых руководящих товарищей, так и в среде низовых местных работников судебного и административного аппаратов. Появляется опасность вырождения института исправительно-трудовых работ, „как реальной судебной репрессии, в фикцию“.

Так, никто иной, как тов. Сольц, говорил в это время:

„В нашей карательной политике имеется еще одна нелепая мера, которая должна быть отменена: мы приговаривали к принудительным работам, которые у нас никак не реализуются. Для рабочих людей они не нужны, ибо при господствующей безработице гораздо труднее создать соответствующую работу, чем принудить к ней рабочего. Для непманов она не нужна — работа его не воспитает, для него заключение должно быть карой, а не местом исправления. Принудительные работы должны быть отменены и в соответствии с этим изменен наш кодекс, а приговоренные к ним амнистированы. Наша комиссия, амнистировавшая 65% заключенных, не коснулась приговоренных к принудительным работам, хотя они менее серьезные преступники, так как их в тюрьме не было“.

Более того, возникла определенная тенденция, высказывавшаяся даже на сессии ВЦИК а (по вопросу о проекте Уголовного Кодекса 1926 года) о полном упразднении этой уголовной репрессии в нашей уголовной политике. Под этими веяниями и был составлен проект УК 1925 г., который значительно сократил исправтрудработы.

Однако, разобравшись в этих временных трудностях в реализации приговора с исправтрудработами, ряд работников советской юстиции, и в частности т. Крыленко, не возобновляли своих сомнений в целесообразности и необходимости в системе нашей уголовной репрессии исправтрудработ без лишения свободы.

Тов. Крыленко, выступая в защиту исправительно-трудовых работ на той же сессии ВЦИК'а, говорил: „Наш закон и наша партийная программа говорят, что принудительные работы без лишения свободы есть мера воздействия, которую мы должны возможно чаще применять в будущем Она, как более целесообразная, более отвечающая нашим правовым воззрениям, чем лишение свободы, должна заменить собою последнюю. Практика, однако, — продолжал тов. Крыленко, — показала, что принудительные работы без лишения свободы на $^{9}/_{10}$, вследствие несовершенства нашего аппарата, бедности наших финансов, — фикция, и что мы до сих пор не сумели их правильно организовать. Поэтому целый ряд мест требовал исключить вовсе принудительные работы из мер репрессий для правонарушителей или установить замену их тюрьмой. Мы не сочли возможным пойти на это и отказаться от принудительных работ, как меры воздействия. Мы полагаем, что по мере укрепления нашего государственного строя, по мере накопления материальных багатств, со временем мы сумеем дело поправить, но от этой меры, диктуемой партийной программой, мы отказаться не можем[1].

Данные, взятые по Московскому бюро за вторую половину 1922 г., наглядно показывают неудовлетворительность выполнения приговоров к исправтрудработам. Из 1.865 осужденных к исправтрудработам за этот период оказалось[2]:

Работавших	622 или	33,3%
Не работавших за отсутствием работ . . .	270	14,5%
По болезни не работало .	158	8,5%
Разыскивалось	815	43,7%
	1.865 или	100%

Таким оброзом, оказываются фактически выполненными всего 33,3% приговоров, а остальное количество осужденных к исправтрудработам оказалось освобожденным от этой уголовной репрессии, вынесенной судами. Кроме того, что приговор был

[1] Стенограф. отчет II-й сессии ВЦИК XII созыва. Доклад т. Крыленко.
[2] Якубсон. „Принудработы“, „ЕСЮ“, № 13, 1923 г.

нереален в силу неиспользования исправтрудработников на работе, он терял силу уголовной репрессии еще потому, что, обеспечивая исправтрудработнику вообще, а безработному в частности, место работы, он ставил тем самым его в привилегированное положение перед остальными безработными, ни в чем не „согрешившими" перед обществом.

В одном из своих отчетов за 1922 г. начальник адм. отдела Богородского уезда, Московской области, по поводу исправительно-трудовых работ писал: „Ввиду произведенного массового сокращения рабочих и служащих в учреждениях и предприятиях, последние приговоренных к принудработам, направленных к ним, не принимают.. более того, привлеченный на принудительные работы получает место где-либо на фабрике или заводе с приличным вознаграждением, тогда как до тех пор лишен был работы и в этом нуждался, а посему я считаю со своей стороны необходимым отменить указанную меру наказания и столы принудработ упразднить". Такие настроения были не единичны и они имели под собой некоторую почву. Главное управление местами заключения не имело достаточно о количества и удовлетворительно организова ных своих мастерских, и массовых колоний для исправтрудработников, поэтому приходилось направлять их вс ду, где только можно было найти для них работу.

И несмотря на такое положение с реализацией приговора с исправтрудработами, эта мера уголовной репрессии все же заняла, с большими трудностями, свое место в УК РСФСР 1922 г. „Таким образом, наши товарищи оказались очень неспособными или не желающими провести эту меру, — говорит тов. Стучка, — и нам лишь с очень большим трудом удалось добиться, чтобы эта мера социальной защиты все-таки осталась в УК" [1].

Но сам уголовный кодекс 1922 г., устанавливающий два вида исправтрудработы — по специальности и неквалифицированный физический труд — создавал также трудности в реализации приговора с исправтрудработами. Осужденным к исправтрудработам по специальности, но не имеющим работы и не состоящим на службе, органы Наркомтруда в большинстве случаев не могли предоставить работы и в результате эта часть осужденных к исправтрудработам вообще никакой работы не отбывала. У осужденных к исправтрудработам, оставленных отбывать приговор на предприятии или в учреждении по месту службы, сокращалась по тарифу зарплата — и только. Исправтрудработы превращались в выплату штрафа в рассрочку, они теряли свое содержание, как определенная мера уголовной репрессии. Такое положение привело к тому, что НКЮ в своем циркуляре от 28 декабря 1922 г. за № 155 предложил всем судебным органам при вынесении приговора с исправтрудработами без содержания под стражей назначать эту меру социальной защиты, как общее

[1] Стучка П. И. „С. Г. и Р. П.", стр. 125, № 7, 1931 г.,

правило, в виде работ неквалифицированного труда, а исправтрудработы по специальности назначать лишь в исключительных случаях, когда это вызывалось общественной необходимостью[1]. Несмотря на это, все же и в первый период после 1922 года исправтрудработы не сразу привились в необходимых размерах.

Так, с начала 1923 по 1925 г. исправительно-трудовые работы реализованы были следующим образом[2]:

Отбывало принудработы по месту службы	1.973 чел.	— 15,9%
Отбывало принудработы в предприятиях ГУМЗака	1.933 „	— 15,6%
Отбывало принудработы на общественных работах	396	— 2,8%
Ограничилось только явкой на регистрацию . . .	5.994 „	— 48,3%
Не работало и не регистриров.	2.158 „	— 17,4%
	12 404 чел.	— 100%

Как видно из этих данных, оказалось нереализовано 65% всего количества приговоров; 15,9% по существу оказались не исправтрудработами, а денежным отчислением из зарплаты или просто „откупом“, и только 18,4% приговоров было действительно осуществлено.

При отсутствии возможности реализовать рабочую силу осужденных исправтрудработников в предприятиях ГУМЗака и других хозяйственных организаций, а также при наличии безработицы на местах почти нигде организовать исправтрудработы не удалось. Это немедленно отразилось и на отношении к исправтрудработам.

На практике появилась потребность заменить исправтрудработы без содержания под стражей другими мерами уголовной репрессии. Верховный суд РСФСР в своем циркуляре от 27 мая 1923 года за № 52 разрешает судам исправтрудработы заменять другими мерами при вынесении приговора или в порядке исполнения его (ст.ст. 456, 461 УПК), рекомендуя в качестве заменяющих мер — лишение свободы, штраф и условное осуждение. Верхсуд указывает, что „вопрос, чем заменить в этих случаях принудительные работы, необходимо разрешить конкретно, исходя от рода преступления и классовой принадлежности осужденного. В одних случаях эта замена должна заключаться в переходе к лишению свободы, в других — в переходе к штрафу, в третьих — в переходе к лишению свободы условно“ [3].

Этот циркуляр Верхсуда открыл отдушину для судов и привел почти к неограниченному применению краткосрочного лишения свободы и штрафа, и не только в качестве мер, заменя-

[1] „ЕСЮ“ № 46-47, 1922. Циркуляр № 155.
[2] Якубсон. „Реформа УК и принудработы“. Адм. Вестник № 1-3, 1929 г.
[3] Циркуляр В. С. № 52 „ЕСЮ“ № 30, 1923 г.

ющих исправтрудработы в „исключительных случаях" по ряду маловажных правонарушений, но и в качестве прямой санкции по этим преступлениям. Разъяснение пленума Верхсуда РСФСР от 9 июня 1924 г. по п. „а" ст. 35 УК о том, что „согласно точного смысла п. „а" ст. 35 УК, осужденные к принудработам без содержания под стражей должны обязательно переводиться для отбывания наказания в другие учреждения или предприятия, или в другую местность" [1], для реальности приговора с исправтрудработами также ничего не дало. Несмотря на то, что уже в 1924 г. мы имели „Основные начала уголовного законодательства СССР", отводившие значительное место в судебно-карательной политике исправтрудработам, последние в это время в практике наших судов начали терять свое значение. Толчек к быстрому снижению исправтрудработ и замены их лишением свободы дали сами же „Основы" своим указанием, сделанным в ст. 19 о замене исправтрудработ лишением свободы.

Если мы возьмем общие данные за годы 1923-26 по применению лишения свободы, то получим картину, характеризующую огромный рост краткосрочного лишения свободы за этот период.

Еще более наглядную картину дает практика применения лишения свободы по отдельным видам преступлений. Так, за три года осужденных к лишению свободы до 1 года на каждую сотню оказалось:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
По должностн. преступл.	40,5	52,1	67,3
По имуществ. „	69,3	78,0	85,9
Против личности .	64,4	72,2	86,6

Как видим, исправтрудработы все дальше и дальше уходят от своей первоначальной цели — вытеснить краткосрочное лишение свободы, как не достигающее цели в уголовной репрессии. Происходит обратный процесс, т. е. полное вытеснение самих исправтрудработ другим видом уголовной репрессии, главным образом, — лишением свободы с краткими сроками.

Снижение сроков лишения свободы в нашем законодательстве еще более способствовало этой тенденции.

Если „Руководящие начала" 1919 г. совершенно не имели определения относительно сроков лишения свободы, то УК 1922 г. в ст. 34 определяет его минимум в 6 месяцев. Но потом идет быстрое снижение их; так с 6 месяцев лишения свободы, установленных УК 1922 г, в 1923 г. 2-я сессия ВЦИК Х созыва снижает его до 1 месяца, в 1924 г. 2-я сессия ВЦИК Х созыва — до 7 дней и, наконец, введенный в действие новый Уголовный Кодекс 1926 г. в ст. 23 лишения свободы снизил до одного дня. Это законодательное сокращение лишение свободы, как было уже отмечено, отражало практику, ибо все суды предпочитали

[1] Протокол пленума В. С. от 9/VII-24 г. „ЕСЮ", № 26, 1926 г.

пользоваться лишением свободы, а не исправтрудработами, создающими большие хлопоты по их реализации.

Падение количества приговоренных к исправтрудработам шло параллельно с ростом числа ссужденных к лишению свободы.

Так, за период 1923-1926 гг. оказалось приговоренных на каждые 100 чел.:

Годы	К лишению свободы	К принуд-работам без сод. под стражей	К штрафу
В 1923 г. .	40	24,2	35,1
В 1924 г. .	29,8	13,8	50,6
В 1925 г. .	51,8	16,2	28,6
В 1926 г. .	53,4	13,9	30,7

Если в 1923 г. лишение свободы составляет 40%, то в 1926 г. оно возросло уже до 53.4%, между тем как исправтрудработы за это время упали с 24,2% до 13,9%, т. е. почти на половину первоначального своего состояния, а во всей массе мер уголовной репрессии заняли всего $^1/_7$ часть.

Характерную картину применения исправтрудработ на местах дает Северо-Кавказский край. Произведенная ревизия окружных прокуратур в 1924 г. установила, что некоторые местные органы власти и судебно-прокурорские органы совершенно перестали применять исправтрудработы. Выносимые в некоторых округах судами в малых размерах приговоры с исправтрудработами также не находили своего применения. Так например, по Ставропольскому округу на 1 января 1924 г. имелось 275 приговоров и адмпостановлений с исправтрудработами, в Адыгейской области — 51, причем оказалось, что, как и в первом случае, так и во втором, они остались абсолютно нереализованными. Из всего количества 2.177 осужденных к исправтрудработам в разные месяцы 1924 р. по всему Сев. Кавказскому краю нашлось „неиспользованных" 1.029 чел., т. е. 47%. Надо отметить, что в этот период действительно "реальную" роль сыграл циркуляр № 52 ВС от 7/VII-23 г., который дал возможность судам заменять принудработы другими мерами уголовной репрессии.

Не менее важную роль в превращении судебного приговора с исправтрудработами в нереальный приговор сыграли ст.ст. 32 и 33 ИТК редакции 1924 г., на основании которых осужденный фактически отчислял 25% своего заработка в фонд местных бюро исправтрудработ, которые, оставляя его на своей службе или работе, забывали об осужденном и не проверяли его.

По существу это положение приводило к замене исправтрудработ штрафом, не определенным судом, а получившимся в виде „откупа" за исправтрудработы. „Таким образом, — говорит т. Кожевников, — лица, присужденные к принудработам, получили возможность

своего рода „откупа“ от работы. Применение этой меры по Армавирскому округу за 10 месяцев к 695 лицам говорит о широком развитии этого положения. При проведении этого положения не исключалось предоставление права „откупа“ и мелким собственникам“[1].

В некоторых округах с осужденных к исправтрудработам крестьян этот взнос исчислялся по ставкам профсоюза Всеработземлеса от 3-4 руб. в месяц, а в двух районах, рядом лежащих, Понелжаковском и Преображенском, Адыгейской автономной области — взыскания происходили следующим образом: в первом взыскивалось взамен исправтрудработ в среднем за месяц с бедняков 5 р., с середняков, — 7 р. 50 к., кулаков — 10 р. Во втором — 20 р. с бедняков, а с остальных по 30 руб. Если к этому прибавить требование ст.ст. 24 и 31 ИТК 1924 г., которые обязывали органы ГУМЗ'ака согласовывать свои действия с КЗОТ и Инстр. НКТ, станет ясным, почему все это вместе взятое привело к окончательному затруднению реального выполнения приговора с исправтрудработами. Такое положение воочию убедило в малой жизнеспособности главы IV отдела ИТК, что заставило правительство в сентябре 1926 г. пересмотреть ее и принять в развитие ее постановление „Об организации принудработ без содержания под стражей“. Этот декрет предлагал „привлечь к осуществлению принудительных работ без содержания под стражей в тех местностях, где нет мест заключения, уездные, районные и волостные исполнительные комитеты“. Этот закон в данных местностях предоставлял право уездным и районным исполкомам присваивать функции, данные законодательством отделениям бюро исправтрудработ. Они были обязаны теперь организовывать и реализовать исправтрудработы, как по судебным приговорам, так и по административным постановлениям.

Постановление, изданное ВЦИК и СНК от 6/IX-26 г. в развитие главы IV отдела I ИТК, преследовало главным образом цель максимального обеспечения реальности исправтрудработ. Оно заменяло общий для всех исправтрудработников принцип платности по КЗОТ, системой дифференциальной оплаты и разбивало всех осужденных к исправтрудработам на две группы: 1) лица, работающие по найму и имеющие постоянный заработок, сохраняют свои права на зарплату по КЗОТ'у, но определенный % согласно приговора суда высчитывается в пользу государства, 2) лица же, не имеющие постоянного заработка или места службы, составляющие вторую группу, приравниваются к неквалифицированным работникам, с оплатой труда от 25—75% ставок, соответствующих неквалифицированным вольнонаемным рабочим. При этом исправтрудработники первой группы свой приговор отбывают по месту службы или работы, а в отношении второй группы исправтрудработников устанавливался двоякий

[1] Кожевников, „О принудработах“, „ЕСЮ“, № 18, 1925 г.

порядок, т. е. учитывалось, проживают ли они в местах нахождения бюро исправтрудработ и их отделений, или же в местностях, где нет мест заключения. В зависимости от этого одни из них направлялись для отбытия исправтрудработ в места заключения, если таковые были, или в хозяйственные или коммунальные предприятия, а другие — в распоряжение местных исполкомов, которые обязаны были использовать их на общественных работах городов и в сельском хозяйстве.

Устанавливая оплату труда осужденных к исправтрудработам, закон ВЦИК и СНК от 6/IX — 26 г. не решился совершенно отказаться от принципа, установленного ст. ст 31 — 32 ИТК, по которому оплата исправтрудработников устанавливается согласно КЗОТ с удержанием 25% в фонд ГУМЗ'ака и оставлял его для первой группы исправтрудработников и дифференцированную оплату вводил только для второй группы.

Более определенно высказывались на сей счет Украинский и Белорусский ИТК. Первый устанавливал для отбывающих исправтрудработы в качестве неквалифицированных физических работников оплату труда в размере 50% ставки чернорабочего, а для оставленных на месте работы по специальности — 25% получаемой ставки.

К осужденным к исправтрудработам без содержания под стражей, принадлежащим к нетрудовому элементу, ст. 184 ИТК УССР устанавливала, как общее правило, бесплатное их применение, если нет другого указания в приговоре суда. Но если суд устанавливает бесплатные исправтрудработы для трудящихся, то он обязан указать срок не более 7 суток с пищевым довольствием осужденного (Ст. 185 ИТК).

Второй же ИТК — Белорусский — определенно выставлял принцип бесплатности исправтрудработы без содержания под стражей. Наиболее четко дифференцировав исправтрудработников, ИТК БССР в ст. 221 устанавливает, что лица наемного труда, а также находящиеся на социальном обеспечении, получающие пенсию или иную помощь от органов соцобеса, и беднейшие крестьяне — по представлении справки от соответсвующего комитета взаимопомощи или от суда о своей несостоятельности,— во время работы получают дневное довольствие натурой или деньгами.

Таким образом, возвращаясь к постановлению ВЦИК и СНК от 6/IX — 26 г., которое пыталось развить главу IV отдела 1 ИТК РСФСР по вопросу об оплате труда осужденных к исправтрудработам, приходится отметить, что это постановление стало на компромиссную точку зрения, по существу мало приводящую к намеченной цели — реальности исправтрудработ в системе судебной политики.

На проведенную частичную реформу законодательства об исправтрудработах возлагались надежды в разрешении вопроса с краткосрочным лишением свободы. Но, как мы увидим ниже,

практика показала, что исправтрудработы не сдвинулись с места до майского постановления правительства СССР в 1928 г., а лишение свободы с краткими сроками с колоссальной быстротой росло.

Верхсуду РСФСР в своем пленуме через год после издания сентябрьского закона пришлось опять отметить рост краткосрочного лишения свободы и слабое применение исправтрудработ. Пленум в октябре 1927 г. дал категорическое указание судам о том, что „замена принудительных работ лишением свободы не допускается“[1]. Но это указание Верхсуда воздействия не возымело, и лишение свободы росло, а места заключения быстро пополнялись новыми „кадрами“. В результате такого широкого применения краткосрочного лишения свободы места заключения чрезмерно загружались лицами, в отношении которых не было никакой необходимости применять такую меру.

Рост осужденных к лишению свободы во всех местах лишения ГУМЗ'ака за 1926—27 гг. выразился в следующих цифрах[2]:

на 1 января	1926 г.	состояло	—100%
„ 1 сентября	„	„	—1 8%
„ 1 января	1927 г.	„	—125%
„ 1 ноября	„		—127%

Количество осужденных к краткому сроку лишения свободы за период с 1 января 1926 г. по июль м-ц 1926 г. возросло с 40,1% до 49 общего количества осужденных к лишению свободы.

По закону от 26/IX—26 г. ВЦИК и СНК к организации исправтрудработ на местах должны были приступить местные власти совместно с органами НКВД, на них возлагалась тяжесть и значительная доля ответственности в деле организации исправтрудработ, но местные исполкомы остались глухи к этой директиве правительства и в жизнь ее не провели.

Сравнительные данные за 25/26 г. и 26/27 г.г. по реализации исправтрудработ показывают:

	1925/6	1926/7
Отбыло исправтрудработы по месту службы . . .	15,0%	34%
Отбыло в предприятиях ГУМЗ'ака	4,7%	21,2%
Итого.	19,7%	55,3%
Не исполнено приговоров.	80,3%	44,7%
Всего.	100%	100%

В 1926/27 году как будто бы заметен сдвиг в сторону роста (вдвое) исправтрудработ по отношению к 1925/26 г., но этого далеко еще недостаточно. Если проследить осуществление при-

[1] „Судебная практика“, № 22, 1927 г.

[2] Якубсон Н. „Реформа уголовн. з-ва и принудработы“. „Адм. Вестник“, № 1-3, 1929 г.

говоров и адмпостановлений за 1927 г., то окажется, что на 4.504 590 человекодней исправтрудработ приходится использованных отработкой 2.426.289 человекодней, т. е. 54% отработки. Таким образом, на каждые 100 человекодней работы фактически неотработанных дней приходится 46. Большинство исправтрудработ не выполнялось вследствие отсутствия работы и плохой их организации.

Для большей ясности состояния исправтрудработ до мартовской реформы 1928 г. нам необходимо привести конкретные данные об отдельных губерниях, показывающие состояние исправтрудработ на местах. Нижеприведенные данные по 6 губерниям за 1926 г. характеризуют реальное отбытие исправтрудработы осужденными по приговорам и адмпостановлениям.[1]

Самарская губ. (вместе с адмпостановлениями) .	29%[1]
Псковская . .	. 34 8%
Ярославская	26%
Костромская	19,5
Саратовская	30%
Уральская	. 58%
Вятская	. 34%

В Сибири на 1 января 1927 г. оставалось неиспользованных на исправтрудработах приговоренных к этой мере уголовной репрессии 10258 человек.

Произведенное в конце 1926 г. Прокуратором Республики обследование состояния исправтрудработ в Иваново - Вознесенской губ. дало заключение, что „принудработы, как мера социальной защиты, являются фикцией, и реальное использование их является эпизодическим".

Как видно, и новый закон 1926 г. от 26/IX об исправтрудработах не дал соответствующего толчка для действительного применения этого вида уголовной репрессии. Уголовная политика в этой части еще сильнее стала хромать на обе ноги.

Перед правительством встала необходимость дать категорическое указание по всей уголовной политике, проводимой НКЮ и НКВД. Ибо ни НКЮ, ни НКВД не подошли в восстановительный период к решению задачи, которая стоит в программе нашей партии, не провели подготовительной работы по внедрению такой меры уголовной репрессии, применяемой к нарушителям пролетарской дисциплины, которая привела бы к „замене лишения свободы обязательным трудом с сохранением свободы", и вопреки этому указанию наши органы извратили эту меру репрессии, подменив ее бесполезным краткосрочным лишением свободы.

Реконструктивный период потребовал реконструкции и нашего уголовного законодательства, и практики судебных и исправительно-трудовых органов.

---

[1] Чернышев. „Принудительные работы", „Рабочий суд", № 18, 1927 г

3. Исправтрудработы в реконструктивный период

В реконструктивный период советская уголовная политика вступила окрепшей и выросшей в классовой борьбе. Одновременно окрепла и выросла советская уголовно-правовая теория в борьбе с псевдомарксистскими и буржуазными теориями уголовного права за предыдущие годы пролетарской революции так же, как окрепло и выросло все советское хозяйство в ожесточенной борьбе с классовым врагом.

Встал вопрос о создании нового, на базе марксо-ленинской теории уголовной политики и уголовного права, Уголовного Кодекса, который отвечал бы новой ступени социалистического строительства в нашей стране. Более четко были сформулированы основные принципы уголовного права на основе ленинских указаний о подавлении классового врага и воспитании к новой социалистической дисциплине совершивших преступление из трудящихся. Уже пленум Верхсуда РСФСР по докладу уголовно-кассационной коллегии, подытоживая работу коллегии, указал в своем постановлении, что „все преступления в общем должны быть разбиты на две основные группы. Первая группа преступлений — это все тяжкие преступления, которые по своему существу представляют собою опасность для советского правопорядка. Вторая группа — все остальные преступления. В отношении первой группы преступлений подход судов должен быть жестким, причем, как общее правило, мерой социальной защиты, назначаемой за эти преступления, должно быть безусловное лишение свободы. При рассмотрении дел второй группы преступлений подход судов должен определяться, главным образом, из учета социальной опасности личности подсудимого, причем применение в качестве меры социальной защиты безусловного лишения свободы должно применяться с особой осторожностью, после тщательной оценки целесообразности применения именно этой меры социальной защиты в данном случае. Во всяком случае, по возможности реже применять краткие сроки лишения свободы, а заменять их иными по обстоятельствам дела мерами, как-то принудительными работами, отстранением от должности, штрафами и т. п.".

Конечно, в этом постановлении Верхсуд только подходил к определению преступлений по классовой опасности, но здесь уже давалась установка местам по применению уголовной репрессии, с тем, чтобы как можно меньше применять лишение свободы и особенно краткосрочное лишение к той группе, к которой относятся совершившие преступления из трудящихся. В этом вопросе Верхсуд РСФСР уже сделал ударение на том, чтобы как можно больше судебные органы применяли в своей практике взамен краткосрочного лишения свободы исправтрудработы без лишения свободы. Этот вопрос был предметом обсуждения и изучения не только Верхсуда и практических работников юстиции, но, в связи с создавшимся с краткосрочным лише-

нием свободы положением и очевидной его нереальностью, вопрос был поставлен в поле разработки и научно-исследовательскими учреждениями. Так, Институт Комакадемии, вырабатывавший новый проект УК, довольно значительное место отводит исправтрудработам.

Если УК 1922 г. и действующий УК 1926 года оставлял в общей системе эту меру уголовной репрессии, то дальнейшее развитие этот институт получил в проекте уголовного кодекса Института советского строительства и права Комакадемии и в изданом в 1933 г. ИТК РСФСР. Проект УК ИССП Комакадемии прямо указывает, что эта мера, являясь одной из основных, применяется к преступлениям менее опасным — против порядка управления, хозяйственным, трудовым, должностным, имущественным, против личности и бытовым, за исключением отдельных случаев.

При этом устанавливаются различные виды исправительно-трудовых работ: ст. 50 проекта ИССП Комакадемии в п. 4 предусматривает принудительные работы без помещения в специальные учреждения в пределах района проживания осужденного, по указанию сельсовета или местного бюро исправительно-трудовых работ сроком до 6-ти месяцев; а п. 5 указывает, что исправительно-трудовые работы могут быть назначены по месту службы в тех случаях, когда совершено менее опасное действие и требуется дисциплинирующее воздействие сроком до 6-ти месяцев с вычетом до 50% из зарплаты в пользу государства[1].

По проекту УК ИССП исправительно-трудовые работы устанавливаются и на более длительный срок — до 2-х лет со специальным их отбыванием в исправительно-трудовых колониях вне пределов района проживания осужденного, в случаях, когда данное лицо требуется удалить на время из данной общественной среды.

Проект УК ИССП Комакадемии наиболее наглядно показывает характер этой меры уголовной репрессии в советской уголовной политике диктатуры пролетариата, применяемой к трудящимся, нарушающим общественную дисциплину социалистического строительства.

Действующий исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1933 г.) еще больше конкретизирует исправтрудработы, кам меру уголовной репрессии, и вместе с тем дает принципиальную установку для исправтрудработ, говоря в ст. 5: „В отношении всех осужденных, к которым нет необходимости применять изоляцию, основной мерой исправительно-трудового воздействия являются исправительно-трудовые работы без лишения свободы. Задачей этих работ является принудительное трудовое воспитание к дисциплине без ограничений, применяемых к лишенным свободы, соединяемое с политико-воспитательным воздействием“. Кодекс устанавливает,

---

[1] Постановлением Союзного правительства от 27/III 1932 г. устанавливается в приговоре максимальный вычет 25% из зарплаты.

что на исправтрудработы направляются лица, которым назначены исправтрудработы судебным приговором, административным постановлением или наблюдательной комиссией в порядке досрочного освобождения (ст. 8). При этом осужденные к исправтрудработам, работающие в учреждениях и предприятиях, отбывают таковые, как правило, по месту работы, а все остальные — на работах, организуемых исправтрудучреждением. Исправительно-трудовой Кодекс устанавливает также более конкретное время и пространство выполнения исправтрудработ осужденными, увязывая этот вопрос с характером работы по месту постоянной работы и не по месту постоянной работы (ст. 9).

В этом отношении Кодекс делит всех осужденных на две группы — осужденных на срок до шести месяцев и осужденных на срок свыше шести месяцев. Осужденные первой группы отбывают исправтрудработы, как правило, по месту их постоянной работы и лишь в исключительных случаях, и то по постановлению суда, — на работах, организуемых исправтрудорганами. Осужденные, относящиеся ко второй группе, если они имеют постоянную работу, могут, в зависимости от приговора суда, либо направляться на работы, организуемые исправтрудучреждениями, либо отбывать по месту постоянной работы. Те, кто к моменту осуждения не находились на постоянной работе, отбывают исправтрудработы, организованные отделениями ИТР.

Кодекс содержит специальное постановление относительно колхозников, указывая, что, независимо от срока осуждения, все колхозники отбывают исправтрудработы в своих колхозах, если в приговоре суда нет постановления об отбывании исправтрудработ вне колхоза. В последнем случае осужденные из числа колхозников направляются на исправтрудработы по усмотрению исправтрудорганов. ВЦИК РСФСР в своем законе от 10/III 34 г. изменил практику применения исправтрудработ к колхозникам. Измененная ст. 9 ИТК РСФСР говорит, что „Исправительно-трудовые работы отбываются колхозниками, осужденными на срок до 6 месяцев, в своих колхозах; осужденными на срок от 6 месяцев и выше — на работах вне колхоза по усмотрению исправтрудорганов. Суд вправе в отдельных случаях допускать отступления от этого порядка". („Известия" 21/III 34 г.).

Исправтрудработу не по месту постоянной работы выполняют осужденные по срокам: осужденные не более, чем на один месяц, — по месту жительства или не далее 10 километров от него; осужденные до 3-х месяцев отбывают их в пределах района, до 6-ти месяцев — в пределах края или области, а более 6-ти месяцев — как в пределах края, области, так и вне пределов края, области, в случае необходимости (ст. 15). Кодекс устанавливает для отбывающих исправтрудработы не по месту постоянной работы оплату, приравненную к оплате труда содержащихся в местах лишения свободы (ст. 21). У отбывающего исправтрудработы по месту постоянной работы удерживается из зарплаты

не более 25%, а у колхозников—не свыше 25% их доходов, оцениваемых в трудоднях (ст. 20).

Переходя к практике применения и реализации исправтрудработ в реконструктивный период, прежде всего необходимо отметить, что к этому времени непомерно выросло применение краткосрочного лишения свободы; так, в 1927 году оно доходило до 45% всех мер уголовной репрессии. Это заставило заслушать доклад на об'единенном заседании президиума ВЦИК и СНК РСФСР, состоявшемся в июле 1927 года, об уголовной политике НКЮ и НКВД, по которому в марте 1928 г. было опубликовано постановление ВЦИК и СНК РСФСР, констатировавшее „чрезвычайный рост числа осужденных, в особенности значительное увеличение за последние годы числа осужденных к лишению свободы на короткие сроки; недостаточное в связи с этим применение судами иных мер социальной защиты, вместо лишения свободы". В пункте 2, раздела А, предлагается НКЮ в отношении социально-неустойчивых элементов, совершивших преступление впервые, или вследствие тяжелых обстоятельств и являющихся социально опасными, применять в качестве репрессии — „принудительные работы без содержания под стражей, устранение от должности, снятие с работы на разные сроки и т. д."

Состоявшийся в феврале 1929 г. VI с'езд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР еще раз подчеркнул в своих резолюциях необходимость крутого поворота нашей карательной политики в сторону максимального сокращения количества осужденных к лишению свободы и широкого развития практики применения судами исправительно-трудовых работ.

Постановление ВЦИК от 26/III-28 г. в пункт 1 раздела V предлагало НКЮ и НКВД разработать проект изменения законодательства об исправтрудработах на началах: а) бесплатности, б) хозяйственной выгодности и в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии по сравнению с общественными работами, организуемыми для безработных органами НКТруда.[1]

Оплату труда исправтрудработников правительство допустило лишь для лиц, отбывающих их по месту службы, или, каждый раз по особому определению суда, для лиц, не имеющих никаких средств к существованию, но не свыше госминимума данной местности Для всех же остальных осужденных исправтрудработы должны быть бесплатными.

На основании этой директивы правительства был представлен проект изменения главы IV, отдела 1 ИТК РСФСР, который был утвержден президиумом ВЦИК и СНК 21 мая 1928 г.

Согласно этого закона, исправтрудработы без содержания под стражей, в противовес Кодексу 1924 г. делятся на три различные группы по постепенному ограничению личной свободы

---

[1] В действующем ИТК эта глава является III, отдела 1.

лица, отбывающего исправтрудработы. Здесь предусматривались: 1) исправтрудработы, назначенные сроком не свыше 6 месяцев, исполняемые по месту жительства осужденного, 2) исправтрудработы, назначенные на срок свыше 6 месяцев, исполняемые как по месту жительства, так и вне места жительства осужденного, в организованных на хозяйственном расчете предприятиях, находящихся в окружных и районных центрах, 3) исправтрудработы для лиц, работающих по найму, выполняемые по месту службы, где, согласно постановления президиума ВЦИК и СНК от 12 ноября 1928 года, оплата труда за время выполнения исправтрудработ может быть от 50% до 75%. Остальная часть зарплаты поступала в распоряжение бюро исправтрудработ. Осужденные к исправтрудработам на срок не свыше 6 месяцев и проживающие в местах, где нет бюро исправтрудработ или их отделений, направлялись на общественные работы в район данного сельсовета. Эти работы заключались в ремонте мостов местного значения, больниц, школ, дорог, гатей, детских домов, агрономических и ветеринарных пунктов, изб-читален и в других работах по благоустройству данной местности.

В своем „Обращении“ к исполкомам от 21 мая 1928 г. ВЦИК и СНК указывают, что „применение труда лиц, отбывающих принудительные работы без содержания под стражей, должно дать возможность осуществить ряд общественных, хозяйственных начинаний комитетами крестьянских обществ взаимопомощи и облегчить при их посредстве дело поддержки маломощных крестьянских хозяйств, в частности, хозяйств красноармейцев, инвалидов, помощь которым советская власть считает первоочередной задачей“, Чтобы получить большой хозяйственный эффект и общественно-полезный результат от работы исправтрудработников, закон давал право органам, ведающим исправтрудработами, обязывать исправтрудработников являться на работу со своим инвентарем и инструментами. Это указание закона являлось наиболее ценным для сельских местностей, где исправтрудработников без живого инвентаря и некоторых инструментов сельсоветы по своей бедности использовать не могли.

Далее закон устанавливает, что лица, которым назначены исправтрудработы без содержания под стражей на срок свыше 6-ти месяцев, подлежат обязательному направлению в предприятия, организуемые для использования труда исправтрудработников, находящихся в том районе или округе, где проживает осужденный.

В иных случаях разрешается отправка исправтрудработников со сроком до одного года на работу в другой район или округ, с оплатой его проезда.

Наконец, майский закон 1928 года устанавливал, в качестве принципа, бесплатность исправтрудработ, чем давал широкую возможность их применения не только в городах, но, главным образом, в сельских местностях, и чем окончательно уничтожая

возможность влияния еще имевшей место незначительной безработицы.

Время и порядок использования труда исправтрудработников регулируется общим трудовым законодательством РСФСР (8 час. в день, установленный отдых и т. д.). При уклонении от работы, при несоблюдении установленных законом правил, закон устанавливает для исправтрудработников дисциплинарные взыскания. Органы, реализующие выполнение исправтрудработ, имеют право: а) переводить на более тяжелые работы; б) не зачитывать в срок небрежно проработанного или самовольно пропущенного времени; в) применять арест на срок до 14 дней с правом ходатайствовать перед судом об изменении меры социальной защиты.

Всю работу по реализации исправтрудработ закон возлагал на специально созданные при адмотделах крайисполкомов и окрисполкомов бюро исправтрудработ и их отделения в районах, где имеются места заключения, а где таковых нет, эта работа возлагается на райисполкомы и сельсоветы. Они ведут учет исправтрудработников, организуют на хозрасчете предприятия для использования таковых и т. п.

СНК РСФСР в своем постановлении, отмечая неудовлетворительную организацию исправтрудработ в части невысокого процента реализации, предлагал:

1) принять самые энергичные меры к реальному осуществлению принудительных работ и

2) установить порядок планомерного использования труда лиц, приговоренных к принудительным работам.

В этом же году в июне месяце ВЦИК и СНК предоставляют право местным органам в тех случаях, когда приговоренные к принудительным работам на срок от 1 месяца до 6 месяцев не могут быть использованы на работах в пределах 10 километров (как это было предусмотрено новым законом об исправтрудработах), направлять таких лиц и далее 10 километров.

Наконец, ВЦИК и СНК, учитывая всю важность реализации приговоров к исправтрудработам, уже 1930 г. в своем постановлении по докладу НКВД дают новый ряд директив по организации исправтрудработ, главным образом, в сельских местностях.

Это постановление ВЦИК и СНК предлагает:

а) обратить внимание на целесообразное использование труда отбывающих исправительно-трудовые работы в сельских местностях.

б) местным плановым и хозяйственным органам включать в свои планы использование труда отбывающих исправтрудработы,

в) районным исполнительным комитетам сельсоветам, наряду с использованием труда отбывающих исправтрудработы на об·

щественных, хозяйственных начинаниях (ремонт школ, детских домов и дорожные работы) и на работах комитетов крестьянской общественной взаимопомощи, предоставлять отбывающих исправтрудработы группами для подсобных работ.

Проведенная реформа законодательства об исправтрудработах в мае 1928 г. дала основание тому, чтобы, наконец, исправтрудработы без лишения свободы стали реальной мерой уголовной репрессии и окончательно вытеснили нецелесообразное краткосрочное лишение свободы.

Широкие возможности по использованию осужденных к исправтрудработам, данные майским законом местным властям, должны были их заставить использовать хозяйственно - целесообразно их труд. И действительно, перелом в деле замены исправтрудработами краткосрочного лишения свободы наступил.

Проведенная за 1928 г. на основании директив правительства от 21/V-28 г. судом Московской области уголовная политика полностью подтверждает правильность нашей мысли.

В Московское бюро исправтрудработ поступало приговоров с исправтрудработами за 1928 г. по месяцам в процентах (январь — 100%[1].

Январь	100
Февраль	182
Март	264
Апрель	295
Май	390
Июнь	422
Июль	518
Август .	548
Сентябрь .	575
Октябрь	918
Ноябрь .	1384

Эти цифры характеризуют наступивший перелом в судебной практике, хотя на окраинах республики этот перелом наступил позднее. Были случаи, когда некоторые губернии, края и области к реализации этого закона приступили в конце 1928 г. и даже в начале 1929 г.

Так, горьковский губпрокурор в своем докладе отмечает, что „Закон о принудработах от 23 мая 1928 г. на местах был получен лишь в августе м-це 1928 г.“, что затруднило его реализацию, которая началась по губернии не раньше октября-ноября месяца.

Но, несмотря на то, что в некоторых местах этот закон стали применять позже, все же с этого времени мы имеем по всему Союзу непрерывный рост приговоренных к исправтрудработам.

Нижеприводимые данные по РСФСР это положение подтверждают. Так, было осуждено:

---

[1] Якубсон В. „Реформа уголов. з-ва и принудработы“ Адм. вестн. № 1 — 2. 1929 г.

По РСФСР

Годы	Всего осужд.	В том числе	
		К лишен. свободы	К исп автрудработам.
	% %	% %	% %
1928 .	100	31,2	22,0
1929 .	100	11,17	50,8
1930 .	100	9,6	56,5

Данная таблица наглядно показывает быстроту количественного возрастания приговоров с исправтрудработами. Такой поворот в применении исправтрудработ характерен, конечно, не только для РСФСР, но и для всех без исключения союзных республик.

Так, в БССР в результате постановления СНК в июне 1929 г., которым предлагалось всемерно расширить применение исправтрудработ, мы имеем следующую судебную практику:

На 100 осужденных было приговорено:	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г
к исправтрудработам . . .	18,6	18,5	22,0	30,0

и за счет расширения применения исправтрудработ здесь также идет постепенное снижение лишения свободы.

Сравнивая эти данные с данными по РСФСР, мы должны констатировать несколько меньшие, чем в РСФСР, темпы увеличения применения исправтрудработ. В РСФСР 30% исправтрудработ мы имеем уже во II половине 1929 г., здесь же, в БССР, эта цифра достигается лишь в 1930 году. Но в данном случае уже не так важны эти различные темпы расширения применения исправтрудработ в отдельных союзных республиках, как важна сама тенденция постепенного увеличения практики применения исправтрудработ за счет сокращения лишения свободы. Мы можем констатировать резкий поворот в отношении применения исправтрудработ, которые действительно становятся основным видом уголовной репрессии в судебной практике судов всего Союза ССР.

Небезынтересно проследить судебную практику союзных республик в применении исправтрудработ по классовому признаку осужденных и по видам преступлений. Имеющиеся статистические данные, характеризующие классовую политику в применении исправтрудработ в связи с классовой принадлежностью осужденных, показывают нам, насколько действительно эта репрессия является той репрессией, которая применяется главным образом к трудящимся.

РСФСР

Было приговорено к исправтрудработам	Трудящиеся	Классово-враждебн. элементы	Всего
За II полугодие 30 г. .	89,60%	10,4%	100,0%
» I » 31 г. .	91,2%	8,8%	100,0%
» II » 31 г.	91,7%	8,3%	100,0%

УССР

За время с 1/X-1930 по 1/IV-31 г.	Трудящиеся	Классово-враждебн. элементы	Неизвестные
Было осуждено к исправтрудработам . .	86,5	9,4	4,1

БССР

За 1-й квартал 1932 г.	Трудящиеся	Классово-враждебн. элементы
Среди поступающих на учет в бюро исправтрудработ было . . .	94,0	6,0

Эти данные показывают, что наши суды лишь в редких случаях (от 6% до 9%) назначают исправтрудработы классово-чуждым элементам, огромное же большинство приговоров к исправтрудработам падает на трудящихся. Однако, не обо всех союзных республиках можно это сказать. Имея статистические данные по Армянской ССР, мы находим следующую картину применения исправтрудработ по классовому признаку:

За 1931 год	Трудящиеся	Классово-чуждые
Судами Армянской ССР было приговорено к исправтрудработам	68,0%	32,0%

Как видим, процент применения исправтрудработ к классово-чуждым элементам здесь очень высок по сравнению с РСФСР, УССР и БССР.

Исправительно-трудовые работы, как мы уже говорили выше, расчитаны, главным образом, на категории совершающих преступления из среды трудящихся. В отношении классово-чуждых элементов они могут применяться, но лишь при следующих условиях: во-первых — за совершение очень незначительных преступлений, во-вторых — когда изоляция таких лиц не необ-

ходима, и, наконец, в-третьих — когда другие меры уголовной репрессии, например, штраф, ссылка, высылка и т. п. в таких случаях явно нецелесообразны. Таким образом, рамки применения исправтрудработ в отношении классово чуждых элементов очень узки, а потому и практика Армянской ССР широкого (32%) применения исправтрудработ к ним совершенно неправильная, извращающая сущность этой репрессии.

Имеющиеся данные по РСФСР и другим республикам дают нам возможность установить применения исправтрудработ по видам преступлений. Так, за 1929 и 1930 г. г. по РСФСР было вынесено:

Виды преступлений	1929 г. %	1930 г. %
1. Контр-революция . .	10,6	13,5
2. Против порядка управления	50,0	51,0
3. Против личности .	33,6	36,7
4. Имущественные преступления	61,2	59,7
5. Воинские . . .	23,1	30,7
6. Должностные	59,2	68,1
7.	57,0	57,1
Итого средняя .	49,9	52,9

В Армянской же ССР на каждую сотню осужденных по видам преступлений приходилось:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Против порядка управления	22,0	23,0	29,0	28,0
Против личности . .	25,0	24,0	22,0	24,0
Имуществ. преступления . .	27,0	29,0	26,0	25,0
Должностные преступления .	8,0	10,0	7,0	8,0
Прочие преступления . .	18,0	14,0	16,0	15,0
Всего . .	100,0	100,0	100,0	100,0

Если взять отдельные виды преступлений за 1932 г. по РСФСР, то оказывается, что за спекуляцию (по 7 областям и краям) во втором полугодии 1931 г. из каждых 100 осужденных 59,8 получили исправтрудработы, во второй же половине 1932 г, идет уже снижение — из каждой сотни получают 40,7. Это объясняется тем, что судьи стали в больших размерах применять лишение свободы по закону о спекуляции от 28/III-32 г. По хулиганству же первое место занимают исправтрудработы, начиная с 1928-31 г.г., доходившие от 78% до 95%, во второй же

половине 1932 г. здесь происходит поворот в сторону лишения свободы. Так, по 8 краям и областям процент применения исправтрудработ упал с 78 до 70, а по преступлениям против личности снизился с 52% до 37% по тем же краям. Это снижение происходит в силу того указания Верхсуда, которое констатировало, что исправтрудработы применяются автоматически и без учета, к кому их применить.

Но в отдельных областях РСФСР произошел значительный перегиб в сторону абсолютного применения лишения свободы. В этом отношении ЦЧО самая показательная область, в которой лишение свободы во второй половине 1932 г. явилось единственной мерой, применяемой по преступлениям против личности — 90% всех приговоров. Если взять сравнительные данные по полугодиям с 1930 г. по первую половину 1932 г., то мы устанавливаем непрерывный рост исправтрудработ, хотя вторая половина 1932 г. показывает некоторое понижение по сравнению с предыдущими годами[1].

РСФСР

Приговорено	2-е п/г 1930 г.	1-е п/г 1931	2-е п/г 1931	1-е п/г 1932	2-е п/г 1932
К расстрелу	0,07	0,01	0,005	0,004	0,2
К лишению свободы	7,3	12,5	12,8	13,1	23,7
К и/т раб.	59,2	56,5	56,8	58,1	49,4
К ссылке	1,7	3,9	5 5	3,2	3,2
К высылке	2,5	3,0	1,4	1,0	0,9
К штрафу	18,2	14,9	12,4	13,3	11,4
К проч. м.	11,1	9,2	10,1	11,3	11,2

Поскольку исправительно-трудовые работы являются достаточно серьезной мерой репрессии, постольку вопрос о сроках, на которые возможно назначение их, имеет большое значение. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик в ст. 19 устанавливают лишь максимальный срок, на который могут назначаться исправтрудработы. Минимального срока Основные начала не устанавливают, следовательно, возможно назначение исправтрудработ на сроки, начиная от одного дня. Право установления срока исправтрудработ в этих пределах принадлежит во всех союзных республиках суду, выносящему приговор. Суд же при определении срока исправтрудработ должен исходить как из степени опасности совершенного преступления, так и из необходимости того или иного срока для воздействия исправтрудработами на осужденных им лиц.

[1] По материалам НКЮ РСФСР.

Располагая статистическими данными о сроках, назначаемых судами по исправтрудработам, мы можем проанализировать существующую судебную практику.

По РСФСР

Из всего числа приговоренных к исправтрудработам было приговорено на сроки:	1930	1931
До 3-х месяцев	61,7%	71,0%
От 3-х до 6-ти месяцев	23,4%	
Свыше 6 месяцев	14,9%	29,0
	100,0%	100,0%

По УССР

(Данные за период с 1/X-30 г. по 1/IV-31 г.)

До 1-го месяца	35,15%
От 1 мес. до 3-х мес.	26,93%
От 3 до 6 мес.	21,74%
Свыше 6 мес.	16,18%
	100,0%

По БССР

(Данные за 1 квартал 1932 г.)

До 6 месяцев	84,0%
Свыше 6 месяцев	16,0%
	100,0%

По Армянской ССР

	1930 г.	1931 г.
До 1 мес.	76,0%	47,0%
От 1 до 3 мес.	19,0%	32,0%
От 3 до 6 мес.	3,5%	15,0%
Свыше 6 мес.	1,5%	6,0%
	100,0%	100,0%

О чем говорят приведенные данные?

Прежде всего о том, что практика союзных республик идет по линии назначения, главным образом, небольших сроков исправтрудработ. На приговоры со сроками свыше 6 месяцев почти во всех союзных республиках приходится лишь от 14 до 16%. Это свидетельствует о том, что наши суды считают исправтрудработы достаточно серьезной мерой уголовной репресии, чтобы прибегать часто к назначению длительных сроков. Нам кажется, что такая практика наших судов вполне правильна, ибо в большинстве случаев вполне достаточно одного-двух месяцев отбывания исправтрудработ, чтобы так или иначе дисциплинирующе воздействовать на осуждаемых лиц и особенно из трудящихся.

Однако, в отдельных случаях следует прибегать к более длительным срокам исправтрудработ. Это относится прежде всего к классово-чуждым элементам и затем — к тем трудящимся, которые совершили более серьезные преступления. В этом отношении нужно считать вполне правильной практику назначения судами УССР сроков исправтрудработ в зависимости от классовой принадлежности.

Сроки исправтрудработ в зависимости от классовой принадлежности осужденных по УССР

Сроки исправтрудработ	Трудящиеся	Клас. чужд. элементы
До 1 месяца .	37,5%	18,7%
От 1 до 3-х мес. .	27.7%	15,2%
От 3 до 6-ти мес.	21.5%	29,0%
Свыше 6 мес. .	13,3%	37,1%
	100,0%	100,0%

Здесь, как видно из таблицы, классово-чуждые елементы приговариваются на более длительные сроки (от 3 до 6-ти мес. и свыше 6 мес.), чем трудящиеся

Считая в общем вполне правильной практику судов назначения небольших сроков исправтрудработ, мы все же должны предостеречь от другой крайности, т. е. от увлечения назначением слишком кратких сроков исправтрудработ, а такого рода явления имеют место в практике некоторых союзных республик. Так например, по данным Армянской ССР, видно, что 76% приговоров к исправтрудработам падает на сроки до 1 месяца (неделя, 10 дней, две недели). Такую широкую практику назначения кратких сроков вряд-ли можно признать целесообразной. В самом деле, можно ли говорить о каком либо дисциплинирующем воздействии, если осужденный отбывает исправтрудработы в течении, например, нескольких дней. Особенно нецелесообразны такие краткие сроки для исправтрудработ при бюро (отделениях). Во-первых, в таких случаях очень трудно послать осужденных на организованные работы (в какое-либо предприятие, учреждение и т. п.) и бюро приходится, как это бывает часто на практике. использовать труд осужденных для целей своего домашнего обихода, например, работа по обслуживанию бюро и т. п., или же ввиду краткости срока в несколько дней и совсем не использовать труда осужденных, отчего опреценное количество приговоров остается нереализованными. Конечно, при таких кратких сроках (в несколько дней) говорить о какой либо политико-воспитательной работе среди осужденных, которой мы придаем огромное значение, вовсе не приходится. А если принять во внимание и практику своеобразной сдельщины, которая еще встречается в некоторых союзных республиках (БССР) и которая находит себе место именно при таких кратких сроках (например, осужденными на 7 дней производится 2—3 раза уборка помещения,

и это ему засчитывается в отбывание работ), то в таком виде исправтрудработы из меры дисциплинарного воздействия превращаются в фикцию.

Обращаясь к развитию исправительно-трудовых работ, следует сказать, что практика применения исправтрудработ по отдельным областям за 1931 год показывает еще больший процент приговоров к исправтрудработам.

Области	Все осужден.	В том числе	
		К лишению свободы	К исправтрудработам
	%%	%%	%%
Ленинградск.	100	5,4	63,4
Московская	100	9,2	55,3
Сев. Кавказский край	100	14,5	41,4
Ив. Промышл.	100	3,8	57,6

Приведенная практика вынесения судебного приговора к исправтрудработам еще не дает полного представления о реальности этой меры уголовной репресии.

Данные, имеющиеся по 4 областям РСФСР за первую половину 1929 г., дают представление о реальном осуществлении приговоров и административных постановлений к исправтрудработам.

Вынесенные приговоры и адмпостановления к исправтрудработам с 1/I—1/XI—29 г.

Области и края	Время в месяцах	Подлежало выполнению	Выполнено отработкой	Осталось не выполнено
	1929 г.	%%	%%	%%
Крымская АССР	1-V	100	55,6	44,4
Сев. Кавказ. край	1-IV	100	43,4	56,6
Уральская область	1-VI	100	43	57
Нижегородск. край	1-IV	100	14	86

Однако, имея громадное количество исправтрудработников бюро исправтрудработ их использовывают не более как на 45%. Только один Крым за указанный период довел исполнение приговоров и адмпостановлений к исправтрудработам до 55% общего количества состоявших на учете исправитрудработ. Нижегородский же край, например, довел реальное выполнение исправтрудработ только до 14%.

Из этой характеристики выполнения исправтрудработ напрашивается сам собой вывод, что органы НКВД с реальным осуществлением этой меры уголовной репресии не справлялись.

Они не могли перестроить свою роботу в соответствии с общей задачей уголовной политики нашего государства.

Несмотря на то, что совещание пенитенциарных работников в 1928 г. в своей резолюции по вопросу об исправтрудработах отметило „что дело организации принудработ в крупных размерах требует привлечения к участию в нем столов коммунального хозяйства, отделов местного хозяйства Советов народного хозяйства, местных органов НКПС, НКПочтеля, Наркомвоенмора, госпредприятий, а также комитетов крестьянских обществ взаимопомощи[1]", выполнить эту резолюцию не удалось, и практика реализации приговоров и адмпостановлений к исправтрудработам с мертвой точки не сдвинулась.

Более решительно и смело майские (1928) директивы правительства стал осуществлять Наркомюст по судебной линии. В своем циркуляре от 14 января 1929 г. НКЮ предложил всем судам во всех случаях, когда по УК предусмотрено лишение свободы до одного года, прибегать исключительно к исправтрудработам, штрафу или высылке и др. видам уголовной репрессии используя для этого ст. 51 УК. НКЮ одновременно предупредил в этом же циркуляре, что за невыполнение указанных директив ответственные руководители соответствующих учреждений будут также судимы и попробуют исправтрудработы на собственном опыте. Надо полагать, впрочем, что перелом в работе суда по применению исправтрудработ наступил быстро не только в силу этого циркуляра НКЮ, но в силу собственного осознания и понимания значения принципов, указанных в директивах правительства от 26/III-1928 г. нашей карательной политики.

Не справляясь с исправтрудработами организационно, органы НКВД в то же время в процессе реализации исправтрудработ часто грубо нарушали классовый принцип организации исправтрудработ, чем извращали в этой части судебную политику пролетарского государства.

Так, в Северо-Двинском округе старший милиционер 6 го участка Никольского РАУ от имени административной комиссии сельсовета заключил с двумя осужденными к исправтрудработам крепкими крестьянами договор, в котором имеется такой пункт: „В случае невыполнения взятых нами (осужденными Ф. С.) работ, комиссия имеет право за наш счет нанять других, а деньги с нас взыскать через суд". В тульском округе, в Михайловском р-не, быв. пред. сельсовета Заденов, осужденный за растрату, устроился для отбывания исправительно-трудовых работ в школе, где служила его жена, фактически не работал и нанял за себя за 7 рубл. другое лицо. Еще один пример (а их привести можно бесчисленное количество): в Горьковском крае гр. Жидилов был присужден к штрафу в 200 р., который после был заменен

---

[1] 1-ое Всесоюзное совещание пенитенциарных работников в 1928 году, стр. 260.

3 месяцами исправтрудработ. В бюро исправтрудработ поступило требование от владельца частника валено - сапожной мастерской Пушкина об отпуске Жидилова на работу со ставкой в 25 рубл. в месяц. Через несколько дней Пушкин в свою очередь привлекался в административном порядке на 10 дней исправтрудработ, на него поступило требование от жены Жидилова на тех же условиях. В результате частники - кулаки помогли друг другу отделаться от исправтрудработ. Существовала практика простого „откупа" с попустительством самих органов бюро исправтрудработ. Так, в Усольском БИТР, Уральской области, долгое время практиковалось принятие суммы вперед от осужденных к исправтрудработам и выдавались справки об отбытии их срока. В Березниках нарсуд осудил гр. Б. по ст. 113 УК к исправтрудработам сроком на 6 месяцев. Через несколько дней, Б. внес через Госбанк сумму в 300 рубл. и получил от бюро справку об окончании срока исправтрудработ.

Полнейшее отсутствие инициативы, плановости, системы, скверно поставленный учет исправтрудработников в бюро исправтрудработ и в сельсоветах, плохое наблюдение за фактическим выполнением исправтрудработ местными исполкомами,—сводило на нет широкие возможности в области реализации исправтрудработ, представленных майским законом 1928 г. Руководство исправтрудработами возлагалось на случайных лиц или в порядке совместительства. Так, в Ставропольском округе обследованием установлено, что в ряде случаев адмотделы районов поручали заведывание этим делом машинисткам. Конечно, такое положение не могло обеспечить дальнейшего улучшения реализации приговоров с исправтрудработами.

В связи с этим настойчиво выдвигалась мысль реорганизации органов, исполняющих судебные приговоры и адмпостановления, с одной стороны, и с другой—вопрос о специально подготовленных кадрах для несения этой работы в целях обеспечения классового руководства и действительного выполнения директив правительства по реформе судебно - карательной политики. Практически эта мысль была осуществлена в 1931 году.

Формально уничтоженный в 1930 г. разрыв между исправительно трудовыми учреждениями и судом в практике пока еще не давал полной возможности наиболее реально осуществлять приговоры к исправтрудработам без лишения свободы. С переходом исправтрудучреждений от НКВД в НКЮ суды и бюро исправтрудработ получили возможность свою роботу координировать так, чтобы приговор мог быстро быть реализован. Однако, на практике получилось иначе. Практика показывает, что несмотря на значительные достижения в этой области, завоеванные в условиях реконструктивного периода (при полнейшей ликвидации безработицы, при огромном спросе на рабочую силу и т. п.), мы все же еще в настоящее время имеем ряд существеннейших недостатков в этой области.

Приводимая таблица, охватывающая реализацию приговоров к исправтрудработам при бюро (отделениях) по отдельным союзным республикам с достаточной очевидностью подтверждает вышесказанное:

Союзные республики	%% реализованных приговоров
РСФСР (данные за 1931 г.)	60,0
УССР (данные за 1931 г.) .	52,2
БССР (данные за 1931 г. и 1-й кв. 1932 г.) .	40,0
Армянская ССР .	70,0

Причины еще столь недостаточного процента реализации приговоров к исправтрудработам, кстати сказать, почти одинаковые для всех союзных республик.

Если посмотреть причины невыполнения, то оказывается:

Причины невыполнения	1 полуг. 1931 г.	2 полуг. 1931 г.
За отсутствием работ .	34	
По инвалидности и болезни .	761	877— 0,9%
Не явилось на учет и розыск .	7281	877— 0,9%
Арестовано	471	387 — 0,4%
Вызываются на работы	18563	14956—16,3%
Приводы .	4760	9200—10,0%
По другим причинам . .	12757	8714— 9,5%
Итого .	44627—42,7%	34094—37,1%

Эти причины не могут стать препятствием на пути подлинной реализации приговора и адмпостановления к исправтрудработам. Приведенные данные позволяют судить о причинах невыполнения исправтрудработ и найти эти причины в „увлечении" судов, т. е. в частом механическом вынесении приговоров к исправтрудработам. Если бы суды не увлекались исправтрудработами и не штамповали бы этой мерой репрессии всех тех, кого нельзя осудить к лишению свободы на срок до одного года, тогда было бы и меньше нереализованных приговоров.

Инвалидность [1], болезнь, неявка и т. д. дают 37,1% нереализованных приговоров во втором полугодии 1931 г. и это благо-

[1] Так в 1932 г. на Нижн. Волге был осужден к исправтрудработам человек без рук и без ног (по материалам ГУПТУ).

даря тому, что суды в своей практике неправильно применяют исправтрудработы. Нельзя исправтрудработы выносить тому, у кого нет рук или ног, больным туберкулезом и др. видами болезней и старикам. Так, например, по данным РСФСР видно, что 9,1% приговоров к исправтрудработам не приводятся в исполнение исключительно из-за болезни, инвалидности, которыми страдают лица, приговоренные судом к исправтрудработам. Почти такой же проц. нереализованных приговоров из-за инвалидности, старости и болезни осужденных мы находим и в других союзных республиках (в УССР — 9,8%, в Армянской ССР — 8,0%). Нельзя выносить приговора к исправтрудработам тем, кто не имеет постоянного местожительства, но зато имеет несколько судимостей. Последняя категория и создает наибольший процент неисполняющих судебный приговор.

Имеющиеся по союзным и автономным республикам данные за 1931 г. достаточно иллюстрируют это положение.

Процент нереализованных приговоров из-за нерозыска лиц, в виду отсутствия у них определенного местожительства:

Союзные республики	%%
РСФСР .	17,5
УССР .	14,0
БССР	от 15 до 40
Азербайджанская ССР .	10,0
Армянская ССР .	10,0
Грузинская ССР .	10,0

Для более наглядной иллюстрации этого положения можно взять несколько районов Уральской области за первую половину 1931 г.

Состояло в розыске на 1/VII-1931 г.

Наименование БИТР	Всего состояло на 1/VII - г.	Из них в розыске	
		Абсолютно	%%
Уральское .	561	326	58,1
Пермское	8.332	2108	25,2
Чусовское	731	351	47,1
Н. Туринское . .	261	57	21,3
Соликамское .	435	156	35,9
Челябинское .	1750	493	28,0
Свердловское . .	5555	1179	8,6

Как видно, в среднем 25% дел значились в „розыске". Интересно проследить, кто попадает в „розыск" и за какие преступления осуждены разыскиваемые.

Для этого можно привести данные четырех районов того же Урала, составленные из категории дел „в розыске".

На 1/VII-1931 г. значилось в розыске:

Наименование бюро	Общее число в розыске	Из них по ст. ст. УК		
		162	74	др.
Свердловское-городское .	479	194	71	214
Челябинское .	260	115	83	45
Шадринское .	130	49	20	61

В основном в розыске находятся осужденные по ст. ст. 162 и 74 УК. Первыми идут рецидивисты, воры (большой процент), а за ними хулиганы, имеющие несколько судимостей, (в меньшем проценте, но достаточно солидном) и незначительная часть разыскивается осужденных по другим статьям УК.

Чем об'яснить такой процент в розыске по этим двум ст. ст. УК? Правильно ли решают суды вопрос о применении репресии по этим двум статьям, или может недостаточно активно и хорошо исполняются приговоры бюро исправтрудработ?

Причины этого явления нужно искать как в работе суда, так и в недостаточно активной работе по линии исправтрудработ органов милиции и уголовного розыска и, наконец, в слабой еще и мало организованной работе самих органов исправтрудработ. Вот почему т. Апетер в своих тезисах на V совещании работников советской юстиции говорил, что „ответственность за недостаточно высокий процент реализации приговоров к исправтрудработам в равной мере ложится на все органы НКЮ. Суды все еще продолжают приговаривать к этой мере лиц, в отношении которых заранее очевидно, что приговоры к ним не являются реальными, т. е. по отношению к деклассированным элементам, беспризорным лицам, не имеющим определенного места жительства, сезонникам, инвалидам, старикам и т. п. Суды же в недостаточной мере удовлетворяют ходатайства отделений исправительно-трудовых работ о замене этой меры другими мерами в отношении злостно уклоняющихся от ее исполнения"[1].

Как в РСФСР, так и в других союзных республиках, НКЮ был издан целый ряд циркуляров, категорически воспрещающих применение судами исправтрудработ к лицам, не имеющим определенного местожительства, а также к больным, инвалидам, старикам и т. д. (См., напр., по РСФСР постановление пленума Верхсуда от 31/III-31 г., циркуляр Верхсуда от 1/X-32 г. и др.). Однако суды продолжают еще до сего времени эту недопустимую практику назначения исправтрудработ этой категории лиц. Нужно

[1] „Советская юстиция" № 18, стр. 26, 1931 г.

раз и навсегда нашим судом отказаться от применения исправтрудработ к таким лицам, ибо фактически последние не подвергаются этой мере репрессии. И не даром, например, среди профессиональных преступников установился твердый взгляд на приговор к исправтрудработам, как на приговор оправдательный. Выходя из здания суда после приговора, такой профессионал и не подумает о том, чтобы когда нибудь явиться в бюро для отбывания назначенных ему исправтрудработ. Следует указать также и на другой дефект в работе наших судов по линии применения исправтрудработ. Дефект этот заключается в том, что суды часто не отсылают регулярно приговоры к исправтрудработам в бюро, а, накопляя их у себя, сразу пересылают в бюро по несколько десятков приговоров. Так, напр., в РСФСР, в Уральской области в мае 1931 г. нарсуд сдал Шадринскому бюро сразу 60 дел. Или народный суд в г. Челябинске заслал в БИТР (бюро исправтрудработ) 35 приговоров сразу, хотя сам помещается недалеко от БИТР.

Такая бесплановая со стороны судов загрузка приговорами БИТР приводит к тому, что отбывание исправтрудработ затягивается на большие сроки, а это дает возможность осужденному уклоняться от их отбытия.

Суды сплошь и рядом вынесеные ими приговоры к исправтрудработам держат у себя очень продолжительное время, не посылая их в БИТР. Вот несколько примеров. Дело № 48 Березниковского БИТР, Уральской области, Балашева И. Ф., осужденного по ст. 146, ч. 1. УК на три месяца ИТР 31/X 29 г. Приговор этот направлен был судом в БИТР лишь 12/II-31 г., т. е спустя один год и три месяца. Или по делу № 93 — Бабанов осужден по 74 ст. УК на 2 месяца ИТР 30/X-29. В БИТР же этот приговор поступил из нарсуда 17/VI-31 г., — т. е. через 1 год и 8 месяцев.

Вынесенный приговор залеживается в дебрях судебной канцелярии, а осужденный, получивший исправительные трудовые работы и невыполнивший их, становится хорошим пропагандистом среди того населения, где он набедокурил, в деле дискредитации этой меры уголовной репрессии, а следовательно, и советского суда, который ее вынес.

Прокуратура уделяет этой части работы также очень мало внимания, что ослабляет реальность этой меры уголовной репрессии. Другой причиной далеко неполной реализации приговоров к исправтрудработам является, как мы говорили, не совсем удовлетворительная работа милиции и уголовного розыска по линии помощи в деле реализации исправтрудработ. На эти органы возлагается обязанность способствовать бюро (отделениям) выполнению приговоров к исправтрудработам. Оказание этой помощи возможно путем, во-первых, привода лиц, нежелающих добровольно являться в бюро для отбывания исправтрудработ, и во-вторых, главным образом, путем розыска лиц, скрывающихся от

бюро с целью избавиться от отбывания исправтрудработ. Во всех союзных республиках органы милиции и уголовного розыска далеко еще неудовлетворительно выполняют возложенные на них эти обязанности, а в некоторых случаях и вовсе уклоняются от выполнения их. В виде иллюстрации приведем ряд примеров из практики отдельных союзных республик.

В начале 1932 г. УИТУ УССР специально затребовало сведения от всех бюро о степени оказания помощи в деле приводов и розыска лиц, осужденных к исправтрудработам, со стороны милиции. По полученным сведениям выявилась довольно неблагополучная картина. Органы милиции, загруженные своей оперативной работой, действительно не уделяли и теперь не уделяют внимания работе бюро, и в управлениях городских и районных отделений милиции скопилось колоссальнейшее количество требований бюро о приводах, которые находились в милиции без всякого движения. Так же дело обстояло и с розыском. Органы розыска ограничивались формальной регистрацией разыскиваемых лиц, но каких-либо конкретных шагов к розыску не принимали. Совершенно очевидно, что бюро исправтрудработ, и особенно районные, состоящие сплошь и рядом из одного, двух человек, не были в состоянии без помощи милиции и уголовного розыска добиться привлечения к работе всего количества лиц, осужденных к исправтрудработам.

В РСФСР часто наблюдаются случаи уклонения от отбывания исправтрудработ таких лиц, которые должны отбывать работы вне района своего местожительства. Эти лица, будучи посланными на эти исправтрудработы, сплошь и рядом скрываются. А органы розыска, регистрируя розыск таких лиц, не удосуживаются даже снестись с административными органами, находятся ли на постоянном местожительстве такие лица, не проживает ли скрывшийся у себя дома, как это часто бывает. Иногда розыск действительно производится, но с очень большим опозданием.

Вот несколько примеров.

Осужденный Х. в (Уральской области) был приговорен к исправтрудработам на 7 месяцев. Вызывался в бюро 28/XI-30 г., но не явился, бюро сейчас-же сообщает о розыске Х. Уголовный розыск начинает принимать меры к розыску Х. лишь в марте 31 года, т. е. по истечении полугода. Не лучше обстоит дело с розыском и в других республиках. Так, в Азербайджанской ССР органы милиции ограничиваются лишь вызовом представителей домоуправления, где должен проживать осужденный к исправтрудработам с целью вияснения, проживает ли разыскиваемое лицо или нет. Получив отрицательный ответ, отделение милиции, не проверяя полученных сведений через адресный стол и другими способами, возвращает дело в бюро с указанием о „нерозыске“ данного лица.

Фактическое отсутствие розыска уклоняющихся от исправтрудработ способствует лишь увеличению числа скрывающихся осужденных к исправтрудработам; создается, таким образом, впечатление безнаказанности такого уклонения от исполнения судебного приговора, что способствует еще большему уклонению от работ не только явно деклассированных элементов, но и элементов классово-враждебных.

Классово-враждебные элементы начинают использовывать эту слабую работу милиции и уголовного розыска. Так, в УССР из числа уклонившихся от отбывания исправтрудработ за 1931 г. значительный процент приходится на кулаков и др. нетрудовые элементы.

Наряду с последними замечаются иногда и уклонения от отбывания исправтрудработ сезонных рабочих (в УССР, напр., по Донбассу, в РСФСР по Уралу и по Бобриковскому строительству и пр.).

Нужно сделать решительный перелом в работе милиции и уголовного розыска по линии производства действительного розыска уклоняющихся от исправтрудработ, чтобы покончить с этими ненормальными явлениями, подрывающими реализацию приговоров к исправтрудработам. Вместе с тем, прокуратура, также мало уделяющая внимания этому вопросу, должна как можно скорее установить надлежащий контроль за работой органов милиции и уголовного розыска в деле реализации приговоров к исправтрудработам.

Хотя за последнее время и замечается некоторый сдвиг в этом отношении, что уже повысило процент розыскиваемых лиц, но это далеко недостаточно для полного обеспечения реальности приговора к исправтрудработам.

Однако, в уклонении от отбывания исправтрудработ значительного количества осужденных повинны не только органы милиции и уголовного розыска. Здесь в известной части вина и самих бюро исправтрудработ. Последние сами мало уделяют внимания борьбе с уклонениями от исправтрудработы. Возьмем хотя бы учет лиц, отбывающих исправтрудработы. Ведь до сего времени этот учет поставлен почти во всех союзных республиках далеко неудовлетворительно. А это лишь помогает нежелающим отбывать исправтрудработы уклоняться от работ. Или, например, вопрос о наложенни дисциплинарных взысканий на уклоняющихся от отбывания работ.

Бюро и отделения, если и налагают такие взыскания, то очень часто настолько незначительные, что они проходят совершенно незаметно для осужденных. Характерна в этом отношении практика БССР, где отделениям исправтрудработ в отношении уклоняющихся предоставляется право замены исправтрудработ лишением свободы, но из расчета за 3 месяца исправтрудработ 1 месяц лишения свободы. Если же принять во внимание и возможность зачета рабочих дней для таких лиц в колонии, то

практически получается сокращение срока куда больше, чем в 3 раза. Многие из уклоняющихся от исправтрудработ охотно поэтому идут на такую замену. В этом отношении нужно признать более правильной практику РСФСР, где согласно постановления президиума Верховного суда от 3/V 32 г., в отношении злостно уклоняющихся от исполнения исправтрудработ, бюро (по исчерпании всех мер административного воздействия) могут направлять таких лиц в порядке ст. 461 УПК в исправительно трудовые колонии, но на тот же срок, к которому приговорен осужденный к исправтрудработам.

Следует отметить еще одну причину уклонения от отбывания исправтрудработ, исходящую также исключительно от самих бюро (отделений) исправтрудработ. Иногда бюро (отделения) не создают достаточно нормальных бытовых условий для отбывающих исправтрудработы при бюро. Это относится к организации тех исправтрудработ, которые отбываются вне постоянного жительства осужденных. Так, например, несвоевременное представление жилого помещения, или предоставление малооборудованного помещения, недостаточно хорошо организованное питание, отсутствие культурно-бытового обслуживания и т. п. способствуют уклонению от отбывания исправтрудработ путем самовольного ухода. Наконец, слабо еще везде развернута политико-воспитательная работа среди осужденных к исправтрудработам. Постановкой этой работы на надлежащую высоту также, конечно, можно было бы добиться резкого снижения количества уклонения от исправтрудработ (уже с места работы). Таковы причины уклонения от отбывания исправтрудработ осужденных к ним лиц.

Суды в борьбе с краткосрочными лишениями свободы часто забывают о других мерах репрессии в отношении трудящихся и останавливаются только на исправтрудработах. Не напрасно Верхсуд РСФСР в своем постановлении от 3/V 1932 г. отметил что „суды продолжают практику замены краткосрочного лишения свободы почти исключительно исправительно-трудовыми работами без лишения свободы, игнорируя другие виды уголовной репрессии: штраф, общественное порицание, выговоры и т. д. Больше того, практика показывает, что суды часто проявляют формальный, механический подход к применению исправительно-трудовых работ, не учитывая, что эта мера уголовной репрессии является как с моральной стороны, так и с материальной весьма серьезной мерой репрессии в отношении трудящегося“ [1].

Эта практика судов вызвала серьезное предостережение со стороны таких авторитетных органов как ЦКК-РКИ. Для того, чтобы уменьшить вычет „штрафа в рассрочку“ ЦКК-РКИ предлагает процент удержания с лиц, осужденных к исправтрудработам по месту службы ограничить 25% зарплаты.

[1] Сов. юстиция № 16, 1932 г., стр. 34.

Суды должны ослабить применение исправтрудработ без лишения свободы „вообще“, необходимо индивидуализировать их, и особенно приговариваемых по месту службы. Здесь работы должны применяться и в случаях совершения серьезных нарушений общественной и служебной дисциплины, когда применение других мер воспитательного характера и общественного воздействия (штраф, общественное порицание, выговор и т. д.) признаются недостаточными.

Особенные трудности вызывает на практике реализация приговора с исправтрудработами в сельских хозяйствах и особенно в колхозах.

Исполнение приговора в этих условиях падает главным образом на сельсоветы. От них зависит быстрая и правильная реализация приговора с исправтрудработами. К сожалению, не везде сельсоветы исполняют это обязательство, а кое-где наоборот способствуют уклонению осужденных к исправтрудработам от их исполнения. Это выливается в виде прямого отказа содействовать БИТР или путем выдачи разного рода ложных справок о том, что таким то осужденным ИТР работы исполнены. В качестве иллюстрации можно привести Ежелоповский сельсовет, Уральской области, который выдал осужденному Х справку о том, что Х отработал при сельсовете 2 месяца исправтрудработ. С этой справкой Х и явился в БИТР для зачета срока. Но при проверке дела оказалось, что суд приговорил Х всего на 2 недели с вычетом 50% из зарплаты, когда же БИТР обратилось с требованием внести 50% в его кассу, то сельсовет вносить эту сумму отказался и раз'яснил, что он совсем не отбывал исправтрудработы. Иногда, наоборот, искажения реализации приговора с исправтрудработами в сельских местностях идут по другой линии. Сами БИТР часто на сезонные сельско-хозяйственные работы отправляют присужденных к кратким срокам (до 3-х месяцев) исправтрудработ, отрывая их таким образом от хозяйств и направляя их в отдаленные места на массовые работы, что вредно отзывается на сельско-хозяйственных работах данного колхоза или единоличного хозяйства.

В этих случаях нарушается то правило, установленное законом, что лица, занимающиеся сельским хозяйством, осужденные к исправтрудработам, могут получить отпуск на время сезонных сельско-хозяйственных работ (посев, уборка урожая и т. п.).

Это же правило нарушается не только местными районными бюро исправительно-трудовых работ, но и краевыми и областными управлениями. Для примера можно взять ту же Уральскую область, где летом в 1931 г. около 30% из всех присужденных к исправтрудтработам оказалось со сроками до 3-месяцев из сельских местностей, единоличных и коллективных хозяйств, которые были оторваны от своих хозяйств в самую страдную пору работы и отправлены на другую работу.

Эффективность действия всякой уголовной репрессии зави-

сит в значительной степени от срока приведения приговора в исполнение. Сказанное безусловно относится к такой мере принудительного воспитания к дисциплине, каковой являются исправтрудработы. А если с этой точки зрения подвергнуть анализу существующую у нас практику реализации приговоров к исправтрудработам, то придется отметить ряд еще неизжитых и по сие время недостатков.

Через какой срок начато было исполнение приговора с момента получения его в бюро	%
Через две недели .	43,9
От 2 недель до 1 месяца	28,8
От 1 месяца до 2 месяцев	15,5
Свыше 2 месяцев .	11,8
Всего	100,0

Если взять данные за 1932 г. по РСФСР, то картина нисколько не лучше: так, было приступлено к исполнению приговоров с исправтрудработами: через один месяц — 55%, до 2-х — 20% от 2-3-х — 18% и после 3-х месяцев — 7%.

Произведенное обследование 1000 дел по выборочному методу показало, что поступили в срок от 3 до 6 мес. 105 дел, а от 6 м. до 1 года 45 дел.

Приведенная таблица данных по РСФСР с достаточной очевидностью показывает, что дело со сроками приведения пригогора в исполнение в нашей практике обстоит еще не всегда благополучно. Конечно, хорошо, что хотя и не сразу, но все же эти приговоры исполняются, ибо выше мы видели, какой значительный процент вовсе не приводится в исполнение. Однако имеет очень большое значение и вопрос, как скоро после вынесения приговора к исправтрудработам эти последние начинают использовываться. Нельзя, например, признать нормальным положение (см. таблицу), при котором почти 30% приговоров начинают приводиться в исполнение лишь спустя 1-2 месяца, а то и больше. Такое затягивание исполнения приговора лишает его в большей степени общественно-воспитательного значения. Кроме того, такого рода затяжки являются одной из причин уклонений от отбывания исправтрудработ лиц, осужденных к этому виду уголовной репрессии. Не получая направления на работы сплошь и рядом больше двух месяцев, такие лица начинают постепенно уходить из поля зрения бюро (отделений) исправтрудработ, считая, что в их отбывании исправтрудработ, повидимому, мало заинтересованы органы исправтрудработ. С другой стороны, на более дисциплинированных лиц, терпеливо ожидающих назначения их на работы, это затягивание действует морально-угнетающе, так как над ними в продолжение этого срока ожидания висит „дамоклов меч“ в виде неотбытых исправтрудработ.

Конечно, иногда возникают об'ективные трудности, которые встречаются при использовании осужденных на работах, например, в связи с учетом прежней специальности, квалификации, или за отсутствием в данное время в каком-либо районе точек применения рабочей силы осужденных. Эти трудности могли бы задержать посылку осужденных на работы на несколько дней, неделю, наконец, две недели. Но такое положение, при котором эта отсрочка продолжается около 2 х месяцев, а иногда и больше, совершенно непонятна и нетерпима. Да, сейчас, при отсутствии безработицы, не может быть такого положения чтобы отсутствовали возможности применения их труда. При том огромном спросе на рабочую силу в настоящее время в СССР трудно себе представить, чтобы в течение двух недель, месяца нельзя было использовать того или иного осужденного на какой-либо работе. Это может лишь свидетельствовать о наличии плохих темпов в работе бюро, о волоките, наконец, вообще о слабой их работе.

Несмотря на все указанные выше недостатки, исправтрудработы без лишения свободы развиваются и будут крепнуть в системе советской уголовной репрессии и исправительно-трудовой политики. Реорганизация их, осуществляемая со времени майского закона 1928 г. имеет под собой прочную экономическую базу в виде окончательной ликвидации безработицы в СССР. Это обстоятельство открывает перед институтом исправтрудработ без лишения свободы широкие перспективы.

„Действительно, посмотрим, что означает факт ликвидации безработицы в СССР и нынешний размах социалистического строительства для развертывания трудового воспитания осужденных. Несколько лет тому назад труд осужденных в допрах и исправдомах не всегда можно было использовать, потому что не было еще такого размаха социалистической стройки и даже на воле были десятки тысяч рабочих, не находивших полезного приложения своему труду, то сейчас и это затруднение отпало. Труд осужденных, находящихся в разных исправительно-трудовых колониях, с самого начала может быть включен в общую массу общественно-полезного труда, поскольку он оказывает непосредственную помощь социалистическому строительству“ [1]. Эти условия, указанные тов. Постышевым, дают широкую возможность хозяйственно целесообразно использовать и организовать осужденных к исправтрудработам, отделениями исправтрудработ, которые являются организаторами исполнения приговора и адмпостановления — на основе хозрасчета, хозяйственной самодеятельности постепенно укрепляют этот институт, а в этом как раз и залог окончательного укрепления этого вида уголовной репрессии в советской уголовной политике.

---

[1] Постышев „Основные задачи сов. юст.“ стр. 27, 1932 г.

Глава III

Виды исправтрудработ, организация, оплата труда и политико-массовая работа среди осужденных к исправтрудработам

1. Виды исправтрудработ без лишения свободы

Исправтрудработы находят свое выражение в двух формах: 1) исправтрудработы, отбываемые по месту службы, и 2) исправтрудработы, отбываемые при отделениях исправтрудработ.

Первый советский УК 1922 г. уже содержал указание на две группы исправтрудработ, т. е. на работы квалифицированного труда и на работы физического труда. „Основные начала уголовного законодательства Союза ССР“ и УК 1926 г. РСФСР такого указания не содержат. ИТК РСФСР 1924 г. также не предусматривает видов исправтрудработ, ограничившись общим указанием в ст. 27, что „подлежащие отбыванию принудительных работ без содержания под стражей направляются по усмотрению бюро или отделения на работы в предприятия управления местами заключения и его органов“, и только закон от 21 мая 1928 г. распределяет обе формы исправтрудработы на три категории: 1) исправтрудработы, назначенные сроком не свыше 6 месяцев, исполняемые по месту жительства лица, отбывающего их; 2) исправтрудработы свыше 6 месяцев, которые выполняются как по месту жительства, так и вне места жительства, в предприятиях, организуемых на хозрасчете отделениями исправтрудработ, и наконец, 3) исправтрудработы для осужденных, которые работают по найму, выполняются по месту службы или работы.

Деление на два основных вида исправтрудработ — по месту службы и организуемые отделениями исправтрудработ — существует по всем союзным республикам.

В чем разница этих видов исправтрудработ?

Исправительные трудовые работы, отбываемые по месту службы, расчитаны на лиц, работающих по найму в государственных учреждениях и предприятиях, т. е. на рабочих и служащих. Исправительно трудовые работы, отбываемые при бюро (отделениях) исправтрудработ, предназначаются для лиц, не работающих в предприятиях и учреждениях. Сюда входят две различные категории: во-первых — трудящиеся: бедняки, середняки, колхозники и др., и во-вторых—лица, принадлежащие к классово-чуждым элементам: кулаки, нетрудовые элементы города и др.

Установление места отбывания исправтрудработ принадлежит исключительно суду, выносящему приговор или административному органу, выносящему соответствующее постановление. Последнее об'ясняется тем, что в отдельных случаях возможно и целесообразно отбывание исправтрудработ лицом, работавшим по найму, не по месту своей прежней службы, а по указанию бюро (отделения) исправтрудработ, например, при совершении должностных преступлений и др.

Говоря о двух различных формах исправительно-трудовых работ, необходимо остановиться на существенной разнице между ними.

Специфическим для исправительно-трудовых работ по месту службы является то обстоятельство, что отбывание их не связано для осужденных с оставлением той работы, которой они были заняты раньше. И после приговора такие осужденные продолжают свою работу в том же предприятии или в учреждении, в котором они работали и до суда. Они, таким образом, не отрываются от своего предприятия или производства, более того, осужденный ограничивается в праве перемены места службы. Не менее важным моментом здесь является и то, что осужденные к исправтрудработам отбывают их в том же коллективе, в среде тех же рабочих и служащих, с которыми они работали и до суда.

Другое дело при отбывании исправтрудработ при бюро (отделениях) исправтрудработ и по указанию последнего. Здесь, как правило, осужденные к исправтрудработам снимаются с той работы, которой они были заняты до суда и посылаются по усмотрению бюро(отделения) на работы, специально организуемые бюро для таких лиц. Бедняки, середняки перестают работать в своем хозяйстве, колхозники — в своем колхозе, а работают или в особых предприятих при бюро, или в государственно-хозяйственных предприятих по договорам последних с бюро или же при исправительно-трудовых колониях.

Самый процесс отбывания исправительно-трудовых работ здесь, в отличие от исправтрудработ по месту службы, протекает вне того коллектива, в котором до суда работал осужденный.

Еще один момент, отличающий исправтрудработы по месту службы от исправтрудработ при бюро, заключается в том, что при отбывании первых осужденный, как правило, не отрывается от своего местожительства и от своей семьи, поскольку он продолжает работать на старом своем месте. При отбывании же исправтрудработ при бюро (отделении) осужденные могут в отдельных случаях (при сроке свыше 3-6 месяцев) быть посланы на работы, находящиеся вне их постоянного местожительства и тем самым быть принужденными жить отдельно.

При исправительно-трудовых работах по месту службы основным моментом воздействия на осужденных является обще

ственно-политическое воздействие морального характера. Здесь осужденные отбывают исправтрудработы по месту своей старой работы среди членов своего же коллектива, и находятся под наблюдением последнего. Такое же отбывание исправтрудработ на глазах членов всего коллектива одновременно морально воспитующе, предупреждающим образом действует и на самого осужденного и на других членов коллектива.

При отбывании же исправтрудработ при бюро (отделениях) и по указаниям последних этот момент уже не занимает столь значительного места, поскольку осужденные отбывают работы вне того коллектива, в котором они находились до суда, а в новом коллективе, состоящем из таких же, как и они, осужденных к исправтрудработам.

Принудительное воспитание к дисциплине здесь достигается путем исправительно-трудового воздействия на осужденных через включение их в работу организованного коллектива, приобщение их к новым формам социалистического труда (соцсоревнование и ударничество), проведение среди них политико-воспитательной работы и т. п. Эти методы принудительного воспитания к дисциплине осужденных к исправтрудработам, при бюро (отделениях), можно сказать, приближаются по своему характеру к методам, практикующимся в исправительно-трудовых колониях в отношении лишенных свободы. Вот почему нецелесообразно использование труда лиц, осужденных к исправтрудработам в одиночном порядке или незначительными партиями.

У нас нет статистических данных по всему Союзу и отдельным республикам, характеризующих соотношение исправтрудработ по месту службы и организуемые отделения исправтрудработ. Но по приблизительным данным РСФСР за 1932 г. можно сказать, что исправтрудработа по месту службы, исчисляется в 30-45%, а остальная часть падает на работы, организуемые отделениями исправтрудтработ.

2. Организация труда осужденных к исправтрудработам

Для осужденных к исправтрудработам по месту службы никакой специальной организации труда не проводится. Совершенно иначе обстоит дело в организации труда при исправтрудработах, которые организует отделение ИТР. Выше уже отмечалось, что отличительным признаком отбывания исправительно-трудовых работ при бюро (отделениях) является выполнение работ осужденными по указанию органов исправительно-трудовых работ. Короче говоря, и место, и характер работы таких лиц всецело устанавливается тем бюро (отделением), на учете которых состоят осужденные к этой мере уголовной репрессии.

Практика использования труда лиц, отбывающих исправительно-трудовые работы при бюро, в отдельных союзных республиках достаточно разнообразна.

В РСФСР отделения исправтрудработ используют труд этих лиц прежде всего на своих предприятиях и мастерских, организуемых бюро специально для этой цели. Однако, наибольшее количество лиц, осужденных к исправтрудработам, используется здесь на работах в хозорганах и в учреждениях, с которыми бюро заключает соответствующие договоры (по доставке определенного количества рабочей силы, оплате труда осужденных и т. п.). На этих же условиях используется труд отбывающих исправтрудработы в совхозах и колхозах. Немалое количество осужденных посылается бюро для отбывания работ также и в близко расположенные исправительно-трудовые колонии. И наконец, труд осужденных используется на работах при сельсоветах, главным образом, коммунального характера (ремонт мостов, дорог, гатей, больниц, школ, изб-читален и др. работы по благоустройству). В последние годы в РСФСР приобретает все большее значение и еще одна форма использования труда лиц, осужденных к исправтрудработам, — это использование труда в массовых исправительно-трудовых колониях без лишения свободы включающее иногда по 1000—2000 человек (напр., Курганская ИТКолония на Урале — 1500 человек и др.), которые выполняют здесь, главным образом, сезонные трудоемкие работы. В УССР в больших размерах организовали такого рода ИТКолонии из осужденных к исправтрудработам. Так, эти колонии большую роботу ведут на Днепрострое, в Криворожье на Харьковском тракторном заводе и в др. местах.

В процентном отношении распределение всех лиц, отбывающих исправтрудработы в РСФСР, в 1-м полугодии 1931 г. выразилось в следующем: 26% отбывали работы в собственных предприятиях бюро, 39,0% — отбывали в хозпредприятиях, совхозах, колхозах и при сельсоветах.

В УССР практика использования труда лиц, отбывающих исправтрудработы, несколько иная, чем в РСФСР. Прежде всего здесь, в настоящее время, бюро не имеет вовсе собственных предприятий, на которых отбывают работы осужденные. До 1931 г. бюро и здесь имело свои собственные предприятия, однако эти предприятия, будучи в большинстве своем по размерам незначительны, и в силу этого совершенно нерентабельны, были упразднены. Основные причины ликвидации этих предприятий заключались в том, что на последних в виду их маломощности (требовалось очень незначительное количество рабочей силы) невозможно было организовать образцово поставленные массовые работы. После ликвидации собственных предприятий бюро весь контингент осужденных к исправтрудработам был передан на крупные предприятия промышленности, в крупные совхозы и колхозы. Поэтому в настоящее время основная масса лиц, осужденных к исправтрудработам в УССР, отбывают их на предприятиях промышленности и в сельском хозяйстве.

Кроме того исправительно-трудовые работы здесь отбываются еще и при специальных колониях УИТУ, при которых созданы специальные поселки (лагери) для лиц, осужденных к исправтрудработам. Конечно, условия проживания этих лиц в данных лагерях ничего общего не имеет с условиями, в которых находятся лишенные свободы в этих строительных колониях.

Осужденные к исправительно-трудовым работам здесь не подвергаются тому режиму, который установлен для лишенных свободы. В частности, после отработки положенного времени (7 или 8 часов) лица, отбывающие исправтрудработы, могут располагать остающимся временем исключительно по своему усмотрению. И, конечно, они не связаны с каким-либо ограничениями в свободе.

Все это следует сказать и про отбывание исправтрудработ при колониях во всех других союзных республиках.

Однако, иногда на практике встречаются и перегибы в этой области. Так например, в Уральской области администрацией колонии были установлены правила, по которым лицам, отбывающим исправтрудработы, совершенно запрещалось отлучаться с территории как во время работы, так и в свободное от работы время. Исправработник должен был всегда просить специальное разрешение — пропуск или увольнительную записку, — если ему нужно было отлучиться домой или еще куда-либо. Кроме того надзором колонии ежедневно в 6-7 часов утра производилась проверка итработников. В этой же области бывали и такие случаи, когда итработника попросту превращали в лишенного свободы. Так например, колхозник Ч., осужденный по ст. 11 УК к 6 месяцам работы, был направлен на лесопильный завод в город Соликамск, — на этом заводе работали лишенные свободы. И вот пришедший отбывать исправтрудработы Ч. берется под стражу и отбывает свой приговор как лишенный свободы.

В УССР так же, как и в РСФСР, труд лиц, приговоренных к исправтрудработам, используется и сельсоветами, при чем, главным образом, на работах по благоустройству разных учреждений села (например, дома крестьянина, сельсовета, яслей, больниц и т. п.).

В БССР так же, как и в УССР, бюро исправтрудработ своих предприятий для лиц, осужденных к исправтрудработам, не имеет. Здесь также почти не практикуется использование труда лиц, осужденных к исправтрудработам, на работах в исправительно-трудовых колониях. Почти 90% всех лиц, отбывающих исправтрудработы, здесь используется на работах в хозорганах по договорам с последними. При сельсоветах разрешается использовать труд лишь тех лиц, которые приговорены к исправтрудработам на срок меньше 14 суток.

Почти такую же практику использования труда лиц, осужденных к исправтрудработам, мы имеем в Грузинской ССР. В Армян-

ской ССР наоборот, основная масса отбывающих исправтрудработы отбывают таковые в собственных организованных бюро предприятиях и меньшая—при исправительно-трудовых колониях. Наконец, в Азербайджанской ССР допускается использование труда лиц, отбывающих исправтрудработы, и в собственных предприятих бюро и исправительно-трудовых колониях.

Вопрос о тех местах, точках работы, куда направляются бюро (отделениями) осужденные к исправтрудработам, имеет весьма большое значение. Прежде всего от этих точек работы зависит возможность направления осужденных на работы компактными, большими партиями или же разрозненными группами, незначительными (в несколько человек) или даже одиночками.

Как правило, при использовании труда осужденных в хозорганах, в собственных предприятиях бюро или в исправительно-трудовых колониях, в последние осужденные могут направляться большими партиями. Наоборот, практика использования труда лиц, и особенно с краткими сроками, при сельсоветах показывает, что здесь осужденные посылаются на работы одиночками или очень небольшими группами в несколько человек.

С точки зрения исправительно-трудового воздействия на осужденных к исправтрудработам, все преимущества имеет посылка осужденных на работы крупными партиями. В этом последнем случае предоставляются широкие возможности и в смысле проведения политико-воспитательной работы и в отношении внедрения среди осужденных соцсоревнования, ударничества и других форм социалистического труда. Все это трудно, а иногда и совершенно невозможно наладить среди осужденных, отбывающих исправтрудработы в одиночном порядке.

Не менее важным моментом при отбывании исправтрудработ является включение осужденных в работу в хорошо организованном коллективе (на крупном предприятии, фабрике и т. п.), поставление осужденных в условия хорошо налаженного производственного режима. Последнее является лучшим залогом исправительно-трудового воздействия на осужденных к исправтрудработам. А такие условия возможны только при отбывании работ осужденными или в крупных государственных предприятиях или же в хорошо поставленной исправительно-трудовой колонии. Вот почему следует считать существующую в большинстве союзных республик практику использования труда осужденных к исправтрудработам в хозпредприятиях и по договорам с последними — вполне целесообразной.

При посылке же на те или иные точки работ осужденных к исправтрудработам бюро (отделения) во всех почти союзных республиках связаны территориальным принципом, зависящим от срока исправтрудработ, назначенного тому или иному осужденному. Так, в РСФСР согласно ст. 29 ИТК лица, приговоренные на срок не свыше 6-ти месяцев, должны использовываться

на работах в пределах района своего местожительства и не далее 10-ти километров от постоянного местожительства. Лишь примечание 3-е в этой статье дает право в исключительных случаях использовывать труд таких лиц и далее 10-ти километров.

В УССР, а также и в Армянской ССР, вне пределов своего местожительства могут быть посылаемы на работы лишь лица, приговоренные к исправтрудработам на срок свыше 3-х мес. В БССР территориальные ограничения существуют для лиц, осужденных на срок до 14-ти суток. Такие лица могут быть использованы на работах лишь не далее 10-ти километров от своего местожительства. Все остальные лица могут быть посылаемы на работы и далее 10-ти километров. Наконец, в Азербайджанской ССР территориальных ограничений и вовсе не существует. Наоборот, в Грузинской ССР все без исключения лица независимо от срока могут быть использованы на работах лишь в районе своего местожительства и не далее, во всяком случае, 10-ти километров от него.

Законодательство тех союзных республик, в которых существуют территориальные ограничения, при введении таковых исходили, как правило, из соображений нецелесообразности направления на работы в отдаленные районы лиц, приговоренных к незначительным срокам исправтрудработ (затраты на перевозку таких лиц, время перевозки и т. п.). Однако, практика показывает, что при такого рода ограничениях, как например, в РСФСР и других союзных республиках, иногда бывает весьма трудно рационально, а главное — с пользой для самого осужденного использовать его труд. Такие ограничения сильно связывают бюро (отделения) исправтрудработ. Очень часто бывает целесообразно направить лиц со сроками, например, в 2 и 3 месяца для отбывания исправтрудработ в какое либо крупное хозпредприятие или в исправительно-трудовую колонию, где эти лица могут быть включены в хорошо организованный труд и обслуживаться политиковоспитательной работой, а бюро не может этого делать в виду нахождения этих пунктов работы за пределами дозволенной территории и потому принуждены сплошь и рядом использовать труд таких осужденных в кустарном и одиночном порядке, что совершенно нежелательно. Поэтому, если территориальные ограничения и необходимы, то во всяком случае для лиц осужденных на действительно небольшой срок, например, на 1 месяц или, как в БССР, на 14 суток. В отношении же лиц с большими сроками эти территориальные ограничения должны отпасть. С этой точки зрения нам совершенно непонятна практика Грузинской ССР, где все лица, независимо от срока, должны быть посылаемы на работы лишь в пределах своего постоянного местожительства и не далее 10 километров от последнего. Совершенно правильно разрешает вопрос о территориальных ограничениях при посылке на работу ИТК РСФСР 1933 г., где в ст. 15 указывается, что лица со сроком до 1 месяца

могут использоваться на работах лишь по месту жительства. лица со сроком до 3 месяцев — в пределах района, лица со сроком до 6 месяцев — в пределах области, края и, наконец, лица со сроком свыше 6 месяцев — в пределах республики. Но здесь Бюро необходимо при посылке на работы учитывать классовую принадлежность, специальность и квалификацию осужденного и, наконец, его физическую пригодность.

В РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР классово-чуждые элементы, как правило, посылаются на работу неквалифицированного труда, на так называемые массовые работы.

Условия труда для отбывающих исправтрудработы при бюро почти ничем в основном не отличаются от обычных условий, существующих для трудящихся нашей страны. Так, во всех без исключения союзных республиках рабочий день лиц, отбывающих исправительно-трудовые работы при бюро, устанавливается такой же длительности, какая установлена для рабочих и служащих, исполняющих аналогичную работу по трудовому договору, т. е., короче говоря, этот рабочий день не может ни в коем случае превышать 8 часов (ст. 31 ИТК РСФСР, ст. 197 ИТК УССР, ст. 41 Инструкции об исправтрудработах БССР и др.). Изменения в продолжительности рабочего дня допускаются, как и в отношении обычных рабочих, лишь в случаях и пределах, указанных в постановлениях Народного Комиссариата Труда СССР.

Если, таким образом, продолжительность рабочего дня для лиц, отбывающих исправтрудработы, не может быть увеличена, то наоборот, большинство союзных республик предусматривает возможность уменьшения продолжительности этого рабочего времени. Так, в РСФСР, в УССР и в других республиках допускается сокращение рабочего дня на половину, т. е. до 4-х часов в день в случаях особой нуждаемости трудящихся, отбывающих исправтрудработы, или в качестве меры поощрения за особо продуктивную работу. При этом сокращенный рабочий день считается за полный день срока исправтрудработ.

На лиц в возрасте от 16 до 18 лет, а также на лиц, занятых на особо тяжелых работах, распространяется ст. 95 КЗОТ РСФСР о сокращении рабочего времени до 6 часов.

Далее все статьи Кодекса Законов о Труде, предусматривающие охрану женщин-работниц, целиком распространяются и на женщин, отбывающих исправительно-трудовые работы. Таким образом, в отношении последних воспрещается использование в особо тяжелых и вредных для здоровья производствах, а также распространяется право освобождения от работ их в течение 8 недель до и 8 недель после родов и право на перерыв для кормления ребенка.

Всем отбывающим исправтрудработы предоставляется перерыв для принятия пищи и для отдыха, равный по своей продолжительности перерыву, предоставляемому лицам, работающим по трудовым договорам на тех же работах. В частности, всем

отбывающим исправтрудработы должен быть предоставлен еженедельный отдых, продолжительностью при непрерывной производственной неделе не менее 39 часов, при чем число дней еженедельного отдыха должно быть не менее 72 в году.

Осужденные к исправтрудработам по месту службы отбывают их в том же предприятии и в учреждении, где они работали и до суда. При этом условия труда ничем не отличаются от условий труда остальных рабочих и служащих, работающих на этих же предприятих. Так, на исполняющих исправтрудработы по месту службы полностью распространяется Кодекс Законов о Труде, в частности продолжительность рабочего времени не может превышать 8 или 7 часов (смотря по тому, какой из них введен в данном учреждении) в день, исполняющие исправтрудработы подлежат социальному страхованию на общих со всеми застрахованными основаниях, им выдаются пособия по всем видам временной утраты трудоспособности из расчета получаемой ими всей зарплаты и т. д.

Единственно, что с внешней стороны отличает условия труда лиц, отбывающих исправтрудработы, от обычных рабочих и служащих—это во-первых, неполучение полной зарплаты (% % удержаний—из зарплаты, установленный судом) и во-вторых, некоторые ограничения в смысле перехода с одного места работы на другое и в смысле получения очередного отпуска.

3. Оплата труда осужденных к исправтрудработам

В оплате труда осужденных к исправтрудработам существовал, до постановления от 27/II 1932 г. ЦИК'а СССР, разнобой, так как регулирование оплаты труда осужденных к исправтрудработам производилось законодательством союзных республик.

Согласно ст. 33 ИТК РСФСР, процент отчисления из зарплаты устанавливался в 50 и лишь в исключительных случаях суду предоставлялось право этот процент понижать до 25. Определенный судом процент удержания мог быть уменьшен в процессе отбывания работ (в случае, например, изменения материального или семейного положения осужденного) лишь при условии ходатайства об этом наблюдательной комиссии при бюро судом, вынесшим данный приговор. Судебная практика РСФСР в смысле удержания процентов из зарплаты осужденных лиц в силу указанного законодательства была достаточно однообразной. Суды в подавляющем большинстве случаев устанавливали этот процент в 50, при чем индивидуальный подход в данном отношении, нужно прямо сказать, почти отсутствовал. Это явление обратило внимание Верхсуда и 3/V-32 г. президиум Верховного суда РСФСР в своем постановлении отметил механический подход судов к установлению процента удержаний из зарплаты лиц, приговариваемых к исправтрудработам.

Почти одинаковую практику с РСФСР в определении процентов удержания из зарплаты лиц, осужденных к исправтрудработам по месту службы, мы находили в Армянской ССР, где суды также в подавляющем большинстве случаев, приговаривая к исправтрудработам по месту службы, устанавливали удержание в 50%.

Судебная практика Азербайджанской ССР несколько отличалась от РСФСР и Армянской ССР, так как здесь наивысшим удержанием из зарплаты было 40%. Однако, и здесь, как и в РСФСР, суды при определении процента вычета из зарплаты очень редко учитывали материальные и семейные условия осужденного и зачастую, например, с лиц, получающих зарплату в 80-100 руб., назначали 40% удержания, несмотря на то, что эти лица имеют на своем иждивении по несколько человек.

В БССР, несмотря на то, что, как общее правило, вычет из зарплаты лиц, отбывающих исправтрудработы по месту службы, также оставлял 50%, однако, здесь разрешалось и уменьшение этого процента. Установление процентов вычета здесь было предоставлено органам исправтрудработ, которые при опредении процентов вычета учитывали материальнсе и семейное положение осужденного.

Если в упомянутых республиках (РСФСР, БССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР) процент удержания из зарплаты осужденных к исправтрудработам был, таким образом, очень высок, то еще более высоким он был в других союзных республиках. Так, в УССР в соответствии с постановлением ВУЦИК от 28/III—29 г. удерживалось в первый месяц 100% зарплаты и при этом со всех без исключения. Начиная со второго месяца отбывания работ, из зарплаты лиц квалифицированного труда удерживалось ежемесячно до полного отбытия срока работ 75% зарплаты и 50% зарплаты с лиц неквалифицированного труда. Таким образом, минимальным удержанием здесь было 50% и то лишь с лиц неквалифицированного труда. В виду такого законодательства суд не определял процента удержания, так как на всех лиц без исключения распространялся этот размер и порядок удержания. В настоящее время также в УССР суд не определяет процента выплаты из зарплаты осужденого, что явно неправильно. Но еще в более тяжелых условиях оказались осуждаемые к исправтрудработам по месту службы в Грузинской ССР. Согласно постановления ЦИК Грузии лицам, отбывающим исправтрудработы по месту службы, из их зарплаты выдавался лишь прожиточный минимум и плюс еще добавочные деньги на довольствие в размере 7 р. 50 коп. Поскольку это постановление не делало каких-либо исключений, постольку суды так же, как и в УССР, лишены были права вмешиваться в вопрос размера вычета из зарплаты осуждаемых ими лиц.

Бросается в глаза непомерно высокий процент удержаний из зарплаты, не говоря уже об отсутствии почти всякой зарплаты, как это мы видели на практике Грузинской ССР.

Чтобы упразднить разнобой в этом вопросе, было издано постановление ЦИК СССР от 27/II—32 г., которым для всех союзных республик устанавливается единая наивысшая предельная норма удержаний из зарплаты лиц, отбывающих исправтрудработы по месту службы в 25%. Лишь в пределах до 25% суды могут теперь определять тот или иной процент удержания из зарплаты в каждом конкретном случае. Это постановление союзного ЦИК своим резким снижением процентного удержания, как бы лишний раз подчеркивает, что главное в исправтрудработах по месту службы не нанесение материального ущерба трудящимся, а морально-воспитательное воздействие на лиц, совершающих незначительные преступления. Уже благодаря этому снижению процента удержания создаются предпосылки для борьбы против превращения исправтрудработ по месту службы в штраф в рассрочку.

4. Полит-воспитательная работа среди отбывающих исправтрудработы

В процессе исполнения приговора к исправтрудработам и особенно там, где организуется их исполнение отделениями в больших масштабах, в виде массовых колоний, огромную роль играет политико-воспитательная массовая работа среди осужденных. На эту важнейшую сторону организации исправительно-трудовых работ у нас не обращалось достаточного внимания.

Задачей политико-воспитательной работы, построенной на базе производства, здесь является борьба за искоренение в трудящихся осужденных старых навыков и традиций, оставшихся от старого быта, воспитания в них новых принципов социалистического общества на основе коллективной работы по участию в общем социалистическом строительстве. В этой политико-воспитательной работе среди лиц, отбывающих исправтрудработы, должно быть отведено значительное место политическому развитию и профтехническому образованию.

Лишь в самое последнее время почти во всех союзных республиках бюро (отделения) начинают уделять внимание постановке этой работы.

В отношении отбывающих исправтрудработы индивидуальными небольшими группами политико-воспитательная работа проводится в пунктах, где такие лица сосредоточиваются перед отправкой на работы. Основными формами работы здесь являются лекции, беседы на политические темы, на темы об исправительно-трудовой политике и т. п. Основная же масса отбывающих исправтрудработы на госпредприятиях обслуживается политико-воспитательной работой наравне с теми рабочими, которые работают на этих же предприятиях. Однако, в тех местах, где скопляется значительное количество отбывающих исправтрудработы, последние, помимо обслуживания их по-

литико-воспитательной работой наравне с рабочими, обслуживаются еще и специальной работой (ликбез, профтехкурсы и т. п.).

В РСФСР отбывающие исправтрудработы на предприятиях УИТУ обслуживаются политико-воспитательной работой в форме кружков, стенгазеты и других видов политико-воспитательной работы. Здесь имеется товарищеский суд, свой штаб соцсоревнования.

Правда, товарищеские суды начали только свою работу. Однако, среди итработников товарищеские суды играют большую роль. Товарищеские суды рассматривают и привлекают к ответственности итработников за нарушения дисциплины, побеги, самовольные „отлучки", за симуляцию и невыполнение норм выработки. Эти суды выносят разнообразные постановления — от общественного порицания вплоть до ходатайства перед наблюдательной комиссией об изменении меры уголовной репрессии тому или другому итработнику. Гораздо в меньшей степени проводится кружковая работа: совершенно нет кружков ликбеза, а неграмотных изрядный процент среди итработников, нет кружков повышении квалификации и т. п. Отсутствие работы этих кружков руководители ИТРабот об'ясняют тем, что нет достаточно подготовленных воспитателей, а вольнонаемные воспитатели не хотят итти, считая работу слишком трудной.

Выпускаются в ИТКолониях стенгазеты, но только не на всех участках колонии. Стенгазеты отражают, главным образом, производственную жизнь ИТКолоний.

Итработники совместно с вольнонаемными рабочими участвуют, хотя и не везде, в профсоюзных совещаниях и собраниях. Они участвуют также в производственных совещаниях данного предприятия, разного рода комиссиях и т. д.

Но вся эта работа проводится в большей степени „самотеком". Нет плановости и твердого руководства, а главное нет работников, которые за нее отвечали бы целиком и полностью.

Немного по другому строится эта работа в других союзных республиках. В БССР политико-воспитательной работой охвачены лишь отбывающие исправтрудработы при колониях. Среди прочих эта работа поставлена еще довольно слабо.

Слабо развернута политико-воспитательная работа и в других республиках (например, в Грузинской и в Армянской ССР), совершенно еще не ведется работа в Азербайджанской ССР.

Практика союзных республик по организации политико-воспитательной работы показывает, что труднее всего эту работу вести среди отбывающих исправтрудработы в одиночном порядке (например, при сельсоветах) или небольшими партиями. Наоборот, среди отбывающих исправтрудработы вне пределов своего местожительства и находящиеся в общежитиях, предоставляемых им органами исправтрудработ, политико-воспитательную работу организовать гораздо легче. Вот почему гораздо целесообразнее и с этой точки зрения посылка осужденных на ра-

боты большими партиями. В отношении отбывающих исправтрудработы при колониях вопрос об организации политико-воспитательной работы решается легче всего, так как здесь достаточно усилить политико-воспитательную часть колонии, чтобы охватить работой, наравне с лишенными свободы и отбывающих исправтрудработы. В отношении же тех лиц, которые отбывают исправтрудработы при хозпредприятиях и в специальных колониях, необходимо иметь специальных работников по политвоспитательной работе, могущих включить осужденных в общую политико-воспитательную работу, которой охвачены трудящиеся, работающие на этих предприятиях. Однако, до настоящего времени большинство БИТР еще не занимается вопросами политико-масовой и культурно-воспитательной работы среди итработников.

Несмотря на то, что районные БИТР свои штаты раздувают до 10 человек, там, где не забыт секретарь, совершенно отсутствует штатный работник по политико-массовой и культурно-воспитательной работе. Организатора этой, в данное время, основной части работы в отделе БИТР нет; отсюда понятно плохое состояние политико-массовой работы. Взять, например, Челябинское БИТР, которое ведает итработниками, собранными компактно на кирпичном заводе „Строитель" (117 ч.); здесь ничого не делается для ликвидации неграмотности или повышения квалификации и переквалификации итработников, не проводится политико-воспитательная и раз'яснительная работа. Частично охватывают эту группу итработников местные профорганизации, но только частично, ибо заниматься специально итработниками и проводить среди них специальную политико-массовую и культурно-воспитательную работу — не их обязанность. Этим делом должна заниматься специально созданная часть ОИТР. Такое положение с политико-воспитательной работой во всех БИТР. На вопрос одного из начальников РайБИТР — почему у вас не ведется политико-воспитательная работа среди итработников, — все отвечают, что „этим делом у нас некому заниматься, и при том итработников трудно будет привлечь к этой работе." А начальник Надеждинского ОИТР, Уральской области, просто сказал: „Наше дело заключается в том, чтобы итработник отработал свой срок, назначенный судом". Конечно, как мы показали выше, работа бюро заключается не только в этом, но и в широкой политико-массовой работе, перевоспитывающей осужденных к исправтрудработам.

Руководство местными организациями и указания краевых и област них УИТУ по вопросам политико-массовой и культурно-просветительной работы очень слабы, а кое-где и совсем их нет. Это дает нам право сказать, что эти руководящие органы ИТУ на местах пока еще не поставили действительной задачи — проводить среди осужденных к исправтрудработам в полном об'еме политико-воспитательную работу, соединенную с исправительным трудом.

Несколько иначе дело обстоит с политико-массовой и культурно-воспитательной работой в исправтрудколониях для осужденных к исправтрудработам. Здесь при управлении колонии существует один штатный работник, на которого возложено исполнение обязанности организатора политико-массовой работы среди итработников.

На участках колонии при каждом начальнике участка также работает один культурник. Большинство из них — сами итработники; это — бывшие избачи, бывшие председатели сельсоветов, педагоги. Но, несмотря на то, что исправтрудколонии обслуживаются политвоспитателями, самая работа стоит на крайне низком уровне.

Вся политико-воспитательная работа связывается с производственными задачами. Так например, на участках Курганской исправтрудколонии, Уральской области, для итработников ставились доклады на тему „Соцсоревнование, ударничество и выполнение плана работ ИТК" и др. Огромную роль в политвоспитательной работе играет печать. На путь организации печати при бюро ИТРабот или облотделах стала Украина. Здесь нет ни одного большого работающего лагеря с исправтрудработниками, где бы не было многотиражки, не говоря уже об областных отделах ИТР.

Перед отделениями исправтрудработ стоит громадная задача как можно шире и лучше организовать этот участок работы, строя ее на производственнной основе.

5. Соцсоревнование и ударничество среди отбывающих исправтрудработы

Громадное значение в содержании исправтрудработ имеет широкое развитие соцсоревнования и ударничества среди осужденных к этой уголовной репрессии.

Социалистическое соревнование, ударничество, хозрасчетные бригады должны явиться основными методами борьбы за перевоспитание нарушивших социалистическую дисциплину среди трудящихся.

Указания тов. Постышева, данные на VI совещании работников юстиции, касающиеся развертывания среди лишенных свободы соцсоревнования и ударничества, воспитывающих новое отношение к труду, новую дисциплину труда, должны быть полностью перенесены и на лиц, отбывающих исправительные трудовые работы.

В настоящее время, в свете решений XVII партконференции и выступления тов. Постышева на VI совещании руководящих работников юстиции, вопрос об индивидуализации репрессии, как известно, приобретает особо важное значение. Борьба с уравниловкой, с шаблонизацией репрессии должна найти свое отражение и в борьбе против уравнительного подхода при опре-

делении процента удержаний из зарплаты,лиц, приговариваемых к исправтрудработам по месту службы. Этот индивидуальный подход должен заключаться в учете ряда обстоятельств, как-то: материальное положение осужденного, его семейное положение, наконец, даже самый характер совершенного им преступления и ряд др. Постановление ЦИК СССР, не фиксирующее точного и застывшего процента удержаний, а разрешающее назначать эти отчисления от 1 до 25%, тем самым дает большой простор нашим судам и органам исправительно-трудовых работ в смысле индивидуального подхода в каждом конкретном случае.

Новыми формами социалистического труда, свойственными лишь стране строющегося социализма, должна быть охвачена и стопроцентная масса осужденных к исправтрудработам. В этом отношении не может быть какой-либо разницы между обычными рабочими фабрик и заводов и лицами, отбывающими по суду исправтрудработы из среды трудящихся. Помимо того огромного значения, которое имеет в общественно-трудовом воспитании осужденных к исправтрудработам такое внедрение социалистического соревнования и ударничества, социалистический труд является и могучим орудием борьбы за повышение хозяйственной эффективности труда. Новыми формами социалистического труда в значительной уже степени охвачены осужденные к исправтрудработам в СССР.

Широкое развитие соцсоревнования и ударничества, помогающих выполнению и перевыполнению заданий итработников и производственных планов всего коллектива, работающего на том или ином участке работы, — одно из самых положительных явлений в нашей исправтрудполитике. Но следует здесь же сказать, что в широких размерах это проводится не везде. Так, на Уралмашстрое, в акте обследования от 15/VII 1931 г. облпрокуратурой записано, что „среди принудиловцев совершенно отсутствует культурно-просветительная работа, а поэтому говорить о каком-нибудь соцсоревновании и ударничестве среди принудиловцев не приходится".

С соцсоревнованием и ударничеством гораздо лучше дело обстоит среди той группы исправтрудработников, которая работает не по месту своей службы, а сконцентрирована в более или менее большие группы.

Соцсоревнование и ударничество среди итработников помогает с одной стороны—скорее отбыть срок работ, назначенный приговором суда, а с другой—быстрейшему выполнению того договора, который заключается с хозорганом, определяемым УИТУ.

Там, где итработники сконцентрированы в более или менее компактные группы, соцсоревнование и ударничество дает наибольшие показатели выполнения производственных планов.

Исправтрудработники зачастую служат примером ударных темпов работы. Взять хотя бы Челябинский

кирпичный завод „Строитель", где из общего числа рабочих 500, итработников насчитывает 117, и которые используются, главным образом, на подкатке, нагрузке и разгрузке кирпича. Но работа неквалифицированного вида требует определенной сноровки—умения без опоздания подавать кирпичи в ж. д. вагоны. И вот здесь итработники показали возможность перевыполнения норм выработки за то же самое время. Норма кирпича, которую должны возить рабочие на вагонетках, составляет 180 штук, итработники довели эту норму до 240-250 шт., т. е. увеличили выработку на 35-40%. На заводе „Строитель" на одном из производственных совещаний по предложению директора завода была создана из итработников специальная ударная бригада, с целью показать ударные темпы работы и вызвать на соцсоревнование вольнонаемных рабочих завода. Еще лучшим примером ударной работы на производстве и социалистической организации труда итработников показали массовые ИТКолонии без лишения свободы. Для иллюстрации приведем работу одного участка Курганской ИТКолонии Уральской области. Первый участок Курганской колонии ст. Потанино имеет на земляных работах (итработники заняты на прокладке вторых ж. д. путей, преимущественно на земляных работах) 16 бригад с количеством 332 человека. Работают они в две смены. Одна из смен считается штурмовой. Вот одна из многих сводок о проделанной работе, ежедневно вывешиваемых на видном месте на территории колонии: 13 июля 1931 года бригады Потанинского участка дали показатели по выполнению дневного задания:

Первая смена		Вторая смена	
Бригада	Выполнение в %%	Бригада	Выполнение в %%
9	117	3	183
6	138	2	183
8	159	13	121
		10	147
		12	125
		14	152
		15	100
		11	100
		16	63

На участке „Малиновка" бригада, так называемая „слабо сильная", состоящая из слабых по своему физическому состоянию, дневное задание выполняет на 105%. Вторая смена называется штурмовой, ибо она взяла на себя обязанность покрыть прорыв, который образовался в выполнении плана земляных работ по причине нераспорядительности хозяйственников стройки и угрожал срыву всей прокладки дороги на этом участке. Данное слово смена выполняет, обеспечивая ежедневно работы на 150%. В этой

штурмовой смене особое место занимает бригада № 3 итработников под руководством Елисеева, состоящая преимущественно из сельских активистов - —колхозников, осужденных по ст.ст. 111, 112 УК. Бригада ежедневно вырабатывает задание от 180 до 200%. Елисеевская бригада за последнюю декаду свбих темпов ниже 180% не снижала, доведя выработку в отдельных случаях до 205%.

Вот как отзывается в № 5 листовка „Штурм" выездной редакции газеты „Колхозное знамя" о работе штурмовой смены и в частности о бригаде Елисеева:

„На Потанинском экскаваторе организована штурмовая бригада, которая задание на 1 чел. выгрузить два вагона выполняет. Особенно в этой смене выделяется бригада Елисеева, которая сокращает время стоянки вагонов под выгрузкой: вместо 35 мин. выгружают только 18 - 20 минут.

Штурмовая смена сменное задание 960 кбм. 7 июля перевыполнила на 30 кбм. Третья смена могла бы дать и больше, но здесь тормозит работу то, что приходится ждать состав от 40 минут до 1 ч. 20 минут. Остальным бригадам надо брать пример с бригады Елисеева, а машинистам состава быть изворотливее".

Но наряду с этими бригадами есть такие — как например, бригада № 16, в которых сконцентрированы в количестве 49 человек, главным образом, кулаки и часть рецидивистов. На 13/VII 1931 г. бригада № 16 выполнила план на 63%, а ранее большая часть ее производительности выражается в 40 - 50% суточного задания. Кулаки и здесь саботируют работу и подрывают трудовой энтузиазм итработников.

Наряду с хорошими показателями выполнения производственной программы методами соцсоревнования и ударничества есть такие явления, когда итработник просто отказывается исполнить работу. Таких несколько случаев было на Челябинском кирпичном заводе „Строитель". За это обыкновенно судят товарищеским судом, или в дисциплинарном порядке назначают от 3-х до 14 суток ареста — днем в штрафной бригаде, а ночью в бараке за решеткой. И несмотря на встречающиеся уклонения от работы, бригады из итработников в целом идут часто намного впереди по выполнению суточных заданий выработки, чем некоторые вольнонаемные рабочие.

При такой ударной работе Курганская исправительно-трудовая колония в целом задание по хоздоговору перевыполняет на очень большой процент. Все начатые работы по прокладке вторых путей ж. д. Челябинск, Курган - Петропавловск, должны были быть закончены на один - полтора месяца раньше срока, вместо 15 сентября — 17 августа, „Мы сейчас уже выполнили 75% всего плана работ, — говорит начальник второго участка ст. Матвеевка, — а к сроку перевыполним его в два раза".

Соцсоревнование и ударничество в исправительно-трудовых колониях без лишения свободы является подлинным и лучшим

методом воспитания к дисциплине и социалистическому труду. Этот метод соцсоревнования и ударничества должен проникнуть во все поры жизни осужденных к исправтрудработам. Ими должна быть охвачена политико-массовая и культурно-воспитательная работа. Ведь то, что выше показано на примерах, по существу является результатом активности самой массы итработников. БИТР и дирекции ИТКолоний еще далеко не везде приступили к тому, что нужно сделать для большего стимулирования работы осужденных.

Правда, лучшие ударники за хорошую работу премируются табаком, сахаром, повышением пайка и т. п. Но этого мало. К примеру взять хотя бы тот же кирпичный завод „Строитель", где лучший ударник получил кусок материи на брюки и рубаху. А вот досрочное освобождение за хорошо выполненную работу здесь почти не практикуется. Единственный случай, который обратил на себя внимание администрации колонии, — это бригадир Елисеев, которого администрация решила досрочно освободить без постановления на то наблюдательной комиссии[1].

В исключительных случаях для ударников практикуются отпуска, в качестве премии.

Следует также отметить, что полит-воспитательная работа по внедрению новых форм социалистического труда среди лиц, отбывающих исправтрудработы, не во всех республиках еще поставлена удовлетворительно.

Так например, в УССР социалистическое соревнование и ударничество среди осужденных к исправтрудработам проводится лишь формально. Основными причинами этих дефектов по отзывам УИТУ были текучесть осужденных из-за краткости сроков и работа осужденных мелкими распыленными группами. В БССР соцсоревнование, ударничество и буксир уже более широко, чем в УССР, применяется среди отбывающих исправтрудработы. Здесь осужденные исключительно по собственной инициативе заключают между собой соцдоговоры — например, отбывающие исправтрудработы при колонии „Осинторф" в Оршанском районе с отбывающими исправтрудработы при колонии „Давидовка" в Гомельском районе.

Соревнованием и ударничеством охвачено почти 80% осужденных к исправтрудработам в Армянской ССР. Но совсем слабо еще развернуто соцсоревнование и ударничество среди отбывающих исправтрудработы в Азербайджане. И, наконец, совсем еще нет в практике отбывания исправтрудработ этих новых форм социалистического труда в Грузинской ССР.

Последнее свидетельствует о наличии в ряде мест у органов руководящих исправтрудработами, непонимания всей важности борьбы за внедрение новых форм социалистического труда в среде отбывающих исправтрудработы. Ведь осужденные к этому

---

[1] Наблюдательная комиссия не принимала здесь никакого участия в работе ИТКолонии, о чем ниже сказано подробно.

виду уголовной репрессии не должны ни на одну минуту отрываться от хозяйственно-политической жизни нашего СССР, а наоборот, всеми доступными средствами должны приобщаться к социалистическому строительству. И уже одно это предполагает максимальный охват лиц, отбывающих исправтрудработы, соцсоревнованием, ударничеством, всеми формами социалистического труда. Наконец, недооценка борьбы за проведение новых форм социалистического труда среди отбывающих исправтрудработы проявляется в то же время в недостаточно активной борьбе приговоренных к исправтрудработам за улучшение количественных и качественных показателей работ.

Максимальное развитие новых форм социалистического труда, их внедрение в среду осужденных к исправтрудработам должна занимать одно из центральных мест в работе отделений исправтрудработ.

Такая постановка дела соцсоревнования и ударничества в сочетании с повышением квалификации и переквалификации итработников даст возможность исправительно-трудовым органам сделать прошедших школу исправительно-трудовых работ вполне дисциплинированными р а б о ч и м и с о ц и а л и с т и ч е с к о г о т р у д а.

Глава IV

Наблюдательные комиссии. Зачет рабочих дней и условно-досрочное освобождение осужденных к исправтрудработам

Большую роль в исправительно-трудовой системе играют наблюдательные комиссии. На наблюдательные комиссии законом возлагается обязанность следить за исполнением судебного приговора от момента вынесения его судом до последних дней отбытия приговора.

Связанные с широким активом советской общественности, наблюдательные комиссии должны быть наиболее четки в работе и внимательны к тому делу, которое возложено на них пролетарским государством, т. е. к наблюдению за самим процессом отбытия приговора.

Правительственное постановление РСФСР от 30/X 1929 г. и январская инструкция 1930 г. Наркомвнудела РСФСР о наблюдательных комиссиях создали для них в РСФСР широкое поле деятельности. Но пока еще наблюдательные комиссии при ОИТР'ах развернулись не в полной мере, а кое-где еще совершенно не приступили к своей работе. Если взять Уральскую область,[1] то на 168 отделений исправтрудработ (на первую половину 1931 г.) существовало всего 68 наблюдательных комиссий т. е. 34%, а при остальных или их не существовало вовсе, или они существуют при исправтрудколониях и других исправительно-трудовых учреждениях. В УССР организованы при бюро специальные так называемые „особые комиссии", которые по существу ничем не отличаются от наблюдкомов в РСФСР. На январь 1934 г. их насчитывалось 376 по районам и 7 по городам.

Такое положение, как в РСФСР, мешает правильно поставить дело реализации приговора и не дает осужденному, хорошо работающему исправтрудработнику, возможности реализовать свое право на досрочное освобождение,[2] зачет рабочих дней и т. п.

По положению каждая наблюдательная комиссия должна обслуживать не более 200 человек, и заседать не менее одного

[1] Данных в масштабе СССР не имеется.

[2] В своем постановлении Пленум Верхсуда от 16/IX 1931 г. запретил применять условно-досрочное освобождение к отбывающим исправтрудработы без содержания под стражей; но 5-го мая 1932 г. Президиум ВС опять восстановил применение условно-досрочного освобождения к отбывающим исправтрудработы.

раза в декаду. На практике дело обстоит иначе. Каждая наблюдкомиссия, где они только имеются, обслуживает от 1000 до 2000 осужденных к исправтрудовым работам. Такая перегрузка снижает качество работы и тем самым способствует искривлению исправительно-трудовой политики. Собираясь нерегулярно, наблюдкомиссия плохо ведет подготовительную работу к своим заседаниям, между тем именно хорошая подготовка к заседаниям дает возможность строить выводы по тому или другому осужденному, на изучение живого материала. Для иллюстрации того, как собираются наблюдкомиссии, можно привести ряд районов Уральской области: например, Чусовская НК ОИТР (здесь она находится при месте лишения свободы) с марта месяца до 10 июня 1931 г. заседала всего один раз и рассмотрела всего 17 дел исправтрудработников. Между тем масса заявлений об отпуске на полевые и другие работы была подана в марте — апреле. Челябинская НК в первое полугодие 1931 года заседала всего пять раз. Еще хуже с наблюдкомиссиями обстоит дело в массовых исправтрудколониях, где сосредотачивается от 500 до 1000 исправтрудработников. Здесь наблюдкомиссия не работает совершенно или совсем отсутствует. Такое положение и в других местах нашей республики.

Между тем, в массовых исправтрудколониях работа наблюдкомиссий должна быть поставлена лучше, чем где-либо. Как раз в условиях массовых колоний, где существуют ударные бригады, превышающие планы своих заданий на 130-150%, где исправтрудработники дают часто пример социалистического труда, с одной стороны, а с другой стороны, когда существуют массовые побеги, когда осужденные кулаки организуют антисоветскую агитацию против исполнения работ, наблюдкомиссия должна внимательно прислушиваться к жизни этих коллективов.

Наблюдкомиссии должны поощрять ударников досрочным освобождением, зачетом рабочих дней, отпусками и т. п., а лодырей и срывщиков работ через суд привлекать к усиленной уголовной репрессии, не производить зачета рабочих дней и т. п.

Во всех случаях наблюдкомиссия не должна работать в кабинете при закрытых дверях. Она должна всю свою работу выносить в массы осужденных и вольных рабочих, среди которых осужденные находятся и осуществлять, с участием этих масс, действительно уголовную и исправительно-трудовую политику пролетарского государства.

Наблюдательные комиссии, в свою очередь, могут устраивать особые выездные сессии на крупные предприятия для разбора заявлений, ходатайств осужденных. Эти заседания целесообразно устраивать в присутствии как можно большего количества членов того коллектива, где работают осужденные. Такие сессии опять таки будут способствовать приданию исправительно-трудовым работам элементов общественно воспитательного воздействия.

Наконец, сами бюро (отделения) исправтрудработ должны контролировать исполнение приговоров к исправтрудработам по месту службы не только с точки зрения денежных отчислений, а и под углом зрения превращения исправтрудработ в меру действительного воспитательного воздействия. Помимо этого бюро (отделения) исправтрудработ должны делать периодические отчетные доклады о своей работе на крупных предприятиях, фабриках и заводах с тем, чтобы привлечь общественное внимание к своей работе и мобилизовать рабочий актив для более рациональной постановки отбывания исправтрудработ. Этот метод уже начинает практиковаться в ряде городов и районов РСФСР, УССР.

Надо сказать, что и сама советская, партийная и профсоюзная общественность часто недостаточно активно вовлекается в работу наблюдкомиссии, не помогает ее работе, в силу чего в практике наблюдкомиссии возникают политические искривления.

В иных наблюдкомиссиях проявляется явная утрата пролетарского чутья, классового подхода к решению стоящих перед наблюдкомиссиями вопросов, что ведет к искривлению нашей судебной политики. Ярким примером этого может служить практика НК Ялуторовского БИТР, Уральской области. Разбирая вопрос о зачете рабочих дней и отпусках, в одном из своих заседаний, наблюдкомиссия постановила священнику Чукину зачесть 64 рабочих дня и досрочно освободить его. Отбывал исправтрудработы этот поп при канцелярии суда того же района. Или наблюдкомиссия Пермско-Ильинского БИТР, рассматривая заявления исправтрудработников об отпуске, постановила дать отпуск группе кулаков в 6 человек, осужденным по ст. 61 УК с такой мотивировкой: „принимая во внимание важность второй большевистской весны и посевной кампании и выполнения их твердых заданий по севу, как имеющие крепкие хозяйства и судимые по ст. 61 УК, представить отпуск". Выносятся и другие постановления наблюдкомиссий, где также открыто искривляется классовый принцип. Наблюдательная комиссия Березниковского бюро в своем заседании 30/IX 1931 г., рассмотрев заявление рабочего Мирошникова, осужденного по статье 74 УК к 11 месяцам исправтрудработ, отработавшего с зачетом 6 месяцев, „дисциплинированного, не имевшего взысканий", постановила: „в досрочном освобождении отказать, как социально-опасному элементу". Или в другом случае, Макушинская районная наблюдкомиссия в своем заседании от 18/VI 1931 г. рассматривает заявление о зачете рабочих дней середняку Новожилову, осужденному по ст. 111 УК на 3 месяца итработ. Отработал он 55 дней. Оценка исполнения работы „хорошо". Дисциплинарных взысканий не имел. Наблюдкомиссия постановила: „как совершившему преступление, связанное с посевной кампанией, а потому в просьбе отказать".

Таким образом, кулак, который пытается сорвать социалистическое строительство первого в мире пролетарского государ-

ства путем хлебной забастовки, который на каждом шагу ведет антисоветскую агитацию и противодействует развитию коллективизации и индустриализации сельского хозяйства, в глазах некоторых наблюдкомиссий представляется менее опасным, и в качестве поощрения получает отпуск „для исполнения твердого задания", а рабочий, бедняк, колхозник, совершившие преступление в силу своего невежества, некультурности, а может быть в силу сложившихся материальных условий, исполнившие хорошо работу в БИТР, от этой же самой наблюдкомиссии получают отказ и не только в отпуске, но и в зачете рабочих дней „за тяжестью преступлений".

Можно привести еще пример: наблюдкомиссия при Березниковском БИТР рассматривала дело о досрочном освобождении рабочего Клотилова, осужденного по ст. 171 УК на 6 месяцев исправтрудработ. Он однажды бежал с работ и имел привод, имел дисциплинарное взыскание в размере 14 суток, отбыл 4½ месяца. Наблюдательная комиссия постановила: „досрочно освободить".

Практику такой работы наблюдательных комиссий иначе нельзя назвать, как извращением классовой исправительно-трудовой политики пролетарского государства.

Иногда наблюдательные комиссии недостаточно знают свою роль и функции и часто пытаются подменить собой народный суд. Например, наблюдательная комиссия выносит постановление об изменении меры уголовной репрессии, и на следующий день предлагает БИТР немедленно его реализовать. Так например, по делу Коротовой А. А., осужденной по ст. 162 на 3 года к ссылке с принудработами, имеющей 4 судимости, за отказ исполнять работы Надеждинская наблюдательная комиссия постановила: „меру социальной защиты изменить, усилить и направить на тот же срок в исправтрудколонию".

Короткова немедленно была взята под стражу и отправлена в исправтрудколонию. Другой пример: по делу Симонова, осужденного по ст. 74 на 1½ месяца к исправтрудработам и обратившегося с просьбой заменить исправтрудработы штрафом, наблюдательная комиссия постановила: „просьбу удовлетворить. Заменить штрафом в 75 руб. с уплатой в два срока".

Нельзя не отметить и то, что на работе наблюдательных комиссий также отражаются недочеты в судебной практике, которые мы отмечали выше: неполное составление копий приговора, отсутствие указания соц. положения, судимости, сроков и т. п.

Все же при тщательной подготовке к заседанию наблюдательные комиссии эти недостатки могли бы изжить. Но наблюдкомиссии этого правила не соблюдают, предварительная подготовка к заседаниям ни одной наблюдательной комиссией не проводится. Члены наблюдательной комиссией и с делами знакомятся часто в самом процессе заседания. На самих заседаниях наблюдательных комиссий протоколы ведутся небрежно. Не даются

ясные и четкие формулировки в том или другом решении: почему отказано в зачете дней, в досрочном освобождении и т. д. или наоборот, почему зачтен срок, разрешено досрочное освобождение и т. п.

Большую роль в правильной реализации приговоров к исправительно-трудовым работам по месту службы, т. е. в превращении этой меры в действительную меру воспитания к дисциплине должны играть не только бюро (отделения) исправтрудработ, но и наблюдательные комиссии, существующие при этих бюро. Однако и здесь, как показывает практика, дело обстоит еще неблагополучно. В большинстве союзных республик эти наблюдательные комиссии также еще ничего не делают в смысле постановки правильного отбывания исправтрудработ по месту службы. У некоторых наблюдательных комиссий, например, в РСФСР и в других союзных республиках, даже нет связи з теми предприятиями и учреждениями, где отбывает исправтрудработы сплошь и рядом большое количество лиц. Правда, в некоторых союзных республиках, например, в УССР наблюдательные (особые) комиссии уже налаживают такие связи с общественными организациями крупных предприятий и учреждений, но это делается пока что, главным образом, по линии получения характеристик и отзывов в отношении тех осужденных, которые ходатайствуют об условно досрочном освобождении, зачете рабочих дней и т. п. Установление такой связи наблюдательных комиссий с общественными организациями намечается в Армянской ССР. Ничего не сделано пока в этом отношении Азербайджанской и Грузинской ССР.

Администрация заводов, фабрик, предприятий и учреждений, как уже говорилось выше, принимает участие в исполнении приговоров к исправтрудработам по месту службы лишь по линии производства систематических вычетов и удержаний из зарплаты осужденных лиц. Общественные же организации предприятий, где отбываются исправтрудработы, и вовсе пока не принимают никакого участия в организации отбывания исправтрудработ по месту службы, а между тем есть возможность наладить эту работу через наблюдкомиссии.

Если бы каждый член наблюдательной комиссии, хотя бы в порядке очередности всех членов, принимал участие в повседневной работе БИТР, эта работа была бы ценной и полезной. Нужно дело наблюдательной комиссии поставить так, чтобы сама наблюдательная комиссия знала как само ОИТР всех исправтрудработников, состоящих на учете при данном ОИТР.

Наблюдкомиссии—это одно из основных звеньев в системе нашей исправительно-трудовой политики, которые помогают найти осужденному к исправтрудработам „путь к добровольному труду, делают его полноправным участником социалистической стройки“.

Надлежащая постановка столь ответственной работы наблюдательных комиссий возможна только при активном участии

фабрично-заводской и советской общественности и при строгом контролировании их работы со стороны прокуратуры.

Досрочное освобождение и зачет рабочих дней в системе советских исправительно-трудовых учреждений играют важную и большую роль в деле перевоспитания к новой трудовой дисциплине, к социалистическому труду.

Зачет рабочих дней играет большую роль в поднятии производительности труда отбывающих исправтрудработы. Применение зачета рабочих дней фактически сокращает срок отбывания исправтрудработ, и это обстоятельство служит наилучшим стимулом по повышению и количественных и качественных показателей труда. Зачет рабочих дней введен почти во всех союзных республиках (РСФСР, УССР и ЗСФСР) за исключением БССР. Мы не знаем причин, почему зачет рабочих дней не применяется при исправтрудработах в БССР, однако, совершенно ясно, что здесь не учитывается целесообразность такого рода стимулирования к повышению качества труда. Хотя зачет введен во всех союзных республиках, однако практика применения его не везде одинакова. Так например, в Армянской ССР зачет рабочих дней при исправтрудработах производится лишь в очень редких случаях.

Самые условия зачета рабочих дней при исправтрудработах почти одинаковы во всех союзных республиках. Везде зачет этот производится из расчета 2-х дней за 3 дня. В РСФСР зачет производится в случае перевыполнения норм выработки и при особой полезности и производительности работы осужденного. В УССР зачет рабочих дней производится особыми комиссиями при бюро (отделениях) исправтрудработ. Согласно § 11 и 13 Инструкции о работе особых комиссий, последние могут применять зачет рабочих дней лишь за особо продуктивную работу и только в отношении трудящихся. § 14 той же инструкции запрещает даже рассматривать какие-либо заявления о зачете рабочих дней лиц, принадлежащих к классово-чуждым елементам. В основном, конечно, такая практика УССР вполне правильна. Но в этом отношении следовало бы допускать отдельные исключения и за особо продуктивную работу производить зачет рабочих дней и осужденным из числа классово-чуждых элементов. Последнее постановление правительства РСФСР о наблюдательных комиссиях (октябрь 1931 г.) разрешает применять зачет рабочих дней и к классово-чуждым елементам, но, во-первых, в самых исключительных случаях, и, во-вторых, при более жестких условиях (4 дня за 5 дней). Нам кажется, что этому примеру РСФСР должны последовать и другие союзные республики, поскольку мы заинтерисованы в поднятии производительности труда при отбывании исправтрудработ и классово-чуждых элементов.

Это, конечно, не значит, что зачет рабочих дней к классово-чуждым елементам должен применяться широко. В период обостреннейшей классовой борьбы это привело бы к правооппортунистической практике, что иногда наблюдается в работе неко

торых наблюдательных комиссий. Мы говорим, таким образом, о зачете рабочих дней классово-чуждых лиц лишь в самых исключительных случаях, при особо высокой производительности труда этих лиц и за особо продуктивную, и полезную работу.

Не менее важным стимулом в деле поднятия производительности труда лиц, отбывающих исправтрудработы, и их воспитания к дисциплине является условно-досрочное освобождение. Желание освободиться раньше срока от отбывания меры уголовной репрессии, назначенной судом, в том числе конечно и от исправтрудработ,—заставляет не только добросовестно относиться к поручаемой работе, но и проявлять особую активность и добиваться высокого качества в этой работе. Условно-досрочное освобождение при исправтрудработах применяется во всех союзных республиках. Однако, практика его применения не везде одинакова. Так, если в РСФСР, в УССР и в Азербайджанской ССР условно-досрочное освобождение применяется лишь в отношении трудящихся, то в других союзных республиках (в БССР, в Армянской и Грузинской) оно может применяться к выходцам из классово-чуждых элементов.

Сейчас по-новому ставится этот вопрос.

„Не ослабляя репрессии, не разжижая революционной законности и нашей карательной политики, добиваться переделки, перевоспитания. В условиях изоляции бывших классовых врагов и деклассированных элементов, добиваться втягивания их в процессы социалистического соревнования, творческого увлечения трудом, добиваться действительного исправления наиболее опасных в прошлом элементов...“[1].

В настоящее время практика показывает, что условно-досрочное освобождение классово-чуждых элементов может применяться, не боясь какого бы то ни было разжижения репрессии. Исторический опыт Беломорстроя убеждает нас в том, что при правильно поставленном деле исправительно-трудового воздействия и условно-досрочное освобождение стимулирует перековку сознания представителей разгромленного в основном, хотя еще недобитого окончательно кулачества, осужденных иногда за опасные преступления. Но, разумеется, условно-досрочное освобождение по отношению к этим элементам должно быть лишено всяких признаков штампа, должно входить органической частью в строго продуманную, с классовой бдительностью и чуткостью осуществляемую систему, в применении репрессии.

Помимо зачета рабочих дней и условно-досрочного освобождения во всех союзных республиках отделениями и бюро исправительно-трудовых работ применяются и другие меры поощрения за продуктивную работу. Так, применяются кратковременные отпуска, которые предоставляются проявившим особо

---

[1] Программа по советской уголовной и исправтрудовой политике, стр. 7, 1933 г.

хорошее отношение к работе (УССР, ЗСФСР). Во многих союзных республиках (РСФСР, УССР и др.) бюро (отделения) в виде меры поощрения могут повысить оплату труда, выдавать денежные премии, бесплатную пищу и т. п.

Поскольку, однако, в практике отбывания исправтрудработ встречаются случаи недобросовестного отношения к поручаемым работам со стороны явно недисциплинированных лиц, постольку законодательствами всех союзных республик предусматривается возможность наложения в этих случаях дисциплинарных взысканий.

Так, в РСФСР ст. 41 ИТК дает право бюро исправительно-трудовых работ за недобросовестное исполнение работ налагать такие взыскания, как перевод на более тяжелые работы, незачет в срок небрежно проработанного времени и, наконец, арест в дисциплинарном порядке на срок до 14 суток с возбуждением ходатайства перед судом о замене меры социальной защиты или без такового.

Такие же взыскания могут быть налагаемы бюро (отделениями) и в УССР ст. 197 ИТК и в БССР ст. 227 ИТК. В Грузинской ССР эти дисциплинарные взыскания дополнены еще целым рядом взысканий и носят характер морального воздействия, например, выговор, замечание и др. Последнее является особенно целесообразным, так как необходимо на лиц, недобросовестно относящихся к работам, прежде всего воздействовать морально (выговор, замечание и т. п.), т. к. и такое воздействие сплошь и рядом оказывается вполне достаточным, чтобы осужденный уже изменил свое отношение к работе. Поэтому нет надобности прибегать сразу же к таким взысканиям, которые сопряжены с известными репрессивными моментами. Практика работы органов исправтрудработ по наложению перечисленных выше взысканий на лиц, недобросовестно выполняющих работы, показывает, что вообще к наложению этих взысканий бюро (отделениям) исправтрудработ приходится прибегать весьма и весьма редко. Да и это вполне понятно, ибо, как мы уже установили выше, в подавляющем большинстве случаев отношение лиц, отбывающих исправтрудработы, к поручаемым им работам настолько добросовестное, что как по количественным, так и по качественным показателям этот труд нисколько не уступает труду рабочих, работающих по трудовому договору.

Глава V

Буржуазные теории и уголовное законодательство капиталистических стран о принудительных работах без содержания под стражей

Буржуазия, прийдя к власти на смену феодализму, на первых порах отказалась от целого ряда мер уголовной репрессии, применявшихся при феодальном строе. Она временно выбросила из арсенала своей карательной системы средневековые способы наказания, направленные на физическое мучительство.

Главную роль в системе уголовной репрессии буржуазного общества стала играть тюрьма.

Буржуазия поставила себе на службу тюрьму и посредством ее стала подавлять эксплоатируемые массы трудящихся, пытаясь превратить их в безмолвных рабов капитализма. Маркс глубоко вскрывает истинную классовую природу и задачи тюрьмы. Он беспощадно вскрывает фальшивый характер известной тирады буржуазных филантропов о том, что якобы „посредством одиночного заключения, принудительного молчания, поповских поучений, филантропических проповедей мы так доймем и, донняв, исправим заключенных, чтобы навсегда парализовать их способность и волю вновь нарушить изданные нами в наших интересах законы“[1]. Со всей глубиной Маркс в нескольких словах дает яркую характеристику действительной сущности и цели применения буржуазией наказания в виде тюремного заключения. Сама тюрьма в капиталистических странах в виде одиночного заключения, системы молчания и других видов заключения превратилась в место калечения, физического и морального страдания заключенных и в то же время — в главного поставщика рецедивистов.

С быстрым ростом капитализма росли и развивались непримиримые внутренние противоречия капиталистического общества, которые в громадных размерах порождали преступность. В эпоху империализма эти противоречия еще больше обостряются, и в этот период буржуазия становится еще более реакционной. В подавлении и эксплоатации трудящихся масс она изменяет свою тактику классовой борьбы с пролетариатом и избирает

---

[1] К. Маркс, т. V, стр. 179.

„два метода борьбы — во-первых, метод насилия, метод отказа от всех уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений" и второй метод - метод „либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.[1]. Соответственно этим методам борьбы буржуазии на основе общей реакции и ожесточения репрессий и строится в этот период система уголовной репрессии: усиливается непосредственное применение смертной казни, каторги и ссылки с одной стороны, и с другой — в широких размерах розвивается краткосрочное лишение свободы, вводятся другие, менее „тяжкие" виды уголовной репрессии, — штраф, попечительский надзор, условное осуждение и кое-где принудительные работы без содержания под стражей, как заменяющие невзысканный штраф.

Таким образом наступившая в эпоху империализма общая реакция в буржуазном обществе нашла свое отражение и в уголовной политике. Требование эквивалентности в уголовном праве, отвечающее производственным отношениям капиталистического общества, все больше и больше вступало в противоречие с политикой усиления репрессии. Наказание в виде лишения свободы, дробящееся на краткие сроки, не давало достаточной для буржуазной эпохи империализма эффективности и даже подрывало ее: „мы фабрикуем рецидивистов путем краткосрочных наказаний, расходуя на это громадные средства", — говорит Ботье (цитировано по Булатову „Уголовная политика эпохи империализма"). Буржуазные криминалисты взамен краткосрочного лишения свободы усиленно предлагали применять в широких размерах телесные наказания—розги,—наказание, обладающее „делимостью", и тем „удобное" для осуществления эквивалентного воздаяния. Но это предложение буржуазных криминалистов не нашло широкого применения в практике замены краткосрочного лишения свободы, хотя оно в достаточной степени осуществлялось независимо от этой замены, ибо общие условия классовых противоречий в капиталистическом обществе не могли обеспечить борьбы с краткосрочным лишением свободы. В эпоху империализма усилилась внесудебная расправа, белый террор, что характеризует разложение, распад классической правовой формы уголовного права, созданной буржуазией в период промышленного капитализма. Наряду с внесудебной расправой разложение буржуазно-правовой формы внедряется и в судебную практику и в законодательство, касающееся так называемого материального уголовного права и уголовного процесса. Особенно это загнивание и разложение уголовно-правовой формы в эпоху империализма выражается в методах борьбы с революционным пролетариатом и всеми трудящимися массами.

„Либерализм" буржуазии в области репрессии выразился

[1] Ленин, т. XV изд. 3-е, стр. 7.

том, что, пытаясь „либеральной“ тактикой затушевать реакционную эксплоататорскую суть репрессии, буржуазные государства стали применять условное осуждение, штраф, попечительский надзор и пытались ставить вопрос о принудительных работах, заменяющих штраф или краткосрочное лишение свободы.

В последней четверти прошлого столетия буржуазные криминалисты и пенитенциаристы собираются на многочисленные международные конгрессы, где пытаются выработать и наметить пути сочетания „либеральной“ и открыто реакционной тактики буржуазии в области уголовной политики, во главу угла ставя, однако, вопрос об усилении репрессии, всей тяжестью обрушивающейся на трудящихся.

Первый международный тюремный конгресс, состоявшийся в Лондоне в 1872 г., впервые ставит вопрос: „возможно ли заменить краткосрочное лишение свободы и неплатеж штрафа усиленными работами без лишения свободы“. Некоторый интерес, проявленный со стороны криминалистов к поставленному вопросу, реального ничего не дал, а обсуждение его перенесли на следующий конгресс. Последующие три международных конгресса[1], рассматривавшие проблему различных „заместителей“ краткосрочного лишения свободы наряду со штрафом, судебным выговором, высылкой и ссылкой, так или иначе затрагивали вопрос о принудработах без содержания под стражей, но принять какие-либо определенные решения по этому вопросу все три тюремных конгресса не смогли[2].

Состоявшийся в 1905 году в Будапеште международный тюремный конгресс опять возвращается к „обсуждению вопроса“ каких правил следует придерживаться при наложении ареста на имущество лица, присужденного к штрафу или при исполнении заменяющего штраф заключения. Конгресс в своей резолюции отметил, что „власть, приводящая приговор в исполнение, должна быть облечена правом взимать пеню по частям или путем исполнения общественных работ“[3].

Как видно, и этот конгресс косвенно затронул вопрос о принудработах без лишения свободы, но затронул только в виде простой ссылки на него, не больше.

Криминалисты-социологи, развернувшие свою деятельность как в теоретических спорах, так и в попытках практического осуществления реформ буржуазного уголовного законодательства, ставили в более развернутой форме вопрос о принудительных работах без содержания под стражей.

---

[1] III-й международный конгресс в Риме в 1885 г.
IV-й „ „ в Петербурге в 1890 г.
V-й „ „ в Париже в 1895 г.

[2] См. об этом у Ферри „Уголовная социология“ т. II, стр. 418.

[3] Люблинский П. „Международные с'езды по вопросам уголовного права за 10 лет“, стр. 225-226.

Организатор и руководитель международного союза криминалистов профессор Лист уже в 90-х годах XIX в. в своих статьях о задачах уголовной политики, в своих докладах и выступлениях на международных конгрессах криминалистов, а также другие представители этой школы пытаются обосновать теоретически несостоятельность краткосрочного лишения свободы и, жонглируя фразой, предлагают заменить его условным осуждением, штрафом, судебным выговором, поручительством и „принудительными роботами без заключения". Предлагая последнюю из перечисленных мер уголовной репрессии, Лист говорит: „Нельзя ли устроить так, чтобы принудительная работа, была удержана, а заключение человека в тюрьму устранено?"[1].

По существу Лист, Ван-Гамель, Принс, Фойницкий и др. буржуазные ученые относительно принудработ без содержания под стражей ничего нового не предлагали и предложить не могли. Они—и главным образом Лист—только попытались восстановить этот институт, существовавший еще в XVII веке в саксонско-тюрингском уголовном праве, в качестве принудительной ручной работы.

Принудительные работы по баденским и прусским законам начала XIX века применялись в виде уголовной репрессии, главным образом, к правонарушителям, „которые владели достаточными достатками для своего существования: их не сажали в тюрьму, а заставляли производить те или иные работы на свободе"[2]. В более поздние времена итальянское уголовное уложение 1889 года также знало эту уголовную репрессию в виде назначения ее взамен лишения свободы, из расчета 2 дня принудительных работ за один день заключения в тюрьме или временного ареста. Принудительные работы, как наказание, заменющее штраф, мы находим в незначительных размерах во Франции и Швейцарии, в германском уголовном кодексе и в некоторых южно-американских странах.

Следует отметить, что царский „устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями" 1864 г. также знал уголовную репрессию в виде принудительных работ без лишения свободы. Но так как они не находили себе применения, то их решили исключить из карательной системы окончательно и больше к ним не возвращались.

Мы уже отметили, что во второй половине XIX в. происходившие тюремные буржуазные международные с'езды усиленно обсуждали вопрос о принудительных работах без содержания под стражей, как мере, заменяющей штраф или краткосрочное лишение свободы, но решить этого вопроса в условиях капиталистического общества не могли. С неменьшей силой краткосрочное лишение свободы привлекло внимание и международного союза криминалистов. Первый международный кон-

---

[1] Лист Ф. „Задачи уголовной политики", стр. 71, 1895 г.
[2] Там же.

гресс союза криминалистов, состоявшийся в 1889 году в Брюсселе, в своей повестке дня поставил вопрос о краткосрочном тюремном заключении. Но не обсуждая детально вопроса, конгресс вынес резолюцию, в которой рекомендует в качестве замены кратко.рочного лишения свободы — „поручительство и всякую реформу, стремящуюся обеспечить уплату денежной пени и устраняющую, таким образом, тюремное заключение, как наказание заменяющее". Таким образом стоял вопрос вообще о замене краткосрочного лишения свободы, но специально принудработ конгресс не касался, хотя к этому времени вопрос в литературе уже был поднят. Союз криминалистов продолжал выискивать меры, заменяющие краткосрочное лишение свободы. На втором конгрессе союза криминалистов, состоявшемся в 1890 г. в Берне, в порядок дня был включен вопрос о принудработах, как средстве, заменяющем краткосрочное лишение свободы, в такой формулировке: „может ли одна только обязательная работа без заключения заменить краткосрочное лишение свободы?" С докладом на эту тему выступил Баумгартен, доцент Будапештского ун-та и вицепрокурор Венгрии, и с содокладом Цюрхер. Баумгартен в своем докладе о принудительных работах без лишения свободы говорит, что „речь идет исключительно о присуждении к таким принудительным работам, которые не соединены ни с какими ограничениями личной свободы осужденного, помимо ограничений непосредственно связанных с этими работами. Обычной формой организации этих работ является коллективная работа на открытом воздухе или в закрытых помещениях (лесоразработки, коммунальные работы), причем не исключается совместная работа с наемными рабочими Следует с настойчивостью подчеркнуть необходимость отпуска осужденных на принудительные работы домой на ночь"[1]. Эта мера уголовной репрессии должна явиться, по мнению Баумгартена, единственной мерой, способной заменить„ краткосрочное лишение свободы"[2]. Но, как ни странно, Баумгартен настаивает на том, чтобы эта уголовная репрессия оставалась наказанием в полном смысле и содержания этого понятия. „В отличие от условного осуждения и поручительства принудительные работы сами по себе являются и должны быть наказанием: принудительные работы должны заменить краткосрочное лишение свободы не в качестве суррогата наказания, а как самостоятельное наказание"[2].

Конечно, очень трудно представить себе принудительные работы без содержания под стражей как наказание в „классическом" смысле этого слова, так как это есть как раз тот вид уголовной репрессии, который был выдвинут социологами в качестве меры социальной защиты. Именно с этой точки зрения против этого утверждения Баумгартена возражает в своем содо-

---

[1] Бюллетень Бернского конгресса союза криминалистов № 2 1890 г.
[2] Там-же.

кладс Цюрхер. Он говорит, что „принципиально принудительные работы не должны рассматриваться, как наказание, в собственном смысле. Потому что работы без заключения — благодеяние, а не наказание. Наказание должно служить воспитательной мерой, что при непродолжительных принудительных работах так же невозможно, как при краткосрочном лишении свободы".[1] Так как принудительные работы являются только заменой невзысканного штрафа, то поэтому „они не являются наказанием и от них не требуется, чтобы они исправляли, они только средство взыскания, подобно французскому „взятие под арест (за долги)"... С другой стороны они не будут специальным наказанием для определенных слоев населения потому, что осужденный будет иметь право выбрать, желает ли он уплатить или отработать штраф". Разгоревшиеся споры между участниками конгресса по этому вопросу не давали возможности придти к единому мнению, так как было различное понимание сущности и назначения предлагаемого вида уголовной репрессии. Одни утверждали, что его надо применить только как замещающее средство краткосрочного лишения свободы,—другие считали возможным применить его только взамен неисполненного штрафа, ибо „принудительные работы должны поражать не моральную или физическую, а только имущественную сферу личности"[2] и никак не превращаться в средство, заменяющее краткосрочное лишение свободы.

Эту точку зрения отстаивали в своих выступлениях Принс, Зейферт и др. Фойницкий пошел еще дальше в смысле ограничения применения принудительных работ без содержания под стражей, допуская их во-первых, по выбору самого осужденного, а во-вторых, как наказание за незначительные поступки. После обсуждения этого вопроса конгресс в своей резолюции постановил, что собрание, не отвергая в принципе работы без тюремного заключения как наказание и принимая во внимание желание союза исследовать первоначально практические средства этого наказания... решает отложить этот вопрос до следующей сессии. После этого собирался еще целый ряд конгрессов союза криминалистов вплоть до Копенгагенского 1913 г., но вопрос о принудработах без лишения свободы ни косвенно, ни прямо на них не обсуждался.

Таким образом, буржуазные криминалисты в соответствии с усилением репрессии в эпоху империализма против трудящихся делали главный упор на замещении краткосрочного лишения свободы штрафом, попечительским надзором, телесными наказаниями и т. п., но не принудительными работами без содержания под стражей. Борясь против краткосрочного лишения свободы, Лист, Ван-Гамель, Принс, Фойницкий и др. криминалисты-социологи выставляли в качестве главного и решающего вопроса заместителя краткосрочного лишения свободы—штраф и только

---

[1] Бюллетень Бернского конгресса криминалистов № 2, 1890 г.
[2] Баумгартен, там-же.

при условиях, когда штраф не мог быть взыскан с осужденного, ими допускалась возможность взыскания его через принудительные работы без лишения свободы. Защищая это положение, Лист в своих выступлениях о мерах, заменяющих краткосрочное лишение свободы, говорит: „Если мы не хотим, чтобы денежный штраф окольными путями вернул нас к краткосрочному заключению, — для немогущего быть взысканным денежного штрафа мы должны найти более пригодную замену, чем арест или тюрьма. Такой заменой нам представляется возможным наказание без лишения свободы. У нас неоднократно предлагались в качестве замены краткосрочного лишения свободы принудительные работы без лишения свободы (ручная работа, лесные и общинные работы, работы для государства или общин и т. д.)". Лист и другие уголовные социологи стоят за осуществление таких работ.

Но как?

Осуждая краткосрочное лишение свободы, как несущее с собой опасность моральной деградации заключенного, Лист говорит: „Принудительные работы, напротив, являются лучшим средством дисциплинирования как и исправления, т. е. принудительные работы без лишения свободы имеют все преимущества кратковременного заключения, как наказания, без его отрицательных сторон"[1].

Здесь Лист возражает против утверждения Цюрхера, отрицавшего исправительное значение принудительных работ. Энрико Ферри также вел борьбу с краткосрочным лишением свободы. Он говорит, что „гибельные результаты до того безспорны, что нет, кажется, страны, где бы не раздавались самые громкие протесты против краткосрочного заключения"[2]. И в качестве мер, заменяющих краткосрочное лишение свободы, он предлагал домашний арест, залог, предостережение со стороны суда, условное осуждение, высылку и „принудительные работы без тюремного заключения". Ферри говорит, что принудительные работы без тюремного заключения допустимы, но не как наказание само по себе, а „как средство серьезного возмещения убытков, которое я теперь, как и прежде, считаю единственно возможной санкцией против случайных преступников, виновных в легких преступлениях"[3].

Признавая „высокое качество" принудительных работ без лишения свободы, Лист и другие буржуазные криминалисты спешат предупредить буржуазного законодателя и обывателя, чтобы его не поняли превратно в этом вопросе. Так, Лист говорит, что „принудительные работы без лишения свободы являются не заменой лишения свободы, а заменой немогущего быть внесенным денежного штрафа. А поэтому они только посред-

---

[1] Лист Ф, „Задачи уголовной политики", 1845 г.
[2] Там-же, стр. 45.
[3] Ферри Э. „Уголовная социология", т. 2, стр. 414.

ственно могут влиять на ограничение применения краткосрочного лишения свободы... Их можно рекомендовать только как замену, немогущего быть взысканным штрафа и, следовательно, косвенным путем как замену краткосрочного лишения свободы"[1].

Буржуазный „либерал" дальше еще лучше показывает настоящий классовый смысл своей теории о принудительных работах без лишения свободы. Он говорит, что „еще большее значение, чем теоретическое, имеет следующее практическое соображение. Принудительные работы могут быть проведены только в отношении тех лиц, которые живут трудом своих рук. Они практически возможны только, как поденные работы. Государство не может требовать от осужденного учителя — преподавания, от сапожника и портного, чтобы они шили сапоги и платье, оно не может требовать от фабриканта, чтобы он снабжал его машинами (будто фабрикант их производит! — Ф. С.), от виноторговца, чтобы он снабжал его вином. Государство не может заставить врача безплатно лечить хотя бы государственных чиновников, модистку — представлять дамам свои модели"[2].

Лист считает, что это невозможно провести потому, что встретятся на пути осуществления таких мероприятий „неизмеримые трудности и издержки и притом нужна сложная организация их осуществления". А поэтому Лист предлагает применять принудительные работы в более широких масштабах там, где легко они поддаются учету и просто и реально выполнимы. „Их можно применить только для тех лиц, которые могут представить свои рабочие руки в обмен за поденное вознаграждение". Понятное дело, буржуазные идеологи не могут рекомендовать применять к представителям своего класса такие меры уголовной репрессии, которые противны их классовой природе, ибо уплатить штраф буржуа гораздо легче, чем отбыть меру уголовной репрессии, в виде принудительных работ без лишения свободы. Баумгартен вторит в этом отношении Листу, утверждая, что „принудительные работы, как замена краткосрочного заключения, вызывают сомнение прежде всего в том отношении, что область их применения ограничена. Нельзя принудить к выполнению и использовать в интересах государства, или по крайней мере контролировать такую работу, которая неразрывно связана с данной определенной профессией или даже с индивидуальными свойствами данного лица. Таким образом, по существу этот вид наказания должен ограничиться самыми примитивными видами человеческого труда — поденной, черной работой в различных формах. Но и в таком виде далеко нельзя расчитывать на всеобщее применение этих работ. Роль подготовки, которая требуется при более квалифицированных работах, играет при обычном физическом труде — тренировка. Поденные работы

---

[1] Лист Ф. „Задачи уголовной политики", стр. 46

[2] Лист, там же, стр. 46 - 47.

могут выполняться только чернорабочими"[1]. А Цукер прямо говорит, что „принудительные работы представляют слишком суровое наказание для более высоких слоев общества, они практически должны будут поражать только неимущих" в буржуазных странах и в теориях буржуазных ученых. Трудящиеся массы—вот главный об'ект применения принудработ без лишения свободы.

.Буржуазия не решалась ставить принудительные работы без лишения свободы в виде самостоятельной меры уголовной репрессии.

Принудительные работы, по мнению буржуазных ученых, не могут являтся самостоятельной мерой уголовной репрессии, а могут быть лишь вспомогательной мерой, приходящей на помощь реализации штрафа, которого не может уплатить трудящийся, или иных каких либо имущественных взысканий. Лист по этому поводу говорит, что „принудительная работа есть скорее пригодное средство замены только денежного взыскания, которое не поддается взысканию"[2], и, продолжая дальше свои рассуждения, говорит, что правонарушения „облагаются исключительно денежными взысканиями; в случае несостоятельности следует принудительная работа на свободе"[3].

Несостоятельным в выплате штрафа всегда оказывается трудящийся, постоянно живущий своим трудом, постоянно эксплоатируемый собственником — буржуа. Все буржуазные криминалисты, признающие принудительные работы без содержания под стражей, именно так и мыслят эту уголовную репрессию, как труд чернорабочего или вообще труд „низших классов". Буржуазия устами Листа и других криминалистов говорит: „Кто не зарабатывает себе средства пропитания, к тому принудительная работа неприменима"[4], ибо в этом случае „последовало бы крайне тяжелое усиление строгости действующего права"[5], разумеется, по отношению к представителям буржуазии. После сказанного само собой понятно, почему новейшее уголовное законодательство и проекты новых УК буржуазных стран не содержат принудительных работ без содержания под стражей, как самостоятельного вида уголовной репрессии. Есть и такие проекты УК некоторых буржуазных стран (Италия), в которых раньше принудработы были, но теперь они совершенно исключены из карательной системы.

Так, если возьмем швейцарский проект 1918 г., германский проект 1925 и 1927 г.г., или итальянский—фашистский, действующий УК 1930 г.—Рокка, то увидим, что все эти проекты отвергли принудработы даже в качестве „заместителей" не только краткосрочного лишения свободы, но и имущественных взысканий (штрафа).

---

[1] Лист Ф. „Задачи уголовной политики", стр. 46.
[2] Лист Ф. Там же стр. 85.
[3] Там же, стр. 90.
[4] Там же, стр. 85.
[5] Тем же, стр. 55.

В дореволюционной России также при разработке проекта Уголовного Уложения в 1902 г. в особом присутствии Государственного совета был поднят вопрос о введении таких мер уголовной репрессии, которые „существенно сократили бы будущий состав тюремного населения".

Особое присутствие Государственного совета приняло решение создать „заведение и учреждение принудительного труда не в виде наказания, а в качестве предупреждения и в качестве предохранения от него, — работные дома и общественные работы"[1]. Предложение особого присутствия Государственного совета в проект уголовного уложения введено не было и осталось без последствий.

Однако в некоторых действующих УК и новых проектах, мы найдем в санкциях принудительные работы без содержания под стражей, но только, как замену штрафа, а не краткосрочного заключения. Действующий УК 1921 г. Аргентины предусматривает замену штрафа принудительным трудом; УК 1924 г. республики Перу также устанавливает, что „штраф может быть заменен, в случае неуплаты, тюрьмой на срок не свыше 1-го года, или же работами без лишения свободы".

Проект уголовного кодекса 1921 г. Германской республики в ст. 28-б указывает, что „исполнительные учреждения могут разрешить заключенному погасить штраф, который не может быть взыскан, работами без лишения свободы"[2].

В США также практикуются „принудительные работы". Они применяются, главным образом, в виде замены штрафа к тем безработным, которые в качестве безбилетных пассажиров были пойманы в поезде. С поезда они прямо отдаются на откуп предпринимателям по разработке эквалиптовых лесов, где в ужасных условиях приходится им отбывать свой „штраф" в виде принудработ[3].

В чехо-словацком проекте УК 1926 г., §§ 44-47 предусматривают применение принудительных работ: „в тех случаях, когда суд найдет, что штраф фактически ляжет не на осужденного, а на кого-либо иного, а также в тех случаях, когда преступление совершено из праздности и отвращения к труду — штраф может быть заменен принудительными работами без содержания под стражей"[4].

Если к вышеприведенным проектам прибавить еще итальян-

---

[1] „Тюремные преобразования" стр. 76 — 77, официальное издание тюремного ведомства, 1905 г.

[2] Гродзинский. Новые иностран. УК и проекты. „Проблемы преступности", в. III, стр. 206.

[3] См. у Булатова „Уголовная политика эпохи империализма", 1933 г.

[4] Можно указать еще ряд проектов и действующих законов империалистических стран (напр. югославский проект УК 1923 г., польский 1922 г, венгерский 1926 г., австрийский 1912 г., норвежский 1913 г., швейцарский УК и др.), где принудработы предусматриваются взамен неисполненного штрафа.

ский проект 1921 г. Энрико Ферри, то мы получим в основном представление о принудительных работах в буржуазных уголовных кодексах после империалистической войны.

При рассмотрении итальянского проекта Ферри[1] мы находим в постановлениях о принудительных работах некоторые отличительные черты сравнительно с вышерассмотренными проектами УК других буржуазных стран. Ферри в ст. 50 выдвигает для правонарушителей старше 18-летнего возраста принудительные работы без содержания под стражей в виде самостоятельной меры репрессии, ставит их на одну плоскость с трудовыми домами и сельскохозяйственными колониями. „Присужденные к дневным принудительным работам отбывают их в трудовом доме или в государственной сельскохозяйственной колонии, без содержания (заключения Ф. С.) на ночь осужденного, на время не ниже одного месяца и не выше двух лет"[2]. В об'яснительной записке к УК Ферри говорит, что „будучи применены к случайным и неопасным преступникам, принудительные работы приучат к труду и пополнят профессиональное образование осужденного, не отрывая его — и в этом преимущество — от семьи"[3].

Данный обзор развития принудительных работ без содержания под стражей, как меры уголовной репрессии в системе буржуазной уголовной репрессии, дает нам право сказать, что буржуазные криминалисты всех школ и направлений вопрос о принудительных работах без лишения свободы с мертвой точки сдвинуть не смогли.

Они приспособляли уголовную репрессию к интересам господствующего класса — буржуазии, помогая в разнообразных формах своему классу эксплоатировать трудящихся и подавлять. Об'язанность уплатить денежный штраф они превращали в об'язанность отработки его, с тем, что при попытке уклониться от этого, штраф неизбежно заменяется эквивалентным лишением свободы в тюрьме.

Уплатить штраф для буржуа в капиталистическом обществе не представляет никаких затруднений, между тем как трудящимся платить его нечем, а поэтому буржуазными криминалистами был найден „рациональный" выход — отработка штрафа натурой — принудительными работами.

В вопросе о принудительных работах без содержания под стражей основная боязнь со стороны буржуазных криминалистов, порождаемая сущностью капиталистической системы хозяйства, открыто высказывалась некоторыми из этих криминалистов Так, например, буржуазный криминалист Цукер говорит, что „уже сейчас тюремная работа создает конкуренцию свободному

---

[1] Ферри умер в 1926 г., эволюционировав в своей политической жизни от „социалиста" к ярому итальянскому фашисту.

[2] Проект УК Э. Ферри в пер. М. Гернета, стр. 11, 192.

[3] Цитировано по „Основам пенитенциарной политики" Исаев М. стр. 162.

труду и—что будет дальше, если принудительные работы применить во всем об'еме, как меру уголовной репрессии? Для того, чтобы не было конкуренции между „свободным" трудом и принудительными работами, необходимо последние применять как можно осторожнее, чтобы особенно избегать конкуренции со свободными рабочими" (Принс).

Капиталистическое общество, покоющееся на частной собственности и эксплоатации человека человеком, на угнетении большинства меньшинством, ежечасно порождающее огромное количество преступников, в силу всего своего уклада, в силу противоречий капиталистической системы хозяйства в силу громадных и непримиримых классовых противоречий не в состоянии выбиться из противоречий своей уголовной политики, а следовательно не в состоянии во всю ширь поставить и вопрос о принудительных работах без лишения свободы, как о самостоятельной мере уголовной репрессии.

Это не мешает, конечно, практиковать в буржуазных тюрьмах подневольный труд, нарочито бессмысленный, самой своей бессмысленностью предназначенный быть формой тюремного мучительства, подвергающийся попыткам капиталистической рационализации, но и в этом случае не могущий ни быть поставленным на широкую ногу, ни стать средством какого-либо „исправительного" воздействия.

Только пролетарская революция, диктатура пролетариата, уничтожая капиталистическую систему, буржуазное государство и право, разрешает вопрос уголовной политики.

Пролетарская революция в стране советов создала новое государство, где государственная власть принадлежит пролетариату. Только в этих условиях возможно полное и действительное осуществление исправительно-трудовых работ без лишения свободы, качественно и принципиально отличных и противоположных принудительному труду в капиталистических странах. Исправительно-трудовые работы у нас являются мерой уголовной репрессии и служат моментом „воспитания новой, социалистической дисциплины и самодисциплины трудящихся"[1].

Это иное качество, принципиально отличное содержанием и формой исправительно-трудовых работ без содержания под стражей, являющихся в смысле современной репрессии средством действительного поднятия на новую ступень сознания неустойчивых элементов из среды трудящихся, служащая одним из средств перевоспитания их в нового человека, всей практикой наших судебных и исправительно-трудовых органов в корне разрушает грязную клевету врагов советской власти относительно „принудительного труда в СССР" даже в той части, где труд, как неот'емлемое условие нашей уголовно-репрессивной системы неизбежно включает в себя элементы принудительности.

---

[1] Постышев, П. П. „Основные задачи сов. юстиции", 1932, стр. 4

Более того — при противопоставлении исправительно-трудовых работ у нас принудительному труду в капиталистических странах — еще резче, еще обнаженнее выступает вся эксплоататорская и насильническая сущность принудительного труда, жестоко применяемого в капиталистических странах и в тюрьме и вне ее стен под видом „свободного“ наемного труда. Наша страна вступила в период социализма и „в свете новых задач, которые стоят на данном этапе перед советской юстицией, особое значение приобретают теперь методы и формы исправительно-трудового воздействия“[1] и среди этих методов и форм исправтрудработам без лишения свободы принадлежит одно из виднейших мест.

---

[1] Постышев, П. П. „Основные задачи сов. юстиции“, 1932, стр. 27

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 2 руб. 25 коп.

(Р)